

Сим Никин

БОЯРИН

2017

Annotation

Первые главы здесь уже были. Но и в них произошли некоторые изменения, согласующиеся с изменениями в первой книге. Димон решил переждать жизненную черную полосу в небытие. Но есть ли небытие? ВНИМАНИЕ!!! Прогрессорства не будет!

Сим Никин

Игра с судьбой 2

Боярин

Как Новый Год встретишь, так его и проведешь. Я никогда не считал себя суеверным, но конкретно в эту примету верил. Потому считал сей праздник главным в году и старался отмечать его со всеми причитающимися удовольствиями: сыто, весело, в компании друзей и с красивой девушкой. Но, надо же было такому случиться, в канун этого Нового Года поспорил с очередной герлой. Сам и был инициатором ссоры. Просто отношения начали заходить за ту грань, когда девушка вдруг решает, что имеет какие-то права на ограничение моей свободы и требует узаконивания отношений. Наверное, надо было потерпеть еще немного, чтобы было с кем провести праздник. Но, с другой стороны, совместная встреча Нового Года могла только усугубить отношения.

Впрочем, остаться в одиночестве мне не грозило. Как только я объявил друзьям, что прибуду один, то Нинка, подруга Никиты, даже обрадовалась. У нее, видите ли, есть не пристроенная подруга и она теперь обязательно нас познакомит.

Оксана оказалась довольно миловидной блондиночкой. Правда, немного замкнутой. Но уж я-то спец по раскрепощению недотрог. Однако не тут-то было. Случилось невероятное — мое обаяние никак не подействовало на Оксану. Более того, я ей явно не понравился! Такого со мной не было... Да такого вообще никогда не было! Ну, Нинка, ну удружила с подругой. И что мне оставалось? Правильно — напиться. А в пьяную голову, в которой отсутствуют положительные мысли о прекрасном поле, как обычно начинают лезть всякие дурацкие мысли. Вот говорят, алкоголь снимает стресс и все такое. Да нифига он не снимает. Он усугубляет! Стресс снимает работа. Но кто ж работает за новогодним столом? Разве что столовыми приборами.

Так вот, если верить в выше обозначенную примету, то мне улыбалось провести весь год в пьяном одиночестве. Не-е, я категорически против! Пока на дворе первое число, надо срочно исправлять ситуацию! Но как? Мозг лихорадочно искал выход из сложившейся ситуации. Найденное в итоге решение я могу объяснить только тем, что мозг был так же пьян, как и его носитель.

Я вышел на кухню и набрал номер Сэма — старшего брата одной из своих бывших подружек.

— Ало, Сэм. С Новым Годом!

— С Новым Годом, Дим! Юлька с тобой?

— Ты чо, Сэм? Мы ж с твоей сестренкой уже давно остались друзьями.

— Да? А с кем же она щас?

— Да откуда я знаю? Слушай, у меня к тебе дело.

— Прямо сейчас?

— А сейчас в твою лабораторию приехать можно?

— Институт под охраной. Возможно, днем и получится пройти в него, а сейчас... А зачем тебе?

— Понимаешь, Сэм, вот ты можешь себе представить, что встречаешь Новый Год без спиртного?

Сэм икнул в трубку, и я даже через телефон почувствовал, как он перекрестился. Далее я рассказал ему о своей беде, о том, что теперь мне весь год предстояло провести в одиночестве и что только он может помочь мне избежать этой беды, отправив меня, с

помощью своего «испарителя» на год вперед.

Сэм еще раз икнул, чем-то булькнул, крикнул, пообещал влегкую решить мою проблему, но только позже, и отключился.

* * *

Пожалуй, про Сэма надо рассказать подробнее. Высокий вечно растрепанный кучерявый блондин, похожий и на Пьера Ришара, и на Эйнштейна, это, как я уже сказал, старший брат моей бывшей подруги Юльки. Семен, таково его настоящее имя, имел кандидатскую степень и работал в одном из местных НИИ. Как уверяла Юлька, и как я впоследствии убедился на собственной шкуре, ее братец был непризнанным гением. Этот недостаток усугублялся еще и алкоголизмом. Впрочем, до свинского состояния недогений никогда не напивался, а просто находился в перманентном полурасплывчатом состоянии.

При первом знакомстве я по незнанию легко согласился на предложение Юлькиного брата: «хлопнуть по мензурке». После пары «хлопков» черт меня дернул поинтересоваться сферой научной деятельности Сэма. Вот тут-то он мне на уши и присел, не забывая периодически наполнять стопки. Сквозь бульканье разбавленного спирта в мои уши вливалась какая-то околонаучная чушь про разложение физического тела на какие-то нуклоны-шмуклоны, и про программирование этих нуклонов на определенное время, через которое они вновь соберутся.

— Какие нахрен нуклоны? — я слабо пытался протестовать против насилия над моим мозгом.

— О-о-о... — многозначительно протянула заглянувшая в комнату брата Юлька. А когда мы попытались придать своим лицам трезвые выражения, презрительно фыркнула и удалилась, громко хлопнув дверью.

Обидевшись на такое пренебрежение к моей личности, я гордо самолично наполнил стопки и, деловито наморщив лоб, кивнул белобрысому собеседнику:

— Ну, это, чего там дальше про эти, ну, нуклоны?

Вдохновившись моей заинтересованностью, Сэм опрокинул стопарик и, приблизившись, заговорил полупшепотом:

— Димка, а хочешь быть Юрием Гагариным, а? — и, заметив выражение непонимания, поспешил уточнить: — Не, не в смысле имя поменять, а в смысле быть первым в полете в будущее, а?

— Ты чего, чувак, перте... пепре... пепертум... Тьфу. Машину времени изобрел, что ли? — я едва совладал с захмелевшим языком.

— Ну-у, — почесал небритую щеку гений, — можно и так сказать. Только перемещение исключительно в будущее, и без возврата назад. Тут вернее будет параллель с анабиозом. Типа, уснул, и проснулся лет через пять, а то и через сто. Да хоть через тыщу! Хочешь через тыщу лет проснуться?

После первого знакомства я, естественно, считал Сэма за сумасшедшего и, каюсь, при последующих встречах не мог удержаться от подтрунивания над ним, всякий раз с нарочито серьезным видом интересуясь судьбой фантастического проекта. Белобрысый с благодарностью за проявленный интерес начинал что-то объяснять, но я тут же ссылался на занятость и спешил удалиться. Основательно завладеть моим вниманием недогению удалось

только на Юлькином Дне Рождения. Так получилось, что в какой-то момент почти все гости вышли то ли покурить, то ли в туалет, и в банкетном зале остались только мы с Сэмом и Юлька в компании двух подружек. Скучающий до сих пор ученый не замедлил подсесть ко мне и, автоматически наполнив две стопки, зашептал с заговорщицким видом:

— Можешь поздравить меня, Димка!

Я поздравил его с Днем Рождения сестры и опрокинул стопку.

— Спасибо, — продолжил шептать тот, наполняя стопки заново, — но я о другом. Моя машина работает! Понимаешь? Я за последний месяц провел двадцать три испытания на крысах...

Слушая Сэма, я жалел свою подругу — наградил же ее Боженька братцем. Эдак он скоро и вовсе с катушек съедет. Может, это на почве алкоголизма?

— Стоп! — моя ладонь накрыла стопку с водкой, которую Сэм готовился залить себе в рот. — Семен, неужели ты сам не понимаешь всей серьезности проекта, находящегося в твоих руках? Да это же прорыв в науке! Благодаря твоему светлейшему гению человечество вот-вот шагнет в... э-э-э... ну... Короче, Сэм, тебе надо беречь себя, понимаешь? Ты есть национальное достояние! И пока не доведешь свое дело до конца, с водкой тебе надо завязать. Договорились?

Сэм сглотнул, глядя на мою ладонь, накрывшую стопку, и сообщил:

— Да я этот суррогат обычно и не употребляю. Ты же знаешь, Димка, я предпочитаю только спирт. Слушай, а чего тут сидеть? Давай прямо сейчас мотнемся в мою лабораторию, и я тебе все покажу наглядно? Поехали?

— Не-е, ты чего, Юлька же обидится, — поспешил отступить я. — Давай завтра, на трезвую голову.

— Договорились. Завтра позвоню, — Сэм выхватил из-под моей руки стопку, залпом опорожнил и, уступая стул подошедшей сестре, отправился скучать на свое место.

Утром я долго игнорировал художественный свист мобильного. Наконец он умолк, но тут же зазвонил городской телефон. Когда они принялись требовать моего внимания дуэтом, пришлось встать и приложить к ушам сразу обе трубки.

— Ало, — выдавил я сонно-раздраженно.

— Димка, — обрадованно закричал в оба уха Сэм, — у меня все готово! Приезжай.

— Чего готово? Куда приезжать? — не сразу сообразил я. Но когда до меня дошло, что этот сумасшедший потревожил мой послепраздничный будун ради демонстрации каких-то опытов с крысами, трубки были вынесены в ванную и заперты в стиральной машинке, а я вернулся в кровать и... больше не смог уснуть.

Через полчаса, вскипев праведной злостью, я встал и решил раз и навсегда разобраться с недогением. Еще через полчаса, предварительно заехав в зоомагазин, я стучался в дверь его лаборатории.

— Показывай, — потребовал я, всучив белобрысому коробку с шуршащим в ней белоснежным кроликом.

— Что там? — не понял тот, но коробку принял и как-то подозрительно ее понюхал.

— Не что, а кто. Там твоя маленькая копия.

Сэм открыл коробку и уставился на зверька. Кролик действительно чем-то походил на него — такой же белобрысый и растрепанный, с таким же наивно-непонимающим взглядом.

— Это кто?

— Кролик. Не видишь, что ли? Зовут его Сэм. Сейчас ты разберешь его на эти твои

нуклоны и соберешь обратно, скажем, через полчаса. Если вдруг твоя машина не сработает, то ты безропотно следуешь за мной к лучшему в городе специалисту по кодированию от зеленого змея. И возражения не принимаются.

— Так ты что, не веришь мне? — на лице белобрысого появилось выражение искреннего удивления.

Особо понравилось его ударе на слово «мне». Мол, не верить ему, это что-то типа того, как если бы я не верил в то, что земля круглая. Мне и раньше не раз приходилось встречаться с такими людьми, искренне уверенными, что все окружающие просто обязаны верить в их правоту, чистоту помыслов, гениальность и тому подобное. Все они, как правило, на деле были безвольными алкоголиками. И не известно, что было следствием чего. То ли алкоголиками они становились из-за, якобы, неверия людей в очевидность их гениальности, то ли из-за пристрастия к алкоголю у этих «гениев» появлялись подобные бредовые комплексы. Но вот за этим белобрысым природа не доглядела, по чистой случайности наделив его некой гениальностью. Только отсыпала ему эту гениальность не полностью, породив, таким образом, недогения. Сэм же, судя по всему, особо по этому поводу не расстраивался и с легкостью дополнял свою недогениальность чистым спиртом. Но вот вера в то, что все обязаны безоговорочно ему доверять, была отмерена, как положено, в полной мере.

— Как говорил кто-то, верю только в то, что вижу, — заявил я Сэму. — Давай, раскладывай кролика на молекулы. А я посмотрю.

— Выпьешь?

Не отвечая, я выразительно посмотрел в глаза алкогению.

— Понял, — отступил тот и принялся устраивать кролика на чаше, которую положил в похожее на стоматологическое кресло, опутанном разноцветными проводами и окруженном похожими на спутниковые тарелками.

Кролик, заставив меня замереть с отпавшей челюстью, испарился и появился снова почти вовремя, с опозданием на три минуты. Надо ли говорить, что полчаса ожидания тянулись как полдня? Три лишних минуты показались часом. Зато, когда воздух над чашей уплотнился, перестал быть прозрачным и превратился в усыпленного белого кролика, мы оба с облегчением вздохнули.

— Наливай, — сказал я ученому. — А то уйду.

— Слушай, Сэм, — снова обратился к хозяину лаборатории, после того, как несколько мензурок разбавленного спирта простимулировали мое воображение. А вот там... Ну... В разложенном состоянии организм стареет? Типа, если ты сейчас испаришь меня, запрограммировав появиться через сто лет, я появлюсь таким же? Или столетним стариком?

— Естественно таким же. Неужели непонятно? Стареет именно организм, так же, как и любой механизм, за счет изнашивания материалов из которых он состоит. Возьмем механизм из вращающихся шестеренок. Это конечно не совсем тот пример, но все же. Срок действия механизма, в зависимости от своевременности смазки и качества смазочного материала, от десяти до двадцати лет. Потом зубья на шестернях сработаются. А теперь скажи — как долго будут срабатываться зубья, если механизм разобрать и положить шестерни на полку?

— Ну не надо меня совсем уж за идиота считать. Все мне понятно. Просто хотел уточнить. И что, так можно хоть на тысячу лет вперед отправиться?

— Теоретически, хоть на миллион. Почему я и сказал, что пример с шестернями не

совсем подходит. Те же шестерни со временем изъест коррозия. А вот элементарные частицы — вечны. Понимаешь? Вот только для программирования на тысячелетие массы подобной человеческому телу, понадобится аппарат мощностью куда гораздо большей, чем этот.

В итоге эксперимента с кроликом я, пришедший с намерением излечить Юлькиного брата от алкоголизма, сам нахрюкался почти до невменяемого состояния.

Проснувшись ночью в своей квартире, долго не мог сообразить, был ли фантастический эксперимент наяву, или только приснился. В конце концов, решив разобраться на трезвую голову, снова уснул.

С утра замотался по делам бизнеса. Ближе к вечеру буквально сгорал от желания остудить вчерашний перепой холодным пивом. Но, в отличие от некоторых, в одиночку не пью даже пиво. А потому позвонил Денису — бывшему однокурснику, с которым с институтских времен поддерживал дружеские отношения. Была у того свойственная нашему поколению идея-фикс — откосить от службы в армии. Лично я давно отдал долг Родине и не понимал страха перед годом службы в среде таких же пацанов, с которыми мы общаемся в обычной жизни. Но и с нравоучениями к озабоченным милитарифобией приятелям никогда не лез. Так вот, Денису до двадцати пяти лет удавалось избегать призыва, однако на этот раз, похоже, его зацепили серьезно, и через день ему предстояло явиться в военкомат с вещами. О чем он и сообщил мне, когда я позвонил с предложением попить пивка.

Вникнув в суть трагедии, я взял вместо пива три бутылки водки и отправился провожать друга на воинскую службу. Нет-нет, я не алконавт, типа Сэма. Выпиваю лишь по особым случаям не чаще раза в месяц, а то и реже. Просто так сложилось, что третий день подряд случались эти самые исключительные случаи. Сперва Юлькина днюха, потом шок от испарения и возрождения кролика, теперь вот друг в армию уходит. Ну, не провожать же Дэна пивом, согласитесь?

Короче, я опять наклюкался и остался ночевать у приятеля на кухонном диване. И приснился мне до того реалистичный сон, что проснувшись... В общем, приснилось, будто я предложил Дэну отправиться с помощью Сэмова испарителя лет на несколько вперед, чтобы появиться вновь молодым и здоровым в то время, когда его призывной возраст пройдет. И будто бы утром мы явились в лабораторию алкогения, и тот испарил Дениса на пять лет.

Сон был до того реальным, что проснувшись и обнаружив приятеля мирно спящим, я сильно удивился. Но от приснившейся идеи не отказался и, сбегав за пивом, разбудил друга и предложил отправиться к Сэму.

Однако Дэну, судя по всему, тоже приснилось нечто такое, от чего он поменял свое мировоззрение на диаметрально противоположное. Во всяком случае водка так на него повлиять не могла — я брал качественный и далеко не самый дешевый продукт. Узнав, что я предлагаю ему откосить от службы, тот вдруг решительно заявил, что намерен отправиться в армию. И в его словах прямо-таки сквозило искреннее желание.

И еще, Дэн вдруг схватил чистый лист и нарисовал на нем какую-то карту, на которой крестиком обозначил клад. Прямо так и написал над крестиком «клад». Вручив карту мне, велел беречь ее до его дембеля.

Так и ушел мой друг в армию, а я, протрезвев, ужаснулся своему желанию использовать Дэна в качестве подопытного кролика в испарителе сумасшедшего алкогения.

Так как и фантастический эксперимент, и большинство встреч с Сэмом сопровождались обильными алкогольными возлияниями, то в последующие полгода я предпочитал считать испарение кролика таким же бредовым сном, как и испарение Дэна... А если не врать и признаться честно, то мысль о переносе во времени прочно засела в моей голове. Заманчиво было переместиться в будущее. Все чаще задумываясь над этим, я фантазировал, как переносюсь во время с продвинутыми технологиями, в мир, подобный тем, которые видел в фантастических фильмах. Правда, мое воображение почему-то останавливалось на летающих авто и стереоэкранах на всю стену. А еще подсчитывал проценты, которые за сто лет накапают на счету, если положить в банк определенную сумму.

Периодически заходил к Сэму, как бы просто так, поинтересоваться его житьем-бытьем. Каждый раз хотел заговорить о перспективе собственного переноса в будущее, но что-то меня удерживало. Вернее, не что-то, а вид этого недоразумения, называемого ученым. Ну не мог я поверить, что он мог создать нечто подобное машине времени. И тем более, не мог довериться ему. И все же, он на моих глазах испарил и снова материализовал кролика...

И вот, неудачная встреча Нового Года и коварный зеленый змей вновь заставили вернуться к мысли о переносе во времени. А что? Вот испарюсь сейчас и материализуюсь в канун следующего Нового Года, чтобы успеть подготовиться к празднику более основательно. Или нет, не через год, а через полгода. Как раз Дэн вернется из армии, а уж с ним-то мы замути́м веселую жизнь.

Первого числа, ближе к обеду меня разбудил звонок мобильного.

— Але.

— Ну, ты не передумал? — услышал я нетрезвый голос Сэма. — А то, у меня тут идея появилась по фрагментации крупных биологических масс. Можно заодно и проверить.

— Ты о чем, Сэм? — я действительно напрочь забыл о своем давешнем звонке.

— Ты что, пьяный, что ли? — поинтересовался тот и икнул.

Пока я прислушивался к своему организму, чтобы определиться с ответом на этот вопрос, он продолжил:

— Ты Новый Год с кем встречал?

— С Никитосом. Ты его, наверное, не знаешь. Ну и с его подругой, и с подругой его подруги... — далее я хотел было поинтересоваться, зачем он об этом спрашивает, но при упоминании о Нинкиной подруге все вспомнил. М-да.

— Ну, а спал-то с кем? — Сэм продолжал задавать наводящие вопросы. — С Никитосом, что ли?

— Да все я вспомнил. Слышь, а ты что, взаправду хочешь разложить меня на эти, как их?

— Дык ты же сам меня уговаривал. Или я чего-то путаю?

Я задумался. Белобрысый алкогений что-то там говорил в трубку, но я не слушал его и, в

конце концов, он сбросил вызов.

Не знаю, сколько я так просидел, держа немую трубку у уха и размышляя над принятым ночью решением. Нет, оно понятно, что по пьянке всякое может в голову взбрести. Вот если бы тогда под рукой оказался Сэм со своим испарителем, то сейчас бы я уже точно витал бы в воздухе в виде разрозненных нуклонов. Или нет. Я бы уже очнулся там, в будущем. Ведь в небытие время должно проходить мгновенно, как во сне, в котором ничего не снится. Может, все-таки рискнуть?

В конце концов, позвонил Сэму и, узнав, что тот уже едет в институт, договорился с ним встретиться там. На месте уже решу окончательно.

Как ни странно, двери института, несмотря на первый новогодний день, были открыты. Сэм уже ждал меня у крыльца, притопывая на морозе. Пройдя в лабораторию, мы первым делом выпили за Новый Год, пожелав друг другу в этом году всяческих благ. Это было моей самой большой в жизни ошибкой. Не в том смысле, что не надо было желать благ белобрысому, а в том, что я выпил с ним эту первую стопку. Спирт слился в объятиях с новогодней водкой, которая все еще будоражила мою кровь. За первой стопкой последовала вторая. После третьей я почувствовал в Сэме родную душу и посетовал ему на свое несчастье.

Надо сказать, что любая, самая пустяковая неурядица начинает казаться более глобальной, когда сетуешь на нее кому-либо. А если это дело еще и усугубляется принятием спиртного, то в итоге любой пустяк уже воспринимаешь, как нечто подобное апокалипсису.

— Не, чувак, ты представляешь, а? Я... Нет, ты понимаешь? Не кто-то там, а Я! Я провел Новогоднюю Ночь один! Представляешь? О-дин! — жаловался я Сэму. — Вот ты веришь в приметы? Нет? Правильно, чувак. Я тоже не верю. Но, блин, все равно, сыкотна как-то. Вдруг у меня и вправду весь этот год баб не будет... Чур меня, чур. Наливай еще по граммulette.

— Да никаких проблем, Димыч, — вытянул ладонь в успокаивающем жесте собеседник. — Ты, кстати, не знаешь, где Юлька Новый Год справляла? Даже не позвонила, не поздравила братишку. Нет, не знаешь? Ну да, ик, ладно. Ща мы тебя спасем. Мы вычеркнем этот год из твоей жизни! Давай на посошок, и, как говорится, просим проследовать к аппарату. А чего вы с Юлькой-то расстались?

— Чего? А-а, с Юлькой-то... Да не помню я уже. Ну, давай по последней. А то тебе Сэм, сейчас напиваться нельзя. Все-таки в твоих руках человеческая, в смысле, моя судьба. Понял?

— Ага, ик. А по какому поводу мы пьем?

— Мы? — я попытался сосредоточиться, но голова закружилась. Меня вдруг бросило в жар. Сообразив, что до сих пор не удосужился снять дубленку, попытался встать, чтобы раздеться. Стул подо мной вдруг начал переворачиваться, и я провалился в густое, вязкое небытие.

— Н-но, залетные! Давай, родимые! Иэ-э-эх!

— Эй, Алексашка, чего это там? Никак лежит кто в сугробе? А ну, тормози, глянем.

— Дык, пьянь небось какая, Петр Лександрыч. На кой он вам?

— Тормози, говорю! Бездушный ты человек, Алексашка. А ежели бы я вот так пьяным вывалился из саней? Ты бы тоже промчал мимо?

— Да што ж вы такое говорите-то? Нешто я не доказал вам свою верность, да не единожды? Да и обоз же сзади идет — подобрали бы вас. Это я к тому, ежели бы я не заметил, что вы вывалились...

День солнечный, морозный

Легкий морозец пощипывает щеки. Дышится легко и приятно. Я явно куда-то еду. Еду? На чем? Не открывая глаз, прислушиваюсь к непривычным звукам. Ничего не понимаю. Да и откуда бы мне, городскому жителю, узнать звуки, которые издают запряженные тройкой лошадей сани на заснеженной дороге? Пришлось открыть глаза. Тут же зажмурился от слепящей искрящейся белизны. Из-под полуприкрытых век с удивлением разглядываю проплывающие мимо снежные пейзажи: поля, овраги, подлески. Еще больше удивляюсь, когда обнаруживаю, что лежу на задней скамейке саней, типа кабриолет. На передней сидят две фигуры в шубах и меховых шапках. У одного, что повыше, шапка необычно высокая, словно у виденных мною в исторических фильмах бояр.

Интересно-интересно... Где это я? С кем это я? И как я здесь оказался? М-да... Как говорится, где какая рыба и почем? Но спирт я больше не пью. Где, кстати, этот алкогений?

Приподнимаюсь и выглядываю за задний край саней. Заснеженные поля, кое где перемежающиеся с небольшими подлесками, тянутся на сколько хватает взгляда. Мы едем по хорошо укатанной дороге. Далеко позади виднеется целая вереница таких же саней. Нифига себе! Это ж откуда столько? Я даже не предполагал, что в нашей местности может быть столько лошадей...

Но все равно, хорошо-то как! А воздух какой! Прямо как качественная водка — пьется легко и мягко. И пьянит так же. Или это я еще от спирта не отошел. Да и ладно. Все равно хорошо! И петь хочется.

— Ой, Моро-оз, Моро-о-оз! — заорал я что было сил. — Не моро-озь меня-а! Не-е моро-озь меня-а-а-а, ма-ево-о коня-а!

Как только я загорланил, сидящие впереди даже подпрыгнули от неожиданности. Обернувшись, уставились на меня. Поняв, что я не просто так ору, а пою, один, что повыше ростом, радостно заулыбался. Почесав подбородок под реденькой бородкой, он толкнул соседа и показал на меня.

— Видал каков, а? А ты, Алексашка, хотел его в снегу замерзать оставить.

— Дык обоз же сзади. Подобрали бы, чай.

— Не-е моро-озь меня-а, ма-а-ево-о коня-а! У-у меня-а жена-а-а-а ух ревни-ивая-а! — продолжаю горланить, ожидая, что мужики подхватят, и мы заорем хором.

Однако подпевать мне никто не стал. Мужик с окладистой бородой, которого звали

Алексашкой, продолжал следить за дорогой, держа в руках вожжи. Второй постоянно оборачивался, бросая на меня заинтересованные взгляды, и улыбался.

И все же, где Сэм? Хотел было обратиться к сидящим впереди попросту, мол, мужики, то да се. Но, почему-то вдруг поддался настроению — еду в цивильных санях, как какой-то доисторический барин — потому обратился соответственно:

— Господа, а где этот, кхм, Сэм?

— Сэм? — переспросил высокий. — Англичанин что ли?

— Да какой еще англичанин? — отмахиваюсь я. — Семен он. Так, где он?

— А ты как встретишь его, так сразу бей его в морду, — вместо ответа, советует мужик.

— Это надо, — соглашаюсь я и тут же настораживаюсь. — А что он еще натворил? Опять кого-то на нуклоны разложил?

— Непонятно ты изъясняешься как-то, — как бы между прочим говорит высокий, перекидывая ноги через сиденье и разворачиваясь ко мне лицом. — А Семену в морду дай за то, что бросил тебя пьяного в эдакой глухомани. Кабы не мы, так и окошел бы ты вскоре.

— Так вы что, на дороге меня подобрали? — приподнимаюсь и оглядываюсь вокруг. Места действительно безлюдные. Даже странно, что в наших краях могут быть такие, чтобы не было видно ни строений, ни высоких труб многочисленных комбинатов и заводов, ни... Ё-мое! Да даже линий электропередач не видно! Это ж где я оказался? И, главное, каким образом?

— Ты чьих будешь? — отрывает меня от созерцания диких окрестностей собеседник.

— Дедиков я, Дмитрий Станиславович, — сам не знаю почему, представляюсь полным именем.

— Не слыхал, — мотает головой тот. — С западных границ, либо? Сословия какого?

Я непонимающе уставился на мужика. Чего это он выпендривается? Какое еще, нафиг, сословие? Послать его куда подальше? Не, а то еще выкинут из саней. Я даже не знаю, в какую сторону идти. Надо, кстати, разузнать, где мы есть.

— Сами-то кто будете? — задаю встречный вопрос.

Возница оборачивается и смотрит на меня, удивленно подняв брови. Высокий вдруг взрывается громким смехом, с азартом хлопая себя по коленям.

— Видал, Алексашка? — толкает он соседа. — Вот и не признал меня человек! О чем это говорит?

Тот пожимает плечами и спрашивает:

— Плетей?

— Дурачина! — снова хохочет тот. Потом вмиг посерьезнев, с явным пафосом в голосе и позе, провозглашает: — Велика Россия — вот о чем это говорит! И не удивительно, при таком-то величии, что меня не везде узнают. Думаю я, Алексашка, что есть такие уголки дальние, где даже Императрицу могут не признать, коли появится вот так попросту.

— Да что вы такое говорите-то, Петр Лександрыч? Разе ж можно императрицу-то не признать?

— А вот кабы не был ты при дворе да не видел бы ее никогда. Жил бы сызмальства в далекой тьму-таракани, в захудалой деревеньке. А? Откуда бы ты мог ее узнать, ежели встретил бы вот так попросту, в санях проезжаючи?

— Дык как жеешь она так-то попросту? Да разе ж такое может быть?

— Не может, — соглашается высокий. — Так и я, Светлейший Князь Петр Невский, не могу. Али нет?

— Ну-у, — протянул возница. — То все знают, что вы так как раз и можете...

Я попытался вникнуть в непонятный разговор, но чистый морозный воздух и мерный ход саней подействовали на меня усыпляюще. Мелькнула мысль, что надо бы спросить у мужиков, почему сани не снаряжены праздничными колокольчиками, но, не справившись с обволакивающей дремой, пропала.

Боярское застолье

— Эй, Дмитрий, вставай уже. Приехали. Ночь впереди — выспишься еще, ежели захочешь.

Открываю глаза. Оп-па, да уже темно на улице! Вот это я поспал! А это что за бородач меня тормозит? Ага, это тот, которого Алексашкой кличут. Поднимаюсь, осматриваюсь вокруг. Какая-то сюрреалистическая картина. При свете факелов гомонят суесящиеся люди. Фыркают и ржут кони, пуская из ноздрей пар.

Мелькает догадка — не к цыганам ли я попал? Да нет. Не похоже. Нет ни цыганок, ни цыганят. Кругом только взрослые мужики, одетые в странные, с полами гораздо ниже колен, то ли пальто, то ли шинели темно-синего цвета, перепоясанные чем-то вроде шарфов. На головах прикольные шапки-колпаки того же цвета.

Ё-о мое! Так это ж ролевики-реконструкторы! Вон у мужиков ружья старинные. И одежда под старину. И сабли.

Но я-то как к ним попал?

— Чего смотришь, будто чертей углядел? Пойдем, с тобой Петр Лександрычч говорить хочет, — позвал разбудивший меня мужик.

— Какой Петр Александрович?

— Очумел спьяну? — возмущенно воскликнул тот.

Судя по голосу, был он довольно молод. Да и глаза выдавали возраст. Если бы не солидная русая борода, то, возможно, выглядел бы этот Алексашка не старше меня. Интересно, если я бриться перестану, у меня такая же борода вырастет? Или такая, как у того длинного? Провожу рукой по щекам, ощущая густую щетину — пожалуй, не хуже чем у этого борода получится.

— Чего ты орешь-то? Я в ваши игры не играю, — примирительно говорю Алексашке. — Тебя звать-то как?

— Александр я, Меньшиков. Денщик Петра Лександрыча, — приосанившись, гордо представляется тот.

М-да. Похоже, заигрался мужик. Ну да ладно. Разберемся.

Двигаю за ним, продолжая рассматривать окружающих. Не вижу ни одного бритого лица. Одни бородачи кругом. Это что ж они, специально бороды поотращивали? Или может, поприклеивали? Может, дернуть этого Алексашку за бороду? Да ну его нафиг.

Только сейчас рассмотрел в мерцающем свете факелов, что перед нами находится большое бревенчатое строение. Окошки маленькие, затянутые желтоватой мутной пленкой вместо стекла, сквозь которую виден внутренний свет. Поднимаемся на невысокое, в три ступеньки, крыльцо. Дверь распаивается, и навстречу нам выбегает тетка с деревянным ведром в руках. Одета она, соответственно, под старину: длинное, до самых пят, пальто (или как там называется эта одежда?), на голове шаль, концы которой перекрещиваются на груди

и завязаны аж за спиной.

Не думал я, что у этих реконструкторов все так серьезно. Слышал, будто строят они какие-то крепости бутафорские и потом их штурмуют. Но чтобы вот так вот... Ладно еще одежду каждый себе пошить может. А вот чтобы такой сруб соорудить... А лошадей где столько взяли? А сани? А оружие? Что-то тут не клеится. В голове мелькнула невероятная мысль, но тут, пропустив тетку, сопровождающий легко подтолкнул меня в двери.

— Заходи, не выстужай.

Входим. Недостаточно пригнувшись под низкой притолокой, задеваю ее шапкой, и та (шапка) слетает с головы. Машинально оборачиваюсь и поднимаю. С удивлением кручу в руках меховую шапку — у меня такой отродясь не было. Значит, кто-то заботливый напялил ее мне, чтобы я уши не отморозил, вместе с остальной бестолковкой. Спасибо ему.

Только оказавшись в теплом помещении, соображаю, как же я все-таки замерз. Стремящийся уйти от окутавшего меня тепла холод проникает до самых костей. Не сдержавшись, сильно передергиваю плечами, словно трясущая в танце грудями цыганка.

— Замерз, вижу, — слышу знакомый голос.

Облачко морозного пара, ворвавшегося вслед за нами с улицы, рассеивается, и я осматриваю помещение. Комната довольно большая — метра четыре шириной и около десяти в длину. Потолок невысокий — рукой достать можно свободно. Вход с улицы примерно посередине, без всяких тамбуров или сеней. У противоположной стены крутая лестница вверх. Справа большая печь. У печи суетится, подбрасывая березовые полешки в топку, горбатый мужичок в меховой безрукавке. Слева длинный дубовый стол, на нем стоит одинокий глиняный кувшин. Освещается все помещение расставленными на длинных полках вдоль стен свечами.

Двое мужиков скидывают шубы и бросают их на стоящий в углу возле стола огромный сундук. Раздевшись, переступают через длинную лавку и усаживаются за стол.

Тот, которого Алексашка называл Петром Александровичем, уже сидит за столом, как обычно лучась улыбкой. Он смотрит на меня так, будто рад мне безмерно. При этом, во взгляде его есть что-то покровительственное, заставляющее меня ощущать некую робость. Одет он, соответственно, в старинный кафтан зеленого цвета с невысоким воротником и широкими отворотами на рукавах, называемые, кажется, обшлагами. На его груди сверкает в мерцающем свете свечей большая звезда, величиной с чайное блюдо. Подобные звезды я видел на груди изображенных на картинах полководцев, типа Кутузова и Суворова. Звездоносец, продолжая улыбаться, жестом приглашает нас к столу.

Откуда-то из-за печи выскакивает ранее незамеченная мною девка. Она тащит огромное блюдо с пирогами. Скрипнула отворившаяся под лестницей дверь и из нее вышли двое молодцев в одинаковых полотняных рубахах, с вышитыми по вороту красными нитками узорами. Один волок поднос с глиняными кружками, другой — четыре кувшина, держа в каждой руке по два. Водрузив все это на стол, они удалились — молодцы скрылись под лестницей, девка — за печью.

Мой провожатый скидывает шубу в общую кучу на сундук. Следуя его примеру, сбрасываю свою дубленку, после чего останавливаюсь нерешительно, гадая, куда мне сесть. Видя, что Алексашка направляется в обход стола справа, намереваясь сесть рядом с улыбочивым Петром Александровичем, направляюсь с обратной стороны — все ж, меня он тоже звал присоединиться. Ловлю на себе удивленные взгляды усевшихся ранее. Александрович тоже смотрит с интересом. А Алексашка даже споткнулся об лавку, плясь

на меня. Осматриваюсь — что со мной не так? Вроде все в порядке — ширинка застегнута, штаны сухие, нигде ни в чем не измазан. Чего ж они так вылупились?

— Этого, что ли, подобрали? — спрашивает один из мужиков и, задрав подбородок, чешет шею под еще более густой, чем у Алексашки, бородой.

— Откуда ж такой-то? Нешто из Европ заехал? — гудит густым басом второй, держа в руках так и не донесенные до рта половинки разломанного пирога, начиненные парящей горячей капустой.

От ударившего в нос пирожково-капустного аромата урчит в животе. Сглатываю заполнившую рот слюну.

— А вот мы его и расспросим, — говорит высокий звездоносец. — Однако пусть сперва поест-попьет с дороги, а потом и расскажет нам, откуда в чистом поле в таком дивном виде оказался.

Снова окидываю себя взглядом, не понимая, что такого во мне дивного, даже рукой провел по волосам — все нормально.

Алексашка уже разливает по кружкам какой-то напиток из кувшинов. Голод отступает перед непреодолимой жаждой. Сажусь на лавку и вместе со всеми тянусь к кружке. В ней квас. С огромным удовольствием поглощаю большими глотками живительный напиток. Опорожнив кружку, с блаженством откидываюсь спиной на бревенчатую стену. Отдышавшись, хватаю с блюда пирог и начинаю уплетать его за обе щеки. Хорошо-то как!

Бороды собравшихся за столом дружно колышутся в такт работающим челюстям. Видать, не я один тут голодный. Один только длинный не ест, потягивает квасок да поглядывает на меня. Парочка напротив тоже не сводит с меня глаз.

Снова подбежала девка, держа в одной руке стопку деревянных мисок, в другой миску, наполненную деревянными же ложками.

Отворилась дверь, и в облаке пара появился еще один персонаж. После пробуждения вижу первое бритое лицо. Вошедший не старше меня годами, скорее всего даже моложе. Одет так же в длиннополую шубу и меховую шапку с пришитым к ней пушистым хвостом неизвестного мне зверя, надо полагать, какого-нибудь соболя или куницы.

Вслед за парнем в избу ввалились двое бородачей в синих шинелях. Они тащили небольшой, но, судя по их скособоченным фигурам, довольно тяжелый сундук. За ними появился еще один, с ведерным бочонком в руках.

— Что-то ты долго, Федор Савелич? — поинтересовался Петр Александрович.

— Да то одно, то другое, — посетовал тот, сбрасывая шубу.

На нем, как и на всех собравшихся за столом, надет зеленый камзол, только из-под ворота торчал белый кружевной воротник, да и отвороты на рукавах были оторочены белыми же кружевами, изрядно уже потертыми и испачканными.

Мужики подтаскивают сундук к столу, ставят на пол и открывают. Подошедший Федор смахивает со стола деревянную посуду. Миски и ложки с глухим стуком разлетаются по полу. Из-за печи тут же выскакивает девка и начинает их собирать. Взамен мужики выставляют из сундука металлические — похоже, серебряные — блюда, чашки и кубки. Однако серьезно подготовились ребята. Теперь я понимаю, почему их называют реконструкторами. Да чтобы вот так все до мелочей... Да это ж просто маньяками этого дела нужно быть. А чтобы вместе такую толпу маньяков-реконструкторов собрать...

Услышав журчание, оборачиваюсь. В той половине, где находится печь, один из мужиков придерживает установленный на лавке бочонок. Из отверстия в стенке бочонка

льется в подставленный горбатым серебряный кувшин янтарная жидкость. Надо полагать — не компот.

— Как же оно не замерзло? — высказываю вслух посетившую меня мысль.

— Что не замерзло? — переспрашивает Федор, усаживаясь напротив и тоже с интересом меня рассматривая.

— Вино, — поясняю свою мысль. — Если вы везли его с собой в санях, то оно должно было замерзнуть. На морозе даже водка густой становится, а это льется, будто в тепле находилось. Или у вас сани с подогревом есть?

— Сани с подогревом? — переспросил теперь уже сидевший рядом Петр Александрович и захохотал. Остальные поддержали его. Отсмеявшись, он хлопнул меня по плечу, одобрительно сказав: — Экий ты веселый. Вино здесь, в яме, нас дожидалось.

— В какой яме? — не понял я, чем вызвал новый взрыв хохота.

Решив, что имелся в виду погреб или подвал, больше не стал переспрашивать.

Тем временем мужики в синих шинелях, которых я про себя окрестил солдатами и, как оказалось, не ошибся, удалились за печь с несколькими большими блюдами. Через несколько минут появились оттуда в компании девки и тетки, которая перед этим вернулась с ведром, наполненным квашеной капустой. Все четверо несли в руках уже нагруженные снедью блюда.

Ого! Да тут похоже пир намечается. Нет, я шас точно зауважаю этих ролевиков. У меня просто глаза разбегаются, и слюна декалитрами выделяется, еле успеваю сглатывать. На стол ставят поросеночка, покрытого румяной поджаристой корочкой — я такого только в кино видел. Следом блюдо с горкой таких же румяно-поджаристых птичьих тушек. Когда Федор с хрустом разломил одну сочную тушку, я чуть не захлебнулся, пришлось несколько раз судорожно сглотнуть. Прямо передо мной тетка поставила блюдо с горой жареных рыбин, каждая величиной с хорошую сковородку.

— Лещ, — заявляю тоном знатока и по примеру одного из сидящих напротив мужиков, стягиваю обжигающую пальцы рыбину прямо на стол перед собой.

— Боже упаси, — восклицает тетка. — Нешто мы вам леща бы подали? Карась это.

— Фигасе, карасик! — искренне восхищаюсь я, отправляя в рот жаристую рыбью шкурку. — Мутант какой-то.

— Карась это, ей богу, карась, — испуганно лопочет тетка, прижав руки к груди.

— Ладно, иди, старая, — включаюсь я в игру и отпускаю ее царственным жестом. Однако добавляю вдогонку: — Но ежели рыба окажется радиоактивной, пеняй на себя.

Оглянувшись, та шустро скрывается за печкой.

Снова ощущаю на себе заинтересованные взгляды. Под хруст перемалываемой крепкими челюстями снеди, все собравшиеся продолжают пялиться на меня. Но вопросов никто не задает, ибо свято блюдетсЯ правило — когда я ем, то глух и нем.

Пока расправляюсь с карасем-мутантом, заедая его квашеной капусткой и запивая вином из поставленного передо мной кубка — надо сказать, весьма неплохим вином — на столе появляется большой горшок с пшенной кашей. Фигасе, меню — каша с вином. Вспоминается одна из моих бывших, которая пыталась меня научить какое вино к какому блюду нужно подавать. Интересно, что бы она к пшенке посоветовала?

Сотрапезники начинают черпать кашу серебряными ложками, дуют на нее и аккуратно одними зубами, чтобы не обжечь губы, соскребают с ложек в рот.

— Эй, гарсон! — щелкаю пальцами в сторону печи. — А ну, подайте мне деревянную

ложку!

— Нешто серебром княжеским брезгуешь? — удивленно спрашивает звездоносец, выпустив изо рта пороссячью ножку.

— На кой мне этим серебром губы жечь? Деревянной лучше.

Петр Александрович, прищутив глаза, несколько секунд смотрит на меня задумчиво.

— И то верно, — наконец говорит он и тоже требует в сторону печи: — А ну и мне деревянную ложку!

— И мне! — Федор отбрасывает серебряный прибор.

— Всем деревянные! — орет Петр Александрович.

— Но только ложки деревянные, — типа, шучу я. — А капусту зеленую!

— Почему зеленую? — с серьезным видом интересуется Федор.

— Какую капусту? — тоже не понимает Петр.

— Ну, типа, баксы, — поясняю, но, глядя на выражения лиц собеседников, понимаю, что лучше перевести разговор на что-нибудь другое.

Пока соображаю, на что бы перевести разговор, зачерпываю ложкой кашу и отправляю в рот. И тут же открываю рот во всю ширь и вылупляю глаза — каша-то действительно горячая.

— На, запей, — хохочет Петр, подавая мне кубок.

Поспешно тушу пожар во рту и вытираю рукавом выступившие слезы.

Вино хоть и кажется слабым, но я чувствую, что пьянею. Меня начинает угнетать это молчаливое застолье. Хочется общения.

— Здорово вы тут все устроили! — искренне говорю, обводя вокруг взглядом. — А меня в свою компанию примете?

Да что ж этот долговязый все хохочет-то?

— А ты кто таков будешь? — спрашивает один из бородачей, что сидят напротив.

— Дык, я этот, Дмитрий Станиславович Дедиков, старший заместитель младшего научного сотрудника отдела по контактам с негуманоидными расами Института имени Саурана, — и притворно удивляюсь: — Нешто не слыхали?

— Не слыхал я, — отвечает бородач.

— И я не слыхал, — поддерживает его второй.

— Так давай знакомиться. Заодно и выпьем за знакомство. А то негоже хорошее вино молча потреблять. Правильно я говорю, Петр Александрыч? — ищу поддержки у соседа, одновременно хватая кувшин. Сосуд оказывается пустым, потому ору в сторону печи: — Гарсон, еще вина!

Просыпаюсь и долго лежу, не открывая глаз. Голова гудит. Во рту такое ощущение, как будто я долго жевал грязные носки, снятые с мертвого бомжа. Желудок говорит о том, что я в конце концов проглотил эти носки на сухую, и требует их чем-нибудь залить. Пытаюсь вспомнить события, поспособствовавшие такому моему состоянию. Помню, как пришел в лабораторию к Сэму, и мы начали употреблять его любимый напиток... Нет, с пьянкой надо завязывать! Я, конечно, и раньше был не промах в этом деле, но только по особым случаям, и до беспамятства никогда не напивался.

А что за ерунда мне снилась? Бред какой-то. То ли цыгане, то ли какие-то ролевики. Пир какой-то...

А кто это храпит? Сэм, что ли? И где это я? Может открыть глаза? Темно, нифига не видно. Ощупываю свое ложе. Подо мной нечто типа матраса из мешковины, набитого то ли сеном, то ли соломой. Под ним — строганные доски... Нары? Вытрезвитель? Этого еще не хватало! Убью Сэма! Ё-о моё, башка раскалывается. Надо срочно попить. Кое как, закрыв глаза из-за сильной головной боли, сажусь. Да что там за урод храпит так громко? Аж в мозгах отдается. Откуда-то доносится глухой собачий лай. Смотрю в ту сторону и различаю в крошечной тьме серый четырехугольник маленького окошка. Ну, точно «трезвяк». А где еще такие маленькие окна могут быть? А чего это за окном такая темень. Там что, нет ни одного фонаря? Снова залаяла собака. Хрустит снег под чьими-то ногами. Кто-то прошел снаружи. Встаю и, перебирая руками по своему ложу,двигаюсь к окну. Ложе заканчивается и я опираюсь о стену. Не понял... Под рукой круглое бревно... Ощупываю стену — сруб. Вот те на... Где я? За окном снова заскрипел снег. Послышалось лошадиное фырканье. В голове всплыл сегодняшний сон. Сон ли?

Может, лечь обратно и уснуть? Может, это такой сон реалистичный? Проснусь и даже и не вспомню о нем. Однако пить-то хочется, аж не могу.

— Эй! — ору в темноту. А чего стесняться-то во сне? А вдруг не во сне? Вдруг и правда трезвяк? Щас выйдет мент со связкой ключей да долбанет этой связкой мне меж ног. М-да. Образ мента со связкой ключей остался в моей голове после того, как в шестнадцать лет на Девятое Мая мы с пацанами сцепились с группой лиц кавказской национальности. Навалили мы им тогда знатно. Вот только к финалу подоспели УАЗики пэпээсников, и доблестная милиция повязала всех, кто не успел убежать. Надо сказать, что лица южной национальности и не думали убегать, но те, кто нас бережет, старательно их не замечали, хватая лишь лица славянской национальности. Так и оказался я первый и единственный раз в «обезьяннике». Тогда мне тоже захотелось пить и я, постучав кулаком по решетке, крикнул, чтобы дали попить. На мой зов появился огромный мент с заспанной физиономией. В его руках позвякивала массивная связка ключей. Отперев решетчатую дверь, громила молча и как-то лениво качнул этой связкой, и она с издевательским звоном врезалась мне в пах. Пока я, скрючившись, приходил в себя, мент молча запер дверь и удалился досматривать прерванный сон. М-да. И вспомнится же такое во сне...

Еще раз ощутив бревна сруба и снова заверив себя, что вытрезвителей с такими стенами

быть не может, опять ору:

— Эй! Сэм! Люди! Кто-нибудь! Не дайте помереть! Дайте водицы напиться!

Доносившийся из темноты храп смолкает.

— Ты чего разорался, Дмитрий? Ополоумел, либо, от учености своей?

— Ты кто? — спрашиваю, пытаюсь вспомнить, кому принадлежит голос.

Со скрипом отворяется дверь, и комната освещается дрожащим пламенем свечи, которую держит вошедший бородатый мужик.

— Што за ор? — осведомляется он. — Али режут кого?

— Ды вон, Станиславич чегой-та всполошился, — поясняет вошедшему сидящий на ложе у противоположной стены еще один бородач. И, хихикнув, добавляет: — Видать, пока он спал, черти его ученую душу уволочь хотели.

— И што ж теперь? — вошедший прошел к свободному топчану у противоположной стены и сел. — Ежели каждый раз орать, когда черти по душу приходят, так и голоса лишиться можно.

Заявив это, бородач задул свечу и заворочался на ложе, устраиваясь поудобнее. Второй, судя по звукам, тоже улегся.

Я продолжаю стоять, опершись о стену и пытаюсь переварить увиденное. В памяти всплывают обрывки воспоминаний о вчерашнем банкете с реконструкторами. Так значит, это не сон? Значит я действительно, если верить этим ряженым бородачам, каким-то образом оказался в чистом поле, вдали от людского жилья, в двадцати пяти верстах от крепости Оскол. Какой еще нафиг крепости? От Старого Оскола, что ли? Хрень какая-то. Нет, надо попить. Потом завалиться спать. Утром разберемся.

Наощупь двигаюсь в том направлении, где должна быть дверь. Обогнув топчан, на котором только что спал, добираюсь до цели и, провожаемый громким всхрапом одного из бородачей, выхожу в освещенный одинокой свечкой узкий коридор. Осматриваюсь. Справа и слева еще несколько дверей. Все они одинаково безликие, без каких либо табличек и номеров. В середине коридора обнаруживаю крутую лестницу, ведущую вниз. Спускаюсь и попадаю во вчерашний банкетный зал. Помещение погружено в полумрак, ибо пара свечей не могут дать достаточного света.

Показалось будто при моем появлении две темные фигуры поспешно скрылись за печью. Тут же оттуда выбежал горбун и вопросительно уставился на меня.

— Слышь, мужик, — обращаюсь к нему. — Воды холодной хочу, аж пипец.

Тот молча отошел к стоящей на лавке у двери кадке, зачерпнул из нее деревянным ковшиком воду и протянул мне.

— А-а, зашибись водичка, — одобряю, напившись. Вода и в самом деле оказалась необычайно вкусная. А может, мне это показалось из-за жестокого сушняка. — Слушай, зёма, дай мне какую-нить кружку. Возьму водицы с собой в номер.

Горбун непонимающе смотрит на меня, продолжая молчать. Он что, немой, что ли? Или по-русски плохо понимает.

— Налей мне воды с собой в номер, — громко, по слогам повторяю просьбу, на всякий случай сопровождаю слова жестами, указывая на ковшик, на кадку с водой, щелкая указательным пальцем себя по горлу, показывая наверх, где находятся номера.

Горбун продолжает пялиться, будто ничего не понимает. Как же тогда он сразу понял, когда я попросил пить?

От входных дверей слышится шорох. В полумраке вижу, как, сползая по стенке,

заваливается на бок сидящий на полу солдат. Ружье стоит рядом, прислоненное к стене. Ишь ты, спит на посту, зараза. Ну да пусть себе дрыхнет. Мне оно до лампочки.

Снова шорох, только теперь из-за печи. А чего это горбун так вертит головой, затравленно зыряка то на меня, то на спящего часового, то в сторону печки? Отодвигаю его с дороги и иду к кадке.

— Короче, мужик, если тебе влом дать мне кружку, я возьму с собой этот ковшик, — зачерпываю водицы, делаю еще несколько глотков и направляюсь к лестнице. — Да не баись. Не сгрызу я ковшик. Утром верну обратно.

Краем глаза замечаю шевеление за печью, словно кто-то старается спрятаться от меня. Может горбун тут с какой-нибудь Эсмеральдой развлекается? Ишь ты, Квазимода.

— Бэль, тра-та-та, та-а, та, та, тра-та-та, — хитро подмигиваю мужичку и, напевая мотив хита моего детства, поднимаюсь по лестнице.

Поднявшись, смотрю на одинаковые двери и понимаю, что не помню откуда вышел. Так, когда я вышел, спуск был слева. Значит либо эта, либо та. Моя та, откуда доносится храп. Ага, храпят здесь, значит мне сюда. А здесь? Во блин, здесь тоже храпят. М-да.

В задумчивости отхлебываю из ковшика. Нет ну, до чего же вкусная водичка! Отворяю дверь и пытаюсь рассмотреть что-либо в темноте. Безрезультатно. Стоп — храп доносится слева. Слева находился только мой топчан. Значит это не мой номер. Открываю другую дверь. Здесь, как положено, храпят дуэтом справа. Пробираюсь к своему ложу, пристраиваю ковшик на полу и заваливаюсь на шуршащий то ли сеном, то ли соломой матрас. Как говорится, утро вечера мудренее. Вот проснусь утром и разберусь со всеми непонятками. Главное, спиртного больше ни граммульки. Как пел великий русский классик: — «нет, ребята-демократы, только чай».

Ворочаюсь, пытаюсь устроиться поудобнее, и понимаю, что спать-то не хочется. А под эту надрывную колыбельную, которую поют мне от противоположной стены бородатые дядьки, уснуть и вовсе будет сложно. Тихонечко свищу. Говорят, если тихо посвистеть, то храпящий смолкает, врут однако. Как храпели, так и храпят. Ну что ж, заполучите. Свищу коротко, но громко. Храп смолкает. Я начинаю шумно сопеть, слегка всхрапывая, изображая глубокий сон. Бородачи, послушав мое сопение и так и не поняв, что их разбудило, поворочались и вскоре снова захрапели. Интересно, в этом отеле есть номера для не храпящих? И что это вообще за место такое? Только сейчас до меня доходит, что в доме совершенно отсутствует электричество. Или я не заметил? Может, свечи горят лишь, как говорится, для антуражу. Ну, не может же быть такое строение и без электричества. Пытаюсь вспомнить, обращал ли во время вчерашней пирушки внимание на потолки — там наверняка должны находиться какие-нибудь лампочки. Или нет? Так же, не помню, чтобы на стенах находились выключатели и розетки. И вообще никаких электрических приборов не видел.

Через несколько минут сомнения берут верх, и я поднимаюсь и отправляюсь в коридор — там есть хоть какое-то освещение — искать признаки электричества. Снова по стенке добираюсь до двери. Чего ж она так скрипит-то? Фигасе, а это что за абреки? При моем появлении от соседней двери отпрянули две темные личности с надвинутыми на глаза мохнатыми папахами. В руках у ближнего ко мне сверкнул кинжал. Что-то зло прошипев, абрек кидается вперед, нацелив лезвие в мою грудь.

В очередной раз искренне благодарен тем навыкам, которые в свое время практически насильно вдолбил в меня родной дядька. Дядя Миша за небольшой оклад вел секцию дзюдо в

местной ДЮСШ, куда и таскал меня с раннего детства, заставляя кувыркаться на татами с остальными своими подопечными. Когда я подросток, дядька стал брать меня на занятия по боевому самбо, которые он проводил два раза в неделю для более взрослых клиентов, и уже за более существенную плату. Эти занятия он особо не афишировал, и попасть на них могли люди лишь по рекомендациям тех, кого дядька хорошо знал. Причиной такой скрытности, вероятно, были события из времен Советского Союза, когда дядя Миша отсидел пару лет за незаконное преподавание боевых искусств. Вот и остался у родственника пунктик по поводу этого дела.

Практически автоматически встречаю кинувшегося на меня придурка с ножиком по схеме, отработанной не только на тренировках, но и в частых, в период моей бурной юности, уличных драках. Слегка разворачиваю корпус, уходя с линии направления клинка. Блок, захват запястья, рывок на себя, одновременно втыкаю встречный левой ногой в ребра. Сдавленный хрип застывает у мужика в глотке, стопоря дыхание. На этом можно было бы и оставить это обмякшее тело, но я продолжаю наработанные движения. Хватаю чуть выше запястья второй рукой. Снова рывок на себя и резкий тычок его же локтем назад. Хруст выламываемого сустава сливается со звяканьем выпавшего кинжала. Абрек, выпучив глаза, сдавленно сипит. Если бы не предшествующий удар по ребрам, остановивший работу легких, он бы сейчас орал благим матом. Знаю по себе, что такое перелом сустава...

Тут до меня доходит реальность произошедшего. Ё-о, твое-мое! Чего это я наделал-то?! Вдруг это у них, у ролевиков этих, игра такая? Типа, злые абреки вырезают спящую заставу. А тут я такой бэтмэн, блин, незванный. Точно говорят, незванный бэтмэн хуже татарина. Что ж делать-то теперь?

— Э! Э, мужик! — отскакиваю от кинувшегося на меня подельника поверженного ролевика. Хорошо еще, поверженный скрючился на полу между нами, и его товарищ не смог налететь на меня сходу. Стараюсь держаться так, чтобы вышедший из игры продолжал оставаться между нами. — Мужик, мужик, да погоди ты! Харэ махать своим тесаком, говорю! Я в ваши игры не играю. Слышь, придурок, что я тебе говорю?

Однако тот не придает моим словам никакого значения и продолжает стараться достать меня кинжалом. Несмотря на тусклое освещение, у меня нет сомнений в том, что клинок в его руке не игрушечный и заточен как следует. Черт, и куда это я влип? Похоже, этот мужик вполне серьезно хочет меня зарезать.

— Мужик, ты можешь послушать меня секунду? Слышь, давай разберемся, а?

Снова никакой реакции на мои слова. Что-то надо делать, ибо рано или поздно он меня достанет. Нарочито подставляюсь под удар и ловлю его руку с кинжалом, выкинутую в длинном выпаде к моему животу. Не давая ему остановить движение, дергаю. Мужик летит вперед, споткнувшись о своего товарища. Продолжая тянуть за руку, сжимающую оружие, придаю телу атакующего еще большее ускорение и слегка подправляю направление полета. Бум-м-м — мужик врезался головой в бревенчатую стену. Мохнатая папаха конечно смягчила удар, но все равно, дом сотрясся, будто от хорошего удара кувалдой. Разве что, звук был такой, как если бы кувалдой влупили через прислоненную к стене подушку.

Второй кинжал звякнул об пол. Тупо смотрю на обмякшее у моих ног очередное тело, продолжая держать его за руку. Теперь мне точно кранты. Даже если не разорвут на месте остальные ролевики, а в номерах уже слышится шум и голоса, даже если мне удастся каким-то чудом замирить с первым абреком, несмотря на выломанный из сустава локоть и, как минимум, хорошо отбитые ребра, то этот-то пикирующий камикадзе наверняка проломил

себе череп. А если папаха и спасла череп, то мозги при таком ударе по любому должны выплеснуться через уши. Твою мать...

Если меня сразу не повяжут, надо до кучи прибить и Сэма. Хотя, он-то в чем виноват? Не насильно же он вливал мне в глотку свой спирт. Да и не спиртом я вчера нажрался, а вполне цивильным вином из деревянных бочонков. А главное, случилось почти то, что я хотел. Отправят меня теперь куда подальше. Вот только вернусь я оттуда, скорее всего, гораздо позже, чем планировал материализоваться в Сэмовом испарителе.

— Лихо ты, Дмитрий, приложил энтого. Убил поди? — раздается голос за моей спиной. — А этого тоже ты уделал? Это кто ж такие?

Оборачиваюсь и вижу вышедшего из одной из комнат безбородого парня, который вчера сидел напротив меня за столом. Федор, кажись, его зовут, Савелич. Не к месту вспоминаю, что все мои вчерашние сотрапезники называли друг друга по имени-отчеству. Кроме, только что, Алексашки. Даже меня звали когда просто Дмитрием, когда и Дмитрием Станиславовичем. Я еще хотел было предложить называть меня просто Димоном, но потом решил поддержать игру.

Федор, похоже, видел мою расправу над вторым нападавшим. Судя по его реакции, или ее отсутствию, он этих абреков то ли не знал, то ли не узнал в полумраке.

Скрипят, отворяясь, остальные двери. Из них начинают выходить люди, коих постепенно оказывается несколько больше, нежели вчера присутствовало на пирушке. Из того номера, у которого я застал абреков, пригнувшись под низкой для его роста притолокой, выходит Петр Александрович.

— Это кто ж тут безобразничает, спать людям не дает? — вопрошает он, почесывая бороденку. — Ты, что ли, Дмитрий Станиславович? Все никак удаль свою не натешись? Мало ты вчера с боярами Соболевыми руками боролся? Выдумал же такую забаву.

— Я-а?

— А то кто ж? Позабыл спьяну? Вот так ты и в степи небось оказался, — он укоризненно покачал головой. — Негоже так напиваться ученому мужу. Тем более, что слаб ты, я погляжу, для этого дела. А ну, дайте сюда света поболее. Глянем, кого тут Дмитрий поборол среди ночи.

Пока я перевариваю услышанное, вдоль стен зажигают еще несколько свечей. Кроме того, у некоторых подошедших в руках тоже присутствуют свечи. Коридор освещается довольно ярко. Собравшиеся внимательно осматривают распростертые на полу тела. Тот, которого я использовал в качестве стенобитного орудия, лежит без движений, закатив широко открытые глаза. Первый уже не хрипит, а подвывает, лежа на спине и придерживая здоровой рукой пострадавший локоть. Не завидую я ему. Более того, искренне соболезную. Помнится, когда я выбил плечевой сустав, так потом несколько ночей спать не мог, так сильно болело. Так мне тогда сустав даже вправлять не пришлось — он сам встал на место. А у этого страдальца локоть вон как смещен, видно даже сквозь одежду. Вот чем хороши уличные драки, так это тем, что после драки все разбегаются и не видят последствия своих необдуманных, или как любят говорить судьи на соревнованиях, неконтролируемых, действий, избегая тем самым душевных терзаний по поводу совершенных поступков.

— Они первые на меня напали, — начинаю оправдываться, понимая, что мои слова звучат, мягко выражаясь, по детски. Вот сейчас разберутся, что я зашиб их товарищей и сорвал им запланированную реконструкцию какого-нить исторически значимого покушения, и наваляют мне таких люлей. А может, и прикопают в снегу. Отвезут мой

трупик подальше в поле, и буду я там лежать в сугробе до весны, пока какой-нибудь крестьянин не наедет на меня трактором. Опасливо поглядывая на собравшихся, прижимаюсь спиной к стене и добавляю: — Я вышел по нужде, а они на меня с ножиками кинулись. Я даже сообразить ничего не успел.

— Не успел сообразить, говоришь? — один из вчерашних бородатых сотрапезников, он же один из храпунов, что спали со мной в одной комнате, осмотрев поверженных, подозрительно смотрит на меня. — А что ж ты делаешь ночью с людьми, ежели успеваешь сообразить? Разрываешь их напополам? Али еще что страшнее?

— Они первые напали, — повторяю еле слышно, внутренне уже смирившись с тем, что сейчас со мной случится что-то страшное и неизбежное.

— Караульные убиты! — доносится крик с лестницы. Оттуда появляется встревоженный Алексашка, — Петр Лександрыч, караульных кто-то зарезал!

Все присутствующие молча смотрят на него. Прямо немая сцена из «Ревизора». Вот только почему-то кажется мне, что это вовсе не игра. Эти абреки нападали на меня вполне серьезно. Если второй мстил за товарища, то у первого не было никаких причин для нападения. Вспоминаю якобы спящего караульного у дверей. Получается, что он был мертвый? Но он же был один. А Алексашка кричит о караульных. А горбун? Так он, значит, заодно с этими бандюками? Так вот что за Эсмеральда пряталась за печкой. Так это меня могли еще тогда прирезать, когда я ходил за водой! Да что здесь такое творится? Куда это я влип?

— Да что здесь такое творится? — вопрошаю вслух и смотрю на долговязого.

— А вот мы сейчас узнаем, — говорит он и обращается к собравшимся, отсылая, кого взять солдат, да перевернуть в поисках подозрительных личностей и двор, и дом, кого проверить обоз. — А мы пока здесь разберемся. Дмитрий, иди-ка за мной. Алексашка, тащи этого, что живой, поспрашиваем.

Поняв, наконец, что меня пока убивать не собираются, шагаю за Петром Александровичем в комнату. Сзади раздается жуткий крик. Оборачиваюсь. Оказывается, Алексашка, намереваясь тащить за нами бандита, схватил его за покалеченную руку, отчего тот и взвыл благим матом.

— Тьфу ты! — сплюнул испугавшийся крика денщик и вlepил орущему подзатыльник, отчего с головы того слетела папаха.

И почему я окрестил этого страдальца абреком? Вполне славянская физиономия с носом-картошкой и шапкой русых волос. Вероятно, мохнатая папаха вызвала определенные ассоциации.

Дальнейшие события повергли меня не то чтобы в шок, а в некий умственный нокдаун. Пытаясь осмыслить и понять происходящее, мой мозг постоянно находился на грани, перейдя за которую, обладатели этого макета ядра грецкого ореха начинают счастливо и беззаботно улыбаться.

Сначала я рассказал Петру Александровичу о своем столкновении с абреками. Потом, с том, как ходил за водой, о странном поведении горбатого, о ком-то, прячущемся за печью, и о спящем, как мне тогда показалось, караульном. Когда я закончил, долговязый кивком отправил куда-то Алексашку. Кроме нас в комнате остались Федор и ночной разбойник с вывихнутой рукой.

— Ну что ж, послушаем теперь ночного гостя, — заявил Петр, и Федор пинком в спину толкнул стоящего на коленях абрека.

Тот сначала отказывался отвечать на вопросы, но после того, как Федор завалил его на пол и несколько раз врезал ногой по больной руке, начал что-то говорить, что весьма трудно было разобрать из-за его частых всхлипываний и хрипов.

Тут-то до меня и дошло окончательно, что эти люди не играют. Ведь травмы допрашиваемому я наносил сам, и сомневаться в их достоверности не приходилось. То, как бил его по вывихнутому суставу Федор, не вызывало сомнений, что он делал это с целью причинить как можно более сильную боль. Я попал к маньякам? Откуда сразу столько много маньяков? О массовом психозе слышал. А вот о массовом маньякозе... Или как это назвать?

Тем временем Остап, так звали допрашиваемого, что-то рассказывал о том, что они посланы князем Бельским, дабы порешить Светлейшего Князя.

— Не мог Бельский самолично на такое пойти, — подскочил Петр. — Не мог! Не иначе, Голицыны, змеиное отродье, снова козни строят. Пользуются тем, что на царствии юная Ольга повенчана. Ох, доберусь я до столицы.

Он принялся быстро ходить по комнате от одной стены к другой. Остановился, посмотрел на меня, произнес:

— А не просто так я тебя, Дмитрий, в чистом поле подобрал. Божьим промыслом ты мне послан. Кабы не ты, так и зарезали бы меня нынче, аки поросю.

Знал бы он того алканавта, чьим промыслом занесло меня в эти... в эту... в этот... Твою мать! Да куда же меня занесло? Если я не сплю, то все, что со мной происходит результат действия сэмового испарителя. Это, конечно, невероятно и похоже на бред, но ведь и испарение кролика тоже не обыденное происшествие, а оно произошло на моих глазах. Значит, я все-таки сел в кресло испарителя и подвергся разложению на эти, как их, на нуклоны. И теперь я появлюсь в реальной жизни через... Стоп. Если я сейчас разложен на эти мелкие частицы, то... Нифига не понимаю.

Тут ввалился Алексашка и начал вполголоса, однако достаточно громко, чтобы я слышал, докладывать Петру Александровичу. Оказывается, после моих слов о горбуне, он отправился вниз и с пристрастием допросил того. Выяснилось, что подосланные убийцы застращали мужика, держа нож у горла Ксении, дочери горбуна. Потому тот и не решился сообщить мне о них.

— Я наказал пока кинуть его в поруб, — закончил денщик.

— Да и черт с ним. Поутру выпусти, — отмахнулся Петр. Однако, подумав, добавил: — Но плетей всыпь.

Начали приходить с докладами бояре. Первыми явились братья Соболевы — Михаил и Никита, те самые бородачи-храпуны. Это с ними я, что ли, на руках боролся? Нифига не помню. Доложили, что в обозе все в порядке, все живы-здоровы, подняты на ноги и находятся при оружии. Следом зашел пожилой мужик, коего Петр Александрович звал Афанасием Никитичем, и рассказал, что ночные гости зарезали трех караульных — одного на крыльце и двоих в доме. Один из тех, что были в доме, вероятно, вопреки уставу, завалился спать под лестницей. Там его сонного и порешили. Вот значит, почему я видел всего одного солдата у дверей.

Кто-то заходил еще, кто-то уходил, о чем-то говорили, иногда задавали вопросы пленному, попутно угощая его тумаками. Я, поглощенный своими мыслями, словно отключился от происходящего. В моем сознании вдруг всплыли слова Сэма о том, что почти все подопытные крысы «возвращались». Почти... Почти! Значит, были те, которые не вернулись?! Не оказался ли я одной из таких не вернувшихся крыс? Почему я не придал

значения этому «почти» раньше? Получается, что эти самые нуклоны, из которых состоит мое тело, собрались не там где надо? Или не тогда... А когда? Если это не ролевики и не маньяки, то получается, что я попал в прошлое, причем, в весьма не близкое прошлое. А может, я еще вернусь домой? Может, Сэмов испаритель не разбирает тела на нуклоны, а лишь отправляет их в другое время, а в нужный момент возвращает обратно? А может, я рано зарекся не пить? Может, надо напиться? Интересно, что я вчера начудил, кроме соревнований по армрестлингу? Почему этот длинный Светлейший Князь назвал меня ученым мужем? А ведь я и вправду ученый для ихнего времени с моими-то познаниями двадцать первого века. Кстати, а какое сейчас время? Какой век? Какой год?

— Дмитрий, ты куда направился? — слышу за спиной голос Петра Александровича и обнаруживаю себя выходящим из комнаты в коридор.

Оказывается лунатить можно не только во сне, но и в задумчивости. Куда я, в самом деле? Понимаю, что захотел пить и отправился к принесенному ковшику, причем сделал это автоматически, не отвлекаясь от размышлений. Не окликни меня князь, сходил бы попил, вернулся бы назад и не вспомнил бы об этом.

— Пить хочу. Горит после вчерашнего, — честно признаюсь, обернувшись к долговязому.

— Смотри, с утра не напейся. Мне с тобою с трезвым поговорить интерес имеется.

— Да я воды, — обещаю и выхожу в коридор. Мимо проходит широкоплечий мужик, тоже, небось, какой-нибудь боярин. Он мимоходом дружески мне подмигивает и хлопает по плечу. Похоже, у меня вчера появилось много новых знакомых. Вот только я почти никого не помню. И ничего.

Вижу выходящего из комнаты одного из братьев Соболевых. В руке у него мой ковшик. Он сходу выплескивает его содержимое в лицо все еще валяющегося второго диверсанта. Оказывается, тот оклемался и начал подавать признаки жизни. Крепкая у него голова оказалась, как у того чукчи, что выпал из самолета, переломал руки-ноги и радовался, что мозгов нет, а то еще и сотрясение мозга мог бы получить.

Вид опустевшего ковшика заставил жажду усилиться, и я побрел вниз, к спасительной кадке.

У входных дверей стоит караульный. На полу, рядом со столом лежат три тела, накрытые каким-то пологом, типа мешковины. Из-за печи доносится всхлипывание. Кадка, к моему разочарованию, оказывается пуста. Обернувшись, вижу вчерашнюю девку, сидящую на низкой лавке и плачущую в ладошки. Подхожу к ней за печь и трогаю за плечо.

— Эй, Эсмеральда, не хнычь. Ничего твоему гор..., ничего твоему бате не будет. Выпустят поутру. Ну, может, пару раз плеткой перепояшут для профилактики. А вот я могу серьезно пострадать, если не утолю жажду.

— Чего? — девушка перестала хныкать и подняла на меня глаза.

А ничего так милашка. Если этот мешок с нее снять да нарядить в цивильные шмотки... Хотя, фиг ее знает, что там под этим парашютообразным сарафаном скрывается. Не, грудь-то есть, оно и так видно. А вот что там дальше? Вдруг у нее тонкие кривые волосатые ноги... Да ну нафиг! Не может быть!

— Попить чего-нибудь есть? — спрашиваю, прогоняя идиотские мысли.

Ксения — я вспомнил, как называл ее Алексашка — поднялась и, обойдя печь, скрылась за дверью под лестницей. Через минуту вернулась, неся в руках запотевший кувшин. Приняв сосуд из ее рук, осторожно принохиваюсь к содержимому — не хотелось бы снова

наклякаться, хотя, соблазн имеется. В кувшине квас. С наслаждением припадаю к живительному напитку. Жуть как люблю хлебный квасок. Вот мучной, густой как кисель, который любят делать в наших деревнях, не люблю. А вот такой, в меру термоядерный, просто обожаю. Странно, кстати, пить квас посреди зимы.

Утолив жажду, ощутил позывы мочевого пузыря. Удобства тут, надо полагать, во дворе. Да и где им еще быть, если даже электричества нет. А где моя дубленка? Ага, вон он сундук, на котором так и лежит ворох разной одежды. Огибая лежащие на полу трупы — бред какой-то — прохожу в угол, где вчера разделся. Нахожу дубленку. Шапка, как обычно, всунута в рукав.

На лестнице раздается топот многочисленных ног. Первым спускается Алексашка. За ним солдаты волокут ночных засланцев. Киллер с отбитой головой уже вполне очухался и уверенно держится на ногах. А вот первого нападавшего тащат чуть ли не волоком. Не знаю, как чувствуют себя его отбитые ребра, а вот связанные за спиной руки, при выбитом локтевом суставе, кайф еще тот. Потому-то он хрипит, стонет и постоянно норовит упасть. Я бы на его месте давно потерял сознание, чем так мучиться. В конце-концов рука солдата, держащего его за шкурку, соскальзывает, и абрек кубарем летит по порожкам, чуть было не сбив с ног Алексашку. Благо, тот уже успел сойти с лестницы.

От души пнув орущего и корчащегося на полу пленника, Меньшиков, заметив меня, спрашивает:

— Ты куда это направился, Дмитрий? Нешто забыл, что с тобой Петр Лександрыч говорить хочет?

— По нужде я. Невтерпеж уже.

Солдаты выталкивают киллеров наружу, мы выходим следом. На улице слышен многолюдный гомон, фыркание лошадей, скрип снега под ногами. Предраассветные сумерки уже разбавили ночную тьму. К тому же, из-за высокого частокола, как это я не заметил его вчера, поблескивают всполохи то ли костров, то ли факелов. Пара факелов горят и на крыльце, подле стоящих по обе стороны караульных. Взяв один из них, солдаты уведут плененных куда-то в сумерки. С ними уходит и Алексашка.

Оглядываюсь и иду за угол дома. Вокруг вроде бы никого не видно, но то там, то сям слышится скрип снега под чьими-то шагами. В поисках укромного местечка захожу за оказавшийся за домом длинный сарай. Фу-ух, наконец-то. Стою у стенки, задрав голову кверху. Красотища-то какая! Как говорил один киношный царь — ляпота! Несмотря на то, что небо начало светлеть, звезды все еще видны довольно четко. Да крупные какие! Будто небосвод опустился ниже к земле. Правда, из всех созвездий я различаю только ковши Медведиц. Отыскиваю их, заодно убеждаясь, что нахожусь в родном мире. Ну вот, теперь жить можно. Вжикнув молнией на джинсах, направляюсь, было, обратно, но чьи-то приближающиеся шаги заставляют остановиться в нерешительности. Как-то неудобно оказаться застигнутым на мокром деле, о коем красноречиво свидетельствуют и поблескивающие влагой бревна сруба, и мокрое пятно на снегу.

Однако шаги замирают, не дойдя до угла.

— Как все утихомирится, бери двух коней и скачи в столицу, — слышу из-за угла тихий, но внушительный шепот. Голос кажется мне знакомым. Я явно слышал его либо во время вчерашней пирушки, либо уже сегодня, во время ночных разборок. — Передай князю вот этот знак, скажи, что дело сорвалось и расскажи, как все было. И обязательно скажи, что Петьке известно об участии Бельских. Ежели он доедет до столицы, то добра им не ждать.

Все понял?

Ответа не последовало, лишь похрустывал снег под переминающимися ногами. Вероятно, собеседник молча кивнул.

Шаги удалились в обратном направлении. Я же остался стоять, обдумывая услышанное. Мало того, что попал в невесть какую временную дыру, так, похоже, еще и в самый эпицентр разборок местных олигархов. А оно мне надо? Мне бы переждать тут свой срок, да на дембель в родной двадцать первый век, бить морду Сэму. Нет, сперва сломаю его машину времени, а потом уже набью ему морду. Не ну, нафига мне такое наказание?

Однако морозец-то щиплет чувствительно. Выглянув из-за угла и никого поблизости не обнаружив, отправляюсь в дом. У крыльца снова сталкиваюсь с Меньшиковым.

Кадка в доме уже оказывается наполненной водой, и на ее боку висит ковшик. Алексашка зачерпывает из кадки и, держа ковшик двумя руками, пьет, шумно глотая. Похоже, не у одного меня горит после вчерашнего.

— Слушай, Алекс-с... сандр, — обращаюсь к нему. — Есть у тебя пара секунд для тет-а-тета?

— Чего есть? — спрашивает тот, откашлявшись после того, как поперхнулся.

— Спросить у тебя кое о чем хочу.

— Так спрашивай. Только не морочь голову своими учеными словами.

Беру его под локоть и отвожу к лестнице — нечего караульному слушать разговор.

— Понимаешь ли, Александр, какое дело? Я, как ты наверное понял, из дальних краев с более демократическими порядками. Поэтому, хоть я там у себя и далеко не последний человек, но в разных светских премудростях не силен. А особенно в, как бы это назвать, в дворянской субординации, что ли. У нас там, понимаешь, все люди больше по ученым степеням различаются. Кто профессор какой, кто этот, как его, лаборант, а кто и вовсе, научный сотрудник какой-нибудь.

— Как ты?

— Почему я?

— Так тыж вчера так представился.

— Да? А, ну так я ж не простой научный сотрудник. Я... как бы это сказать-то? Ну да, об этом успеется. Короче, Сань, в смысле, Александр, помоги мне пожалуйста освоиться с этим делом, а?

— Ды, это...

— Вот спасибо Сань, в смысле, Александр! — дружески обнимаю его за плечи. — Я был уверен, что ты не откажешь в просьбе. Не зря же длин, кхм, Петр Александрович тебя средь всех выделяет.

— Выделяет? Меня?

— А то? Вот когда ты ушел на разборки с горбатым, он так мне и сказал. Вот, мол, Димон, на одного только Алексашку и могу положиться. Кабы, говорит, не он, так и не знаю, говорит, кому бы и доверился.

— Ну... Дык... Это... — польщенный парень, а теперь-то я хорошо видел, что, несмотря на густую бороду, он довольно молод, буквально осоловел от услышанного.

Не дав ему прийти в себя, спрашиваю:

— Поясни для начала, как мне обращаться к длин... в смысле, к Петру Александровичу. Только учти, что я не мужик какой-нить лапотный, а ученый муж, почти ровня некоторым дворянам. Имей в виду, что мне, может, со дня на день периодическая таблица Менделеева

приснится, и я тогда и вовсе... это... — я ткнул пальцем вверх, показывая, как высоко я поднимусь, открыв во сне таблицу Менделеева, но так и не смог подобрать слово, определяющее невероятную степень моей учености.

— Вот ты и вчера этих помещиков поминал. Грозился во сне что-то непотребное о них узнать.

— Каких помещиков?

— Менделеевых.

— Да? — до меня только сейчас дошло, что если периодическая таблица приснится мне, то и называться она должна моим именем. Мда, тут я прокололся. Интересно, что я еще вчера набуровил. Случайно яблоко Ньютона мне на голову не падало? Да ладно вчера. Сейчас-то я почти трезвый, а с Менделеевым так влип. — Ты ж понимаешь, Александр, что у пьяного язык без костей?

Меньшиков пошевелил языком, словно определяя свою степень трезвости по наличию в нем костных образований. Даже высунул его на миг, скосив вниз глаза. Не выдержав такого зрелища, бросаюсь к воде и, хватанув из ковшика и сделав вид, что поперхнулся, захожусь в притворном кашле.

Подоспевший Алексахка заботливо хлопает меня по спине.

— К тебе, Дмитрий, Петр Лександрычч благоволит. Значит, можешь обращаться к нему запросто, по имени отчеству, — говорит он, продолжая похлопывать. — А ежели заметишь, что сердит он, тогда называй не иначе, как Светлейший Князь.

— Спасибо за науку, Александр, — благодарю, закончив кашлять. — А как-нибудь, типа, Ваша Светлость...

— Не любит он этого, — обрывает меня Алексахка. — От равных себе придворных терпит. А тем, кто пониже, может сгоряча и по роже заехать.

Удивляюсь такому факту, но не решаюсь уточнять причину.

— Пойдем уже, — зовет меня парень и направляется к лестнице.

Поднимаясь вслед за ним, размышляю о том, что как-то легко принял свой перенос в прошлое. Какой, кстати, год-то на дворе? Как бы выяснить ненавязчиво, не спрашивая напрямик? А то еще придется выдумывать, что в тех краях, откуда я прибыл, другое летоисчисление. Опять же, надо придумать, откуда я прибыл. Не рассказывать же правду, а то еще сожгут на костре, как какого-нибудь колдуна. Кстати да, надо поосторожнее языком трепать. И так уже на каких-то помещиков Менделеевых подозрение навел. Вот обвинят их в умышленном составлении периодической таблицы химических элементов и отправят, не разобравшись, догонять Джордано Бруно по дороге в рай... или в ад. М-да.

Княжеский допрос

Наверху как будто и не было никакой суеты. Коридор пуст, за исключением появившегося караульного у дверей комнаты, где ночевал Светлейший Князь. Доносятся голоса из-за соседних дверей. Откуда-то даже слышится храп.

Петр Александрович, не раздевшись, лежит на своем топчане. Да собственно, те соломенные тюфяки, которые служат здесь вместо постели, и не располагают к тому, чтобы раздеваться. Как-то иначе я представлял себе быт князей — типа, постели с перинами, горой белоснежных подушек и свисающим балдахином. Может, это какой-нибудь неправильный князь? Ездит в открытых санях, спит на тюфяках. Хотя, звание Светлейший говорит о его довольно высоком положении. Я хоть и, очень мягко выражаясь, небольшой знаток истории, но наверняка должен был слышать что-то о нем. Надо, кстати, узнать, как его фамилия.

При нашем появлении Князь приподнялся на локте и кивнул на лавку, стоящую подле.

Я снова, расспрашиваемый им, поведал о ночном столкновении с киллерами. Затем, Петр Александрович огорошил меня вопросом о технологии производства пластиковых окон. Да-да, он так прямо и спросил, мол, расскажи-ка, друг любезный, подробнее о технологии производства пластиковых окон.

Ошарашенный подобным требованием, теряю дар речи. Какие, нафиг, пластиковые окна?! Мелькает мысль о грандиозном розыгрыше. Смотрю на дверь, ожидая, что сейчас в комнату ввалится толпа каких-нибудь придурков, в числе коих будут Сэм и Дэн, и, возглавляющий их, престарелый Валдис Пельш объявит, что я попал в программу «Розыгрыш».

Однако опять оказался виноват мой, размягченный спиртным, язык. Оказывается, вчера я выставил себя не только великим химиком, но и знатоком технологий производства пластиковых окон. И что теперь делать? О каких технологиях рассказывать Светлейшему Князю? Как он запомнил-то все эти слова?

Два года назад я открыл фирму по установке пластиковых окон. Снял маленький офис в одном из бизнесцентров, посадил офис-менеджером одну из своих подруг, которая имела опыт в этой работе, нанял установщиков, так же имеющих опыт, и на этом успокоился. Нет, первое время, около месяца, я как-то пытался контролировать процесс. Но понял, что только мешаю специалистам. Окна, естественно, сами не делали, а, как и многие подобные фирмочки, заказывали в Липецке. Летом дела шли неплохо. Осенью и вовсе пришлось нанимать дополнительных рабочих. После Нового Года бухгалтер, которая вела мою фирму, заявила, что если я не хочу залезть в долги по аренде и налогам, то лучше срочно прикрыть предприятие. Я ей поверил. Весной открыл уже другую фирму по продаже котельного оборудования для частных домов. Вот и весь мой опыт в производстве пластиковых окон. Да даже если бы я и был великим спецом в этом деле, то как бы мне это помогло здесь?

Вот я и начинаю что-то мямлить, ссылаясь на то, что мало что помню из вчерашнего, про пластиковые окна, мол, что-то слышал краем уха, но без Интернета никакой информации надобать не смогу.

— Без чего? — садится на топчане князь.

Опять двадцать пять! Все, теперь думаю перед каждым словом!

— Интернет, Петр Александрович, — начинаю выкручиваться, стараясь не ляпнуть очередное несвойственное этому времени словечко, — это такая Большая Научная Энциклопедия, напечатанная в нескольких томах и включающая в себя все известные научные познания.

— И где же сей труд хранится? — видно, что он искренне заинтересовался.

Что мне теперь-то ему ответить? Придется импровизировать на ходу.

— Там, откуда я прибыл.

Такой ответ явно не удовлетворяет Светлейшего Князя и он, нахмурившись, встает передо мной.

— Ой, не юли, Дмитрий, не испытывай мое терпение! Говори как есть — откуда ты таков появился?

Я тоже поднимаюсь, стараясь смотреть на него искренним взглядом святого простачка.

— Извините, Светлейший Князь, но можете подвесить меня на дыбе, я и тогда не дам вам ответа на этот вопрос, — замечаю взметнувшиеся вверх брови князя и поспешно добавляю: — Дело в том, что я и сам этого не знаю.

— Это как же так? Ты же вчера говорил о каком-то граде металлургов.

— Вероятно, вчерашнее чрезмерное возлияние частично прорвало завесу амнезии и я что-то вспомнил, — делаю робкое предположение. — Но разрозненные обрывки сведений могут только еще больше запутать, выдав такие сложные словосочетания, как «технологии производства пластиковых окон», по сути не несущие в себе никакой полезной информации.

— Может, и правда тебя на дыбу надо, Дмитрий Станиславович? — снова садится на топчан князь. — Сдается мне, что дыба более основательно порвет эту твою завесу. Или предлагаешь напоить тебя, а?

— Не поможет, — спешу авторитетно заявить. — Вчерашний феномен является редким исключением. Уверен, что как дыба, или другие телесные истязания, так и чрезмерное употребление алкоголя, скорее вызовут полную амнезию. Возможна также и потеря рассудка.

— Что есть амнезия?

— Амнезия, Петр Александрович, есть потеря памяти.

— И что ж ты, совсем ничего не помнишь о себе?

— Ну почему же. Благодаря вчерашнему феноменальному прорыву, а может, и стрессу, полученному сегодня ночью при встрече с кил... кхм, с убийцами, я кое что вспомнил.

И тут меня понесло не хуже того Остапа. По мере развития моей фантазии оказывалось, что не так-то много я и «забыл». Петр Александрович, а вместе с ним и Алексашка, и зашедший несколько позже Федор узнали, что я с младенчества воспитывался в монастыре шаолиньского типа, только в русской интерпретации и с уклоном не в боевые искусства, а в сторону науки. Содержали меня, как и других воспитанников, в строгости и не выпускали за стены монастыря. Сутками напролет, лишь с небольшими перерывами на сон и скудную пищу, я постигал различные науки. Будучи способным учеником, к своему совершеннолетию поднаторел в учении так, что превзошел некоторых своих учителей, вызвав тем самым их недовольство и нелюбовь к себе. Но Ректор монастыря — так называли настоятеля — заметил мои таланты и приблизил к себе, досрочно присвоив звание младшего научного сотрудника. Это, в свою очередь, породило недоброжелателей в среде других научных сотрудников, которые в свое время потратили немало сил и времени, чтобы достичь такого

звания. Зависть — страшное дело! Мне приходилось жить, будто среди ядовитых змей, постоянно оглядываясь и следя за тем, куда ставлю ногу. Но ничто не могло сломить моей тяги к знаниям, и еще через несколько лет я уже поднялся до звания кандидата наук, оставив позади исходящую ядом зависти толпу конкурентов. Во всем монастыре был только один профессор равный мне по гениальности ума. Это был правая рука Ректора Сэм, в миру Семен. Ректор был уже довольно стар, и Сэм надеялся в скором времени занять его место. Однако, увидев мой стремительный карьерный взлет, он понял, что его ректорство может не состояться. Этого Сэм допустить не мог. Ректор был отравлен. В этом его заместитель обвинил меня. Ученый совет поддержал его голословное обвинение и приговорил меня к самому страшному наказанию — к вимпацетину.

— Вимпацетин, — поясню в финале своей истории, — это препарат, лишаящий человека памяти. Если вам когда-нибудь доводилось встречать человека, абсолютно ничего не помнящего, то, возможно, это был изгнанник из нашего монастыря.

— Доводилось, — кивает Алексашка, но тут же умолкает, повинувшись жесту Князя, отмахнувшегося от него.

— Где находится сей странный монастырь, ты, Дмитрий Станиславович, конечно же не помнишь? — вопрошает князь у меня, недоверчиво прищурив правый глаз.

— Не помню, — с виноватым видом развожу руками и вздыхаю. — Вернее будет сказать — не знаю. Ибо никогда до сих пор не покидал его стен. Местоположение монастыря скрывалось от всех. Об этом знали только сам Ректор и члены ученого совета, к коим я не принадлежал.

— Сдается мне, что ты врать горазд, Дмитрий, — Петр Александрович кладет руку мне на плечо и пристально смотрит в глаза.

Пожимаю плечами и смотрю на него обреченно-невинным взглядом.

— К сожалению, Светлейший Князь Петр Александрович, я ничем не могу подтвердить свои слова. А потому целиком полагаюсь на ваш суд и ваше доверие.

Виновато опускаю голову, уставившись взглядом в свои зимние ботинки. Стоп! Как это ничем не могу подтвердить свои слова? Могу!

— Возможно, частичным доказательством моих слов будут некоторые детали одежды, которая находится на мне, — сообщаю князю.

Тот подозрительно осматривает меня. Расстегиваю молнию на одном ботинке, снимаю его и показываю подступившим зрителям, несколько раз вжикнув туда-сюда.

— Вот, застежка, именуемая «молнией». Сама молния пластиковая, а «собачка» — вот эта штучка, служащая для соединения застежки — металлическая. Вряд ли во всем мире вы найдете мастеров, способных сделать такое, — с удовлетворением отметив открытые рты слушателей, продолжаю: — Обратите внимание на подошву. Кто-нибудь сможет сказать, из какого материала она сделана?

— Из какого же? — спрашивает Петр Александрович, забирая из моих рук ботинок и с интересом ковыряя ногтем синтетический каучук подошвы.

— Не могу сказать, — в очередной раз развожу руками. — Сие знание сгинуло в провале моей памяти. Но уверен, что подобного материала вы не найдете нигде в мире.

Хочу еще показать металлическую молнию на ширинке джинсов, но никак не могу придумать, как покорректнее это сделать. Однако следующее заявление князя заставляет меня забыть о ширинке и подумать о собственном здоровье.

— Может, все таки дыба поможет возродить твою память, Дмитрий? Ты даже не

представляешь, скольким несчастным сей способ помог.

— Воля ваша, Петр Александрович, — говорю, внутренне холодея, но стараясь сохранять внешнее спокойствие. — Однако я уверен в безрезультатности этого метода, ибо никакими пытками не вытянуть из человека того, что он не знает. А вот ложную информацию получить можно.

— Какую такую ложную информацию?

— А такую, когда сломленный пытками человек начинает соглашаться на все, и говорить все, что на ум взбредет, лишь бы его больше не пытали. Много ли пользы будет от такой информации? — озадачиваю князя вопросом и тут же продолжаю: — Зато от здорового от меня может быть гораздо больше пользы, благодаря сохранившемуся обрывкам знаний и прогрессорскому складу моего ума.

Светлейший князь задумчиво смотрит на меня, теребя в руках ботинок. Несколько раз жжикает молнией, удивленно хмыкает, зачем-то нюхает внутренности обуви и, сморщив нос, отбрасывает его к моим ногам. А чего он хотел? Я же почти сутки не разувался.

— Чую я, плут ты, Дмитрий. Однако чем-то приглянулся ты мне. Потому, ежели все равно идти тебе некуда, будешь пока при мне, а там посмотрим. Алексашка, вели завтрак подавать!

Утренняя дорога

После обильного завтрака, на котором я даже не пригубил вина, выхожу вслед за всеми во двор. Судя по тому, что уже совсем рассвело, времени сейчас примерно около восьми часов утра. С удивлением смотрю на стоящую посреди двора высокую карету. На дверях кареты золоченый герб — вижу такой впервые. В обрамлении из дубовых листьев стоит медведь. На его спине сидят два орла: один смотрит в одну сторону, другой — в противоположную. Над грозной троицей парит золотая корона.

— Это чья ж такая карета? — вырывается у меня вслух.

— Чей же ей быть, ежели не Светлейшего Князя? — удивляется моей глупости Федор.

Смотрю на стоящие рядом с каретой сани, в которых вчера ехал вместе с Петром Александровичем, перевожу взгляд на князя. Тот, заметив, смеется.

— Отчего ж я в этот гроб с окошком полезу, когда на улице благодать такая? — вопросом отвечает он на мое недоумение.

За распахнутыми воротами видно множество груженных саней, меж которыми снуют солдаты.

К моей радости, Петр Александрович распоряжается нам с Алексашкой ехать в санях, а сам, мотивируя тем, что ночью воры не дали ему выспаться, скрывается в карете.

Алексашка садится на место кучера, я пристраиваюсь рядом. Теперь-то я расспрошу его подробнее о реалиях сего времени.

Выезжаем первыми. За нами шесть лошадей, запряженные попарно, легко тащат массивную карету. Следом трогается обоз. Среди саней попадаются крытые. Вероятно, боярские. А может, с каким ценным грузом. Но карет больше нет.

Оглядываюсь на двор, из которого выехали. Довольно высокий частокол скрыл от глаз внутренние постройки. Виден только второй этаж здания, в котором провели ночь. Издали у него довольно мрачный вид — посеревшие от времени бревна венцов, маленькие мутные

окошки. Чуть правее, на холме видна небольшая деревенька не более чем в десяток дворов. И полное отсутствие каких либо признаков цивилизации — ни столбов с проводами, ни антенн на крышах. А крыши-то соломенные. Только крыша в постоялом дворе крыта то ли какими-то досочками, то ли серой черепицей — с такого расстояния уже не разобрать.

И так, с чего бы мне начать расспрашивать Алексашку? Надо бы еще определиться, как мне к нему обращаться. Запросто, как к равному? Или снисходительно, как, хоть и к чужому, но к слуге? А для этого необходимо сперва определиться со своим статусом. М-да, задача, однако.

В конце концов, решаю пока держаться с денщиком князя нейтрально и начинаю беседу.

— Александр, ты, надеюсь, не забыл о своем обещании просвятить меня насчет реалий сего бренного мира?

Тот явно был глубоко погружен в свои мысли, поэтому некоторое время тупо смотрит на меня, не понимая, что от него требуется.

— Ты же знаешь теперь, что вся моя жизнь прошла за монастырскими стенами, — напоминаю свою историю.

— Ну? — кивнув, вопрошает Алексашка, все еще не понимая, что я от него хочу.

— Ну и в итоге я абсолютно ничего не знаю о мирской жизни. Понимаешь? Аб-со-лю-тно.

— Ну, дык понимаю. Чего ж я, — Алексашка взмахивает вожжами так, что те бьют по бокам лошадей. Сани ускоряют ход. — Чему ж я-то тебя, Дмитрий, научить-то могу?

— Просто расскажи о том, что я спрошу. Вот, например, какой нынче год на дворе?

— Да што ж вас там, в монастыре этом странном, вообще в неведении обо всем держали?

— Иноки храма науки часов не наблюдают, времени не знают, ибо живут вне времени, отдавая всего себя служению храму и преумножая познания своими трудами, — оттарабаниваю взбредшую в голову белиберду, словно заученную заповедь. И уже нормальным голосом повторяю вопрос: — Дак какой год-то?

— Семь тысяч двести седьмой год ныне, Дмитрий, — наконец просвещает меня Алексашка, продолжая качать головой, выражая удивление такой моей неосведомленности.

Услышав названную цифру, слегка теряюсь. Это что за год такой? Я куда попал? В будущее что ли?

— От Рождества Христова? — пытаюсь уточнить конкретнее.

— Чего это вдруг? — удивляется собеседник. — Мы ж не Европы какие-нибудь. От Сотворения Мира знамо.

— Ясно, — вздыхаю облегченно. Как это я сам не сообразил, что это то еще старое летоисчисление, кажется, византийское. Жаль не знаю, сколько лет разницы между этими летоисчислениями. Тысяч пять или шесть... Та-ак, новое летоисчисление на Руси ввел Петр Первый. Значит его еще нет, или он еще до этого не додумался. Кстати, кто сейчас на троне?

— Еще один важный вопрос, Александр. Поведай темному монаху, кто сейчас сидит на российском престоле? — озвучиваю вопрос и настороженно слежу за реакцией возницы.

Однако тот лишь сокрушенно качает головой, видать, смирился с моей дремучестью, и отвечает:

— Уже год как на престол взошла юная Ольга Федоровна Годунова.

Фигасе! Это какая-токая Ольга Федоровна, да еще Годунова? Как бы плохо я ни знал

историю, но никакой Ольги Федоровны быть не должно. Тем более — Годуновой. Не ну, быть-то она могла и быть, но только не на престоле. Не было у нас такой царицы. Годунов Борис был. Потом, кажется, началась череда каких-то лже-Дмитриев. Так, надо прояснить обстановку.

— Будучи иноком, — говорю, как бы между прочим, — слышал о некоем царе Борисе Годунове. Он, вроде бы, после Ивана Грозного царствовал. Или ошибаюсь?

— Ошибаешься, иннок...

— Не смей называть меня иноком! — решаю определить кое-какие позиции, слегка наехав на Алексашку. — Я уже давно не иннок. Ректором-настоятелем мне жалован чин старшего научного сотрудника, что соответствует дворянскому званию!

— Ды, это, — мужик явно растерялся, соображая как среагировать на неожиданный наезд.

Делаю вид, что остываю и миролюбиво говорю:

— Называй меня Дмитрием, или же запросто Дмитрием Станиславовичем. Титулы можно не перечислять, — и не дав Алексашке осмыслить услышанное, возвращаюсь к прерванному разговору: — Так значит был такой царь — Борис Годунов.

— Был, а как же. Аккурат после Федора Иоановича и царствовал. А не после Ивана Васильевича, как ты сказал.

— А нынешняя царица кем ему приходится?

— Не царица — Императрица Ольга Федоровна дочь Федора Третьего.

— Ясно, — говорю, понимая, что сходу мне в эти наследно-царственные дебри лучше не лезть. Да и не это главное. Главное то, что не было в истории этих царей. Пусть я мог не знать о какой-то императрице Ольге — допустим поправила Россией годик без всяких значимых деяний, не оставив следа в истории — но такого количества Годуновых точно не было. И что из этого следует? Алексашка морочит мне голову? Я сошел сума, и все происходящее со мной — обычный глюк? Я попал куда-то не туда, не в нашу историю? Параллельный мир? Параллельная ветвь истории? Что выбрать из перечисленных вариантов?

Ладно, пока не буду спешить делать какие-либо выводы. Пока допустим достоверность полученной информации. Пусть сейчас семь тысяч двести седьмой год от Сотворения Мира, пусть на Российском престоле сидит некая Ольга. Юная, кстати.

— Сколько ж годков императрице?

— Десять недавно исполнилось, — отвечает Александр, погоняя лошадей.

Вот те на, действительно юная. Как же она правит-то? Впрочем, Петру, если мне не изменяет память, тоже десять лет было, когда он царем стал.

— Что ж с ее отцом приключилось, что дочка в таком возрасте править империей стала? — продолжаю выпрашивать княжьего денщика. — И почему дочь на престол взойшла? Нет сыновей?

— Эх, — шумно вздыхает собеседник и сокрушенно качает головой. — И о горе великом ты тоже не знаешь, значит.

— О каком горе?

— Отравили всю семью царскую во время обеда. В одночасье умерли и Федор Борисович с Софьей Павловной, и трое наследников. Благо Ольга Федоровна наказана была за какую-то шалость и не обедала в тот раз вместе с семьей.

— Да как же так могли отравить-то? — искренне удивляюсь услышанному. — Неужто

для императора кто попало еду готовит и на стол подает?

— Оно понятно, что кто-то из приближенных яд подсыпал. Да и знамо кто, только доказать нельзя. Да и не до доказательств в ту пору было.

Алексашка снова замолчал, словно выдал мне исчерпывающий ответ. Да что ж мне, каждое слово из него вытягивать? Налить бы ему грамм пятьсот для размягчения языка.

Постепенно, вытягивая из неразговорчивого мужика крохи сведений, мне удалось кое что узнать о мире в который меня занесло.

Весть о смерти императорской семьи стала известно народу чуть ли не в ту же минуту, как случилось преступление. Еще не все придворные знали о этой беде, а у стен кремля уже собралась галдящая толпа. Часть толпы требовала немедленно наказать цареубийц, ничуть не интересуясь их личностями, и пойманы ли они. Другая половина толпы кричала, что свершилась воля божия, что, мол, император со своей семьей принял муки за общие грехи, и что теперь всему народу надлежит молиться денно и ночно сорок суток. Третьи кляли всех и вся, сетуя на тяжкую долю. Неизвестно как и кем толпе были доставлены несколько бочек браги, и сей напиток подогревал и так до предела накалившиеся страсти.

Тем временем в Кремле похватали всех, кто был связан с императорской трапезой. Руководил скорым следствием Степан Чемоданов (кто такой этот Степан Чемоданов — я пока выяснять не стал). Засекли насмерть немало слуг, но никаких конкретных фактов выяснить не удалось. Однако все при дворе были уверены, что отравление императорской семьи дело рук князей Голицыных, давних недоброжелателей династии Годуновых, при этом ухитрившихся оставаться при дворе. Самих князей в Кремле не оказалось, хотя их и видели уже тогда, когда двор облетела весть о грянувшей беде. Тут же пришли донесения, что людьми Голицыных по всей столице умело разжигается смута. Чемоданов снарядил было отряд гвардейцев для ареста князей, но тут (все к одному) прибыли гонцы с вестью о нападениях на русские селения по южному порубежью крымских татар и приближении к границе турецкой армии. Слухи о том, что турецкий султан готовится двинуться войной на Россию ходили давно, но никто в них не верил. Одно дело посылать в набеги подконтрольные ему татарские орды, поставляющие в Турцию живой товар, и совсем другое дело открытая война с Москвой. Интересы Османской империи распространялись на Восток и на Юг, а холодная Россия вряд ли могла вызвать сильный интерес. Так было принято думать до сих пор. Да и то, что крымчаки посреди зимы в набег пошли — тоже было делом невиданным. Однако не верить полученным сведениям оснований не было.

Евстафий Басманов, при поддержке Светлейшего князя Петра Невского, убедил Чемоданова не спешить с арестом Голицыных. Голицыных поддерживала значительная часть столичного дворянства, что могло вызвать еще большую смуту. В данный момент необходимо было как можно скорее двигать войска навстречу туркам. Командование Русской Армией решено было поручить Петру Александровичу, который уже проявил свои полководческие таланты на войне с Европой, за что и был пожалован титулом Светлейшего Князя. Трон же должен остаться за чудом спасшейся Ольгой Федоровной, и Степану Чемоданову надлежало быть ей защитой и опорой.

Как удалось усмирить толпу, собравшуюся у Кремля, толком выяснить у Алексашки не удалось. Ясно было что к этому делу опять же был причастен Петр Александрович, а также тайная служба Евстафия Басманова.

В общем, в столице пока все стихло. Расследование гибели императорской семьи если и проводилось, то тайно, и никаких официальных заявлений не делалось. Да и не знал об этом

толком мой собеседник, ибо убыл из столицы вместе с князем.

Русская армия под командованием Светлейшего Князя навалила туркам как следует, разогнав попутно и крымчаков. Взяли в осаду Азов и, развивая успех, собирались было двинуться в Крым. Но тут случились какие-то новые обострения с Европой, грозившие разразиться новой войной. Опять же пришли нехорошие вести от Чемоданова о вновь затеваемой смуте. А тут еще при посредничестве Английской Короны начались переговоры с турецким султаном.

В итоге большая часть армии была переброшена к западной границе, а оставшиеся войска отошли к прежним рубежам и простояли там до зимы.

И вот по прошествии целого года Светлейший Князь с боярским обозом возвращались в столицу. Тем более, что Степан Чемоданов многократно уже звал его прибыть в Кремль, опасаясь нового заговора против юной императрицы.

Почти все фамилии, названные денщиком князя, были мне знакомы. Вот только кем были владельцы этих фамилий в привычной мне истории, я вспомнить не мог, ибо и не забывал по причине незнания. Однако чувство какой-то неправильности не покидало. Если принять все как есть, то получалось, что я попал не просто в прошлое, а еще и в прошлое совершенно другого параллельного мира, со своей параллельной историей. Если так, то может мое незнание истории и к лучшему. А то ляпнул бы что-нибудь по поводу реалий моего мира и попал бы впросак.

Решив, что для первого раза информации хватит, прекращаю доставать Алексашку расспросами. Оглядываюсь назад и вижу, что обоз растянулся почти до горизонта. Некоторое время едем молча. Убаюканный мерным ходом саней, клую носом. Так и выпасть можно. Вот смеху-то будет. Может перебраться в зад да вздремнуть часок-другой на свежем воздухе? От того же свежего морозного воздуха захотелось есть. Сейчас бы шашлычок сварганить... Интересно, тех гигантских пирожков, которыми потчевали в деревянном отеле, с собой в дорогу не прихватили?

— У нас в санях ничего пожевать не найдется? — спрашиваю Алексашку.

— Пожевать? — удивленно переспрашивает тот.

— Жрать чего-то захотелось, — поясняю ему.

— А-а, — протягивает парень. — Дык, в Курск приедем, там и потрапезничаем.

— В Курск? И скоро мы там будем?

— К вечеру должны быть, — невозмутимо поясняет собеседник и, оглянувшись назад, притормаживает лошадей, чтобы не слишком отрываться от княжеской кареты и остального обоза.

Вот те на! Я-то думал, что рановато захотел есть — мы всего-то часа два ехали, и до полудня, когда по моему разумению должен был быть обед, было еще далеко. А оказалось, что не просто рановато, а даже слишком рановато.

— Это что ж мы обедать не будем? — высказываю свое недоумение.

— Светлейший Князь в столицу спешит, — получаю короткий ответ.

И что теперь, с голоду погибаться? Не пешком же спешим, а в санях. Можно было бы и на ходу пожевать чего-нибудь. Однако удерживаюсь от желания высказать это соображение Алексашке. Мало ли, вдруг у них тут еда на ходу воспринимается так же, как, к примеру, мочиться в штаны. Кстати, а если по нужде захочется, тоже до вечера терпеть, или прямо с саней...

— А куда ночных чертей дели? — спрашиваю, вспомнив об абреках, которые пытались

меня зарезать самыми настоящими ножиками.

— Каких чертей? — снова не понимает меня собеседник.

— Ну, киллеров этих, что на князя покушались.

— Киллеров? — удивляется тот незнакомому слову, однако соображает о ком идет речь и кивает назад, в сторону тянувшегося за нами обоза. — Везут в столицу для более пристрастного допроса. Ты почему их так назвал-то?

— Так в ученых книгах называют наемных убийц, — сходу придумываю объяснение.

Алексашка качает головой и ничего не говорит.

В княжеской карете

До нас доносится свист. Оборачиваемся и видим машущего нам бородача, сидящего на козлах рядом с кучером княжеской кареты. Наши сани замедляют ход и останавливаются.

Из подъехавшей кареты выходит князь. Щурясь от искрящегося на солнце снега, он потягивается, раскинув в стороны руки.

— В санях, пожалуй, спать лучше было бы, — заявляет он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Подъезжает Федор и, спрыгнув с лошади, подходит к Петру Александровичу.

— Ну, чего там усмотрели твои орлы? — спрашивает его князь.

— Какие-то люди следуют за обозом, Петр Александрович.

— Что за люди? Почему не спросили, кто таковы?

— Непонятно, — пожимает плечами боярин. — То с одной стороны мелькнут за склоном овражка, то с другой. Я посылал гвардейцев догнать, да куда там по такому снегу — чуть от тракта, и лошадям по грудь.

— Как же тогда те людишки по такому снегу двигаются? — удивляется Светлейший.

— Непонятно, — снова говорит Федор. — Но добрые люди так скрытничать не будут. Отстал бы ты, Светлейший Князь, в середину обоза. Да и дозор вперед выслать не помешает.

— Ополоумел! — возмутился князь. — Это что ж мне, на родной земле теперь врагов опасаться? Может, мне еще и в постель с собой по бокам гвардейцев положить для безопасности?

— Судя по прошлой ночи, не помешало бы, — вылез с замечанием мой язык, который я тут же постарался прикусить.

Князь с боярином посмотрели на меня, как на какое-то недоразумение, типа заговорившей лошади. Однако неожиданно меня поддержал Алексашка.

— Оно и правда, Петр Лександрыч, поосторожничайте бы вы, покуда в столицу не приедем. Дорога тут безлюдная. Мало ли...

— Что, мало ли?! — князь зло пнул ногою снег. — Чего я могу бояться на родной стороне, сопровождаемый десятком бояр, да сотней гвардейцев?

Меньшиков виновато потупился, явно сожалея, что влез с советом. Федор тоже молчал. Глядя на их растерянность, я вновь не уследил за своим языком.

— Ваши гвардейцы, Петр Александрович, может и хороши в открытом бою, но вот против диверсантов ночью сплеховали. Трех зарезали, как безропотных овечек.

— Так то ж ночью, — к моему удивлению попытался оправдаться князь.

— То-то и оно, что ночью, когда каждый шорох слышен, и когда все чувства обострены.

А днем, да еще и в спокойном месте, где никто не ждет беды, гораздо легче совершить какую-нибудь пакость. Вот помню, когда начались все эти теракты... — оп-па! О чем это я опять?

— Что началось? — спрашивает Федор, и взгляды остальных подтверждают общую заинтересованность.

— Да то долгая история, — делаю попытку уйти от ответа. — Если я ее сейчас буду рассказывать, то мы в Курск к ночи точно не успеем.

— А ничего. Ты, Дмитрий, свою историю по дороге расскажешь. Залазь в карету, — пресекает мою попытку князь и, прежде чем залезть самому, говорит Федору: — Воля твоя, пускай дозор вперед.

Карета внутри оказывается довольно просторной — пожалуй, слегка поболее вагонного купе, разве что потолок ниже. Не знаю, отчего князю не понравилось здесь спать, но я бы с удовольствием растянулся на одном из мягких диванов, расположенных друг против друга. Меж диванов, как положено, столик. Ух ты, а что в этой корзине под столиком? Уверен, там под полотенцем какая-то снедь. Как бы раскрутить Светлейшего на угощение? И чего это меня на еду так пробило?

За окошком промчался отряд всадников. Вслед за ними трогаемся и мы.

— Так значит, Дмитрий Станиславович, говоришь, забыл все подчистую? — начинает Петр Александрович.

— Почему подчистую? Я же вспомнил кто я и откуда. Сейчас вот еще про теракты вспомнил. Значит, не подействовал вимпацетин как положено. Думаю, недруги впопыхах не соблюли точную пропорцию компонентов, а это в фармацевтике очень важно.

— Складно говоришь, однако. Потому, хочется верить. Но, смотри... — не закончив мысль, князь вперивает в меня пристальный взгляд, от которого мне становится как-то не по себе.

Пытаюсь выдержать его взгляд, не отвести глаза. А он ведь немногим старше меня. Если сбрить эту дурацкую бороденку, то может и вовсе юношей окажется. Но вот же, уже Светлейший Князь. Оно понятно, что княжеский титул по наследству достался. У нас дети олигархов тоже сразу олигархами рождаются. Однако Алексашка говорил, что титул Светлейшего ему за какие-то военные заслуги присвоили. Да и при императорском дворе, как я понял, этот юноша авторитетом пользуется. Взгляд-то такой, будто насквозь человека видит, и понимает — правду тот говорит, или лжет. Но моя-то правда почище любой лжи будет.

— Чего уставился на меня, как на чудо какое?

— Да задумался я, Петр Александрыч. Больно уж воспоминания мои странные. Не знаю, как вам о них и поведать. Я бы сам в такое не поверил, наверное.

— А ты рассказывай, что вспомнил, а я уже сам думать буду, во что верить, во что нет. Расскажи для начала, что в вашем монастыре началось такое, о чем ты только что обмолвился?

— Про теракты что ли? Так, то давно было. Я тогда совсем еще мальцом был. Стали тогда в наш монастырь проникать террористы..

— Кто?

— Это такие диверсанты, которые закладывают взрывчатку в местах большого скопления людей и подрывают. Например на базаре, или в храме во время службы.

— Это зачем же народ-то гробить? — удивляется князь.

— Чтобы дестабилизировать обстановку в стране, или в конкретном регионе. То есть, создать панику, внушить народу чувство незащищенности и поколебать его веру в ныне действующую власть.

— Эко подло-то как!

— А то. Вот представьте, Светлейший, что было бы, ежели взорвали бы бомбы в толпе, которая собралась, когда императора с семьей отравили?

— Может, вырвать тебе язык, Дмитрий Станиславович, чтобы ты более никому о такой подлости поведать не смог? — Петр Александрович задумчиво тербит бородку, затем, прищутив глаза, спрашивает: — Откуда тебе известно про бунт, коли ты ранее говорил, что всю жизнь за монастырскими стенами провел и ничего о внешнем мире не знаешь?

— Так я ж Александра порасспрашивал, пока мы с ним ехали. Неловко мне совсем дремучим-то выглядеть. Вот и расспросил я его о кое-каких реалиях. Теперь хоть что-то знаю.

— Алексашка тот потрепаться любит, — успокаивается собеседник.

— Как-то не заметил за ним такое. Каждое слово клещами вытягивать приходилось.

— Клещами? Ты говоришь, как пыточных дел мастер. Не сподручен ли ты и к этому делу?

— Боже упаси. Просто к слову пришлось. Честно говоря, я даже и не задумывался об истинном значении этого выражения. Так, значит, о терактах, поспешно возвращаясь к изначальной теме разговора. — Когда начались взрывы на территории монастыря, особо грамотные додумались дежурить поочередно по ночам. Составили графики дежурств и торчали ночами у подъездов.

— У подъездов к чему?

— Ну, у крыльца, в смысле. Так у нас в монастыре крыльцо в многоэтажную келью называется.

По тому, как князь хмыкает, понимаю, что мой ответ лишь породил у него другие вопросы. Однако он промолчал, давая мне возможность продолжить.

— Так вот, я хоть и маленький тогда был совсем, но понимал, что вся эта возня с гражданскими патрулями — полная нелепица.

— Это почему же?

— А вот вы, Петр Александрыч, представьте себя на месте террориста...

— Это как же я могу себя паскудой эдаким представить! — грохает тот по столу кулаком. — Ты говори, да не заговаривайся, Дмитрий Станиславович!

— Не помню кто, но кто-то мудрый говорил, мол, для того, чтобы обыграть врага, надо представить себя на его месте и понять, как он будет действовать, — говорю несколько раздраженно, ибо эти запугивания уже начали надоедать. Я все-таки не холоп какой-нибудь доисторический, а гражданин демократической (мать ее, эту демократию) страны (где она, эта страна?).

Светлейший Князь думает не менее минуты и, наконец, говорит:

— Умно сказано, и мне эта мудрость известна. Но до сих пор я сию науку только на бранном поле применял. Не думал, что и с ворами так можно.

— Так вот представьте, что вам нужно заложить и взорвать бомбу в людном месте, — продолжаю поучительным тоном, вдохновившись признанием моей правоты.

— Ну?

— У вас есть два варианта. Первый — красться ночью по безлюдным улицам, которые

патрулируют наряды монастырской милиции. Второй — спокойно прийти днем, когда кругом полно народу и никто ни на кого не обращает внимания. Какой выбираете?

— Днем, понятно.

— Вот и получается, что все эти ночные дежурства бессмысленны были. Проще днем сумку с бомбой невзначай «забыть» где надо и уйти восвояси.

— Это как же уйти? А фитиль поджигать кто будет?

Вот же дотошный князь. Фитиль ему, видите ли, поджечь надо.

— Есть такие взрывные механизмы, которые без фитиля в нужный момент воспламеняют заряд, — и предупреждая вопрос князя, поспешно добавляю: — Но я эту систему не знаю. Хотя, если поговорить с ученым-химиком, то возможно смогу натолкнуть его на мысль о принципе действия такого взрывателя.

— Будет тебе химик по приезду в столицу, — заверяет собеседник таким тоном, как будто собирается меня в чем-то уличить, и, вспомнив об изначальном разговоре, спрашивает: — Значит, ты клонишь к тому, что караулы ночью выставлять не нужно? Глупость это!

— Да нет же, Петр Александрыч. Наверное, я недостаточно четко выразил свою мысль. Разговор-то начался с того, что днем диверсии можно не опасаться. Вот я и объяснил ошибочность этой точки зрения. Вот — только не подумайте чего — я бы, на месте этих ночных убийцв спокойно выспался бы ночью, а утром переоделся бы в форму вашего гвардейца, да в суматохе, которая царила при отъезде, воткнул бы вам ножик под лопатку. Э-э, Петр Александрович! Я же чисто теоретически!

Вмиг покрасневший князь опускается обратно на диван и долго буравит меня взглядом.

— А ведь и получилось бы у тебя, — выдавливают он наконец.

— Поэтому не стоит пренебрегать мерами предосторожности, о которых заботится боярин Федор, — задумываюсь, надо ли добавлять к имени боярина отчество, но вспоминаю, что он называет меня только по имени и решаю — обойдется.

Какое-то время едем молча. Светлейший зыркает на меня из-под насупленных бровей и тербит бороденку. Хоттабыч, блин. Вырвал бы, что ли, волосинку, вякнул бы что-нибудь типа, «трах-тибидох», и оказался бы я в своем мире, в своей постели...

Пряча улыбку, опускаю взгляд на корзину и понимаю, что есть уже расхотелось. Сперва слева, потом и справа к дороге подступает лес. Обращаю внимание на густой подлесок. У нас вдоль дорог подлесок регулярно вырезается, дабы не стать причиной пожара. Здесь же таким делом не озабочены. Да оно и понятно — некому здесь кидать непотушенные бычки из окон автомобилей. Разве что непотушенную трубку кто из окна кареты выбросит. Кстати, а здесь вообще-то курят? Или табак еще не попал в Россию. И картохи на столе не было. Вот те на! Это что ж получается? Это я больше никогда не отведаю жареной картошечки? И кофе не попью?!

Засада

За окном слышатся встревоженные крики, мелькают всадники. Карета останавливается.
— Петр Александрович! — встревожено зовет подъехавший Федор.

Князь открывает дверь, и мы видим обеспокоенные лица боярина и находящегося тут же Алесашки. Вокруг с ружьями наготове суетятся гвардейцы.

— Что? — коротко спрашивает хозяин кареты.

— Дозор побили, — говорит Федор с таким выражением собственной вины, с каким обычно ребенок сообщает маме о разбитой вазе.

— Кто?

В ответ лишь виноватое пожатие плечами.

Князь делает попытку вылезти из кареты, но этому препятствуют подступившие к дверям боярин с княжеским денщиком.

— Поостереглись бы вы пока, Петр Лександрыч. Неровен час стрельнут из лесу, — говорит Меньшиков.

Опешивший от такого бунта подчиненных, Петр оглядывается на меня. По мне бы, лучше он остался бы в карете. Тогда бы и мне вылезать не пришлось. Не для того я черт-те куда попал, чтобы погибнуть от выстрела из кустов.

— Нет, ты слышишь, Дмитрий Станиславович? А? Я под вражескими ядрами стоял — не прятался. А от каких-то лесных разбойников хорониться буду?

— Извините, Петр Александрыч, а кто в империи дорогами заведует?

— Какими дорогами? — уставший стоять согнувшись перед дверью, князь присаживается на диван. — Как заведует?

— За стратегически важными дорогами, Петр Александрыч. За дорогами, которые являются артериями государственного организма. По которым передвигаются армии, перевозятся важные грузы, ездят государственные люди.

— Ямской приказ следит.

— Что-то не видно, чтобы этот приказ следил за дорогами.

— Как же не видно. Нешто в яме нас плохо встретили?

— В какой яме? — на этот раз спрашиваю я, ощутив при этом некое дежавю. Будто бы я уже задавал такой вопрос, вот только ответа не помню.

— В какой яме? В яме? — переспрашивает князь и заходится громким смехом.

Ну вот, точно такое уже было — и разговор про какую-то яму, и смех.

Продолжая хохотать, он снова поднимается и, оттолкнув денщика, спускается из кареты.

Вот, блин, не дал договорить умную мысль. Нет, я ее все же выскажу. Да и не сидеть же мне одному в княжеской карете. Еще подумают, что боюсь. Я вообще-то и правда боюсь. Не ну, нафига мне эти местные разборки. Они тут за власть дерутся, а мне нафига голову подставлять. И так уже чуть не зарезали ночью.

Солнечный свет кажется слишком жестким, после мягкого полумрака кареты, и на некоторое время ослепляет. Когда глаза привыкают, вижу князя среди окруживших его бояр.

Запахивавшиеся — видать только что откуда-то прибежали — братья-храпуны что-то торопливо рассказывают, постоянно перебивая друг друга.

Оказывается на дозор, ехавший на версту впереди, напали из высоких придорожных кустов. В этом месте подлесок был особенно густой и подступал близко к дороге. Не зря я обратил внимание на тот факт, что даже несмотря на отсутствие листвы, лес, из-за густого подлеска, не просматривался и на шаг.

— Вот и я говорю, — бесцеремонно вклиниваюсь в разговор. — Не следят здесь за состоянием дорог.

— Нешто опять про яму будешь спрашивать? — вопрошает князь издевательским голоском.

— Петр Александрович, мне ли вам, Светлейшему Князю, объяснять, что вдоль дорог стратегического значения весь подлесок должен вырубаться на милю в стороны. А так же все нижние ветви в высоту на два метра. Если бы эти правила соблюдались, то никто бы не смог напасть на путника неожиданно, ибо лес хорошо просматривался бы.

Долгую минуту бояре во главе с князем удивленно смотрят на меня.

— Умно, — говорит наконец один из Соболевых. Второй согласно кивает. Никак не могу запомнить, кто из них Михаил, а кто Никита.

— Это где ж ты такие порядки видывал, коли за монастырские стены до сего дня не вылезал? — прищутив глаз, интересуется князь.

— Сам не видел. В книгах о том читал, как правильно надо дороги устраивать. Это ж надо такой подлесок у самой дороги вырастить, что даже зимой сквозь него на метр ничего не видно, — произношу с искренним возмущением.

Князь с боярами смотрят на придорожные кусты, будто видят их впервые. Вот то-то ж. Я вас еще не тому научу. А что это за шевеление там? Пристально всматриваюсь в снежный бугорок. Показалось, будто бы он пошевелился. Или почудилось? Наверное, снег с ветки обвалился, вот и показалось шевеление. Вот опять снег обвалился. А чего это он вдруг? Ветра-то нет... О-па, вон тот бугорок тоже вроде как шевельнулся. Если бы не рассматривал кусты, ни за что не заметил бы. И что теперь делать? Сказать Светлейшему, так он, судя по его натуре, сам и сунется проверять. А вдруг показалось? Тогда засмеют. А и пусть.

— А ну пойдی сюда, — подзываю топчущегося неподалеку гвардейца. — Стрельни-ка из своего ружьишка во-он в тот бугорок.

— А вы, бояре, будьте наготове. — говорю в ответ на вопросительные взгляды. — Сабельки свои да пистолетики достаньте — возможно, сейчас эти вещи вам пригодятся.

— В тот, что ли, боярин? — спрашивает солдат, целясь в низ кустарника, как раз в нужном направлении.

— В тот, — киваю и вижу, как бугорок приподнялся и из-под него показался мужик с таким же ружьем, как у гвардейца. Он громко свистнул и прицелился в нашу сторону. Кусты вокруг зашевелились. Снег под ними начал вспучиваться, порождая вооруженных людей. А я стою перед ними весь такой безоружный и незащищенный. Твою мать! Что делать-то?

Над ухом грохает выстрел — это стрельнул подозванный мною гвардеец. Выведенный из ступора, бросаюсь в сторону (а что еще остается делать мне безоружному?) и, надо ж такому случиться, натыкаюсь на князя, сбивая его с ног. Мы падаем под звук залпа и свиста пролетающих над нашими головами пуль. Грохнувшись на Петра Александровича так, что у того внутри что-то вякнуло, поспешно с него сползаю, намереваясь заползти под ближайшие сани, но натыкаюсь на труп одного из бояр. Пуля попала тому прямо в переносицу, оставив

меж глаз здоровенную дыру, сочащуюся бурой жижей. Смотрю на эту страшную маску смерти и, впад в ступор, не могу отвести глаз.

— Да слезь ты с меня! — орет князь, и его голос возвращает меня к реальности.

Вокруг грохочут выстрелы, но уже довольно редко. Слышен звон стали — похоже, началась рукопашная схватка. Скатываюсь с князя и, сев на снег, поворачиваюсь к обочине. Там действительно рубятся на саблях. Почему к нам не спешит подмога? Где вся остальная сотня гвардейцев? Где вообще все мужики из обоза?

— Алексашка! — орет поднявшийся князь. В руке его уже сверкает обнаженная сабля.

Тянусь к поверженному боярину и достаю из ножен его клинок. Фехтовальщик из меня никакой, однако ощущение оружия в руках придает хоть какую-то уверенность. Поднимаюсь и встаю рядом с Петром Александровичем. Напавшие пока еще не прорвались к нам. Нс рубка идет знатная. Как в голливудских фильмах про пиратов. Только здесь вместо палубы забрызганный кровью снег.

— Алексашка! — снова орет Светлейший.

И правда, чего это не видно его денщика? Неужто сложил свою голову от бандитской пули или сабли? Ан нет, вот он прибежал с той стороны дороги. Дышит тяжело, шапки нет, в руке окровавленный клинок.

— Здесь я, Петр Лександрыч.

Князь хотел было что-то сказать, но в это время прямо перед нами остановилась лошадь и с нее соскочил Федор.

— Со всех сторон насели. Числом не менее чем вдвое больше нашего, — прокричал он сквозь шум схватки.

— Да кто это такие? Что им надо? — растерянно произнес Петр Александрович.

— Не знаю, Светлейший. Выспросить возможности нет. Они рубятся насмерть, не выдвигая никаких требований. Но ежели мы не прорвемся, то долго не продержимся.

— Ты что же, бежать предлагаешь? — возмущенно воскликнул князь.

Федор потупился, явно не решаясь перечить Светлейшему. Видя, что нападавшие вот-вот прорвутся к нам, я сделал попытку наехать на князя разумной логикой.

— В принципе у вас, Петр Александрыч, есть два варианта действия. Первый — смело ринуться в схватку и геройски погибнуть на радость врагам, не посрамив своей чести и бросив на произвол судьбы юную Императрицу. Второй — отступить и, проведя расследование и узнав, кто послал на вас этих ребятишек, — я кивнул в сторону леса, — разорвать ему задницу на пятнадцать союзных республик.

— Верно Дмитрий говорит, — поддержал Федор, наверняка правильно поняв фразу о союзных республиках. — Кто-то очень не хочет, чтобы ты, Светлейший, живым в Москву приехал.

И тут нам под ноги кубарем подкатился тот гвардеец, которого я подзывал. Руками, сквозь пальцы которых текла кровь, он зажимал живот и громко орал что-то нечленораздельное.

Федор с Алексашкой шагнули вперед навстречу здоровенному детине, прущему на нас с окровавленным клинком в руках. Боярин скрестил с амбалом сабли, а Князев денщик, зайдя чуть сбоку, рубанул вражину по сжимающей клинок кисти. Я еще пялился на падающую человеческую конечность, а Федор уже снес ему голову.

И такая мясорубка творилась повсюду. Не у дел были только мы с князем, тщательно опекаемые боярами и гвардейцами. Вернее, опекали они лишь Петра Александровича, а я

пристроился к нему, как говорится, на халяву.

Мелькнула мысль — не грохнуть ли в обморок? Я все ж цивилизованный человек из двадцать первого века, и вид пошинкованных человеческих тел должен вызывать у меня именно такую реакцию. Однако сомнительно, что обморок спасет мне жизнь.

Не знаю, как так получилось, но вдруг обнаруживаю, что прячусь за спиной князя, который уже рубится с одним из налетчиков. Федор и Алексашка тоже заняты делом. У Меньшикова сочтется кровью порез на левой скуле.

Сзади скрипнули сани. Оборачиваюсь и вижу заскочившего на них с той стороны мужика в сером кафтане, таком же, как на других нападавших. Поставив ногу на край, он приготовился уже прыгнуть, но тут я (сам не знаю, как это получилось) рубанул его саблей по носку сапога. Почувствовав, как клинок прорубил кожу сапога и хрустнул о косточки пальцев, усиливаю на него давление и протягиваю на себя, будто отрезая колбасу.

— А-а, курва! — раздалось над моей головой, и враг опрокинулся в сани.

Тупо смотрю на испачканную в крови саблю. Но поверженный уже снова поднимается, занеся над головой свое оружие. Делаю выпад ему в пах. Однако, похоже, взял слишком низко — кафтан и шаровары помешали. Переворачиваю саблю острием вверх и снова режущим движением, чувствуя, как отточенная сталь разрезает ткань и плоть, оттягиваю на себя.

— А-а, курва! — снова орет новоявленный одноногий евнух (поляк либо, или бандера какой) и во второй раз опрокидывается в сани.

Не ко времени вспоминаются слова песни из старинного фильма: «Вжик-вжик-вжик. Кто на новенького?» Только для того, что я сейчас проделал, больше подходит не «вжик», а «ш-шик» — именно такой режущий звук издавало лезвие сабли, когда я пилил им различные конечности этого бедолаги. Если останусь живым, когда эта мясорубка закончится, то все же, наверное, грохнусь в обморок.

А пока, может, помочь кому-нибудь? Например, князю. А как? Поднимаю из-под ног оброненную кем-то меховую шапку и бросаю в лицо княжеского соперника. Тот испуганно шарахается, и тут бы Светлейшему его и прикончить, но тот сам шуганулся пролетевшей у него из-за уха шапки и дернулся в сторону.

— Вали его на бок! Ломай ему хобот! — с диким криком кидаюсь на врага вперед князя и бью его саблей по правому запястью. Однако удар получается какой-то тупой, и кисть, вопреки моим ожиданиям, остается на месте. Правда сабля из нее выпадает — все-таки косточки под моим клинком хрустнули. Ма-ать его вражины! Так вот почему так неудобно лежит в руке рукоять. Я, оказывается, держу оружие острием вверх.

Вш-ших — добивает обезоруженного противника Петр Александрович.

К нам подтягиваются еще несколько гвардейцев и оттесняют на обочину подступивших вплотную врагов.

Освободившийся Алексашка запрыгивает в сани и выбрасывает оттуда свернувшегося калачиком, стонущего евнуха.

— На санях не проехать! — орет Федор. — Только верхом.

Дорога действительно завалена трупами как людей, так и лошадей, между которыми гвардейцы продолжают отбиваться от нападающих.

— Верхом тоже не уйти, — оценив обстановку, говорит князь. — Надо прорываться лесом. Кто уцелеет, пусть возвращается в Оскол. Федор, оповести оставшихся, чтобы уходили немедленно. Ибо как только эти зарядят ружья, так постреляют всех, кого еще не

посекли.

Федор кивнул и ринулся куда-то в гущу схватки.

— Держись подле, Дмитрий Станиславович, — как-то даже задорно подмигнул мне Светлейший и, подняв вверх клинок, направился к обочине.

— Петр Лександрыч, а как же это... — не договорив, Алексашка кинулся к карете, попутно помог одному из гвардейцев одолеть противника, нырнул внутрь и сразу появился обратно с небольшим бочонком подмышкой.

В окружении солдат мы стали понемногу углубляться в лес. Находясь за спинами дерущихся, я чувствовал себя каким-то обделенным. Даже князю время от времени приходится вступать в схватки. А я, куда не ткнусь, всюду спины в синих шинелях, или, как их здесь называют, кафтанах. Споткнувшись о чей-то труп, падаю на четвереньки, чуть не ткнув саблей в спину Меньшикова. Машинально хватаю за ствол подвернувшееся под руку, валяющееся на снегу ружье. Пожалуй, с эдакой дубинкой мне сподручнее будет. А то с саблей я как-то не очень. Правда, бросать ее тоже жалко. Ну да подниму другую, если понадобится. Их тут вон сколько валяется — рядом с каждым трупом или раненым.

Берусь за ствол двумя руками и подняв ружье прикладом вверх, встаю в позу бейсболиста из американских фильмов, приготовившегося отразить мяч. Однако никто на меня нападать не собирается.

Меж тем схватка уже углубилась в подлесок и разделилась на отдельные поединки, ибо густые кусты не позволяют держаться кучно.

— Дмитрий! — орет Алексашка и кидается мне за спину, принимая на свой клинок занесенную надо мной саблю. Шустрый вражина пинает моего спасителя в живот и тот падает на спину, взмахнув руками и выронив бочонок. Что ж там такого в этом бочонке? Коньяк либо?

С отяжкой бью импровизированной дубинкой по нападавшему. Но тот приседает, пропуская приклад над головой, и пытается дотянуться до меня саблей снизу. Шустрый гад. Перехватываюсь за ствол обратным хватом и начинаю крутить перед собой восьмерку. М-да, все-таки ружье — это не бейсбольная бита. Чтобы эффектно раскрутить такую «лопасть» необходимо силенок поболее, чем у меня. Но, тем не менее, действие на врага произвело впечатление. Он пару раз нерешительно сунул саблю в мою сторону, однако та всякий раз отлетала, отбитая прикладом. Воодушевленный таким моментом, делаю шаг вперед, стараясь усилить скорость вращения, и цепляюсь ружьем за толстую ветку, в ответ осыпавшую меня снегом. Тут бы мне и конец, не споткнись о низкий куст, отступивший под моим напором противник. Упав на спину, он тут же перевернулся на четвереньки и начал было подниматься. Поняв, что пришло время использовать ружье по назначению, бью со всей силы прикладом ему по загривку. Клиент готов.

Так, а что творится вокруг? А вокруг меж кустов видны лишь серые кафтаны. Шум схватки углубился гораздо дальше в лес. Это что ж, я один остался, что ли? Где Алексашка с князем?

Забираю саблю поверженного, ибо в этих зарослях ружьем особо не помашешь, и начинаю спешно продираться вглубь, на звуки звенящих друг о друга клинков и яростные крики. Стараясь держаться дальше от мелькающих за кустами людей в сером... Среди густых зарослей молодой поросли все чаще натываюсь на стволы крупных деревьев. Вот за тем деревом с раздвоенным стволом мелькают дерущиеся фигуры. Спешу туда в надежде присоединиться к своим и выскакиваю прямо за спину серому. Перед ним один из братьев

Соболевых. Встречаюсь с боярином взглядом. Он смотрит на меня будто бы с каким-то непониманием, словно спрашивая, мол, как же это так могло случиться? Из его открытого рта вырываются кровавые пузыри, руки безвольно опущены, ноги медленно подгибаются. Серый с хриплым гыканьем вскидывает руку с саблей, намереваясь добить боярина. Снова отбрасываю саблю и бью врага по голове используемым как дубина ружьем. Острие его клинка все же успевает врезаться в шею Соболева до того, как приклад обрушивается на голову врага. Приклад, вероятно, выработав свой ресурс, разлетается, оставив в моих руках только ствол. Трубка довольно увесистая, жаль короткая — против сабли не помашешь. Отбрасываю и в очередной раз поднимаю саблю.

Передо мной небольшая поляна, заваленная трупами. Пятерых врагов отправили на тот свет братья-бояре, прежде чем погибли сами. Еще этой ночью они так мирно храпели, ночью в одной со мной комнате. Так я и не научился различать кто Михаил, а кто Никита.

— Где князь? — отрывает меня от созерцания побоища окрик Федора, ворвавшегося на поляну во главе дюжины гвардейцев.

— Я уже задавал себе этот вопрос, — сообщаю боярину, радуясь тому, что встретился с ним. В одиночку пробираться неизвестно куда по лесу, кишашему маньяками-убийцами в серых шинелях, мне не улыбается. — Вероятно, углубились дальше в лес.

Федор к чему-то прислушивается и кидается сквозь высокие кусты. Солдаты следуют за ним. Я спешу следом.

Чем дальше отдаляемся от дороги, тем непролазнее заросли и глубже снег. Но вот снова вытоптанная поляна с ярко-красными пятнами на снегу. Воин в синем кафтане сидит, опершись спиной на ствол дерева, и смотрит остекленевшими глазами на распростершегося подле него противника в сером одеянии.

Далее от поляны следы разделяются, расходясь веером. Во всех направлениях, куда ведут протоптанные в снегу тропинки, слышатся звон стали и крики, и видно мелькание фигур меж деревьев. Мне кажется, что послышался голос Меньшикова, и я направляюсь в ту сторону. Федор же ринулся по другой тропинке, вероятно, узрел Светлейшего. С ним же отправились все гвардейцы. Следуя на голос Алексашки, я и не заметил, как снова остался один.

Меньшиков рубился сразу с двумя врагами, и если бы не кусты и стволы деревьев, за которыми он ловко маневрировал, противники наверняка уже одолели бы его. Впрочем, судя по его виду, он и так держался из последних сил.

На глаза попался валяющийся в снегу тот самый бочонок, который княжеский денщик вытащил из кареты. Значит, он поднял его прошлый раз, когда я отмахивался ружьем от того серого. И ведь не помог мне тогда, сбежал со своим драгоценным бочонком. Что ж в нем такого, интересно?

Однако надо выручать парня. Но если отвлеку на себя одного из насевших на него, то сам запросто распрощаюсь с жизнью, ибо не смогу драться на саблях на равных. Ружья, чтобы использовать его в качестве дубинки, поблизости не видно. Да и не помашешь им в этих-то зарослях. Снова цепляюсь взглядом за бочонок. Поднимаю. Ого! Тяжеленный, зараза! Весит не меньше, чем пудовая гиря. Но это и хорошо. Подняв его над головой, быстро приближаюсь к дерущимся и поспешно, пока на меня не обратили внимание, бью по голове одного из серых. От удара бочонок разваливается и осыпает оседающего врага россыпью золотых монет.

Второй нападающий бросает на меня взгляд, и этим моментом тут же пользуется

Меньшиков, рубанув его саблей. Разделавшись с противником, княжеский денщик с ужасом в глазах смотрит на рассыпавшееся золото.

— Как же это так-то, а? Это ж княжье золото походное. Надо собрать его, — и он падает на колени, начиная сгребать монеты вместе со снегом в кучу.

Никогда не понимал людской тяги к этому желтому металлу. Ладно еще когда бабы охают да ахают над разными золотыми висючками. Но вот когда мужики обвешивают себя различными цепочками и браслетами, напяливают на пальцы печатки и цепляют в уши сережки — этого я понять не могу. Вот и сейчас, глядя на то, как Алексашка судорожно собирает золото, не зная, куда его засунуть, я вовсе не собирался ему помогать. Нет, я конечно понимаю, что это богатство и все такое, но, когда отовсюду из-за окружающих нас зарослей доносятся голоса, и в каждый миг на нас снова могут накинуться враги, отвлекаться на какую-то фигню, которая сто процентов не пригодится на том свете, по крайней мере глупо. Однако как-то оторвать от этого дела парня надо, ибо бегать по лесу одному мне не хочется.

Быстро оттаскиваю вырубленного бочонком мужика. Затем выбиваю носком ботинка в снежном покрове углубление, в которое тут же ногами сгребаю рассыпанные вокруг монеты. Снег вокруг достаточно утоптан после схватки, в следствии чего все высыпавшееся золото благополучно осталось на поверхности, лишь слегка раскатившись в стороны.

— Бросай все сюда, — говорю Меньшикову, продолжающему держать горсть монет и с удивлением наблюдающему за моими действиями.

— Зачем это?

— Бросай, говорю! — опускаюсь на колени и вытряхиваю монеты из его рук в общую кучу. Хорошо хоть не сопротивляется, а продолжает тупо пялиться на высыпанное в снежную ямку богатство.

Поднимаюсь и ногами сгребаю снег, засыпая золото. Плотнo притаптываю. Осматриваюсь вокруг — не осталось ли незамеченной монетки. Подбираю саблю и подхожу к приметному дереву, раздвоенному где-то в метре над землей. Делаю зарубку под самой развилкой и по одной на каждом стволе повыше.

— Запомнил? — спрашиваю Алексашку.

У того в глазах появляется понимание. Он кивает и, поднявшись, хватая за воротник кафтана ошачивленного золотым ударом по голове врага, затаскивает его на прежнее место, прикрыв спрятанное золото.

Гонка с преследованием

— Князь-то где? — спрашиваю его, настороженно прислушиваясь к доносящимся звукам.

— Князь? — Меньшиков оглядывается вокруг, словно только что вспомнил, что должен находиться подле Светлейшего. — Не знаю. На меня как эти двое набросились, так я его из виду и потерял.

Тут и я соображаю, что рядом нет Федора с гвардейцами, и вспоминаю, что последний раз видел их на поляне, когда услышал голос княжьего денщика. Вроде бы они тогда направились левее. Оборачиваюсь и направляюсь в ту сторону, собираясь позвать за собой Алексашку. Но, шагнув за густые, заснеженные заросли лещины, сразу отпрыгиваю назад —

на поляне уже полно людей в сером. Двинувшийся было за мной Меньшиков, тоже замечает их.

Не сговариваясь, поспешно углубляемся в лес, в противоположную от поляны сторону. Здесь на свежем не притоптанном снегу наши следы видны отчетливо. Понятно, что при желании враги смогут легко преследовать нас по этому следу. Снегопада, судя по ясному небу, не предвидится. Спасение лишь в скорости.

— Надо найти князя, — пыхтит сзади Меньшиков.

Еле сдерживаюсь, чтобы не сказать ему, мол, тебе надо — ищи. Где искать этого князя? Может, его уже порешили давно. Мелькает мысль, что если Светлейшего убили, то могут и нас не преследовать. Ведь их цель — князь. Или нет? А вдруг они за этим бочонком с рыжьем охотятся? Навряд ли. Маловат бочонок на такую ораву-то. И по одной монете на рыло может не выйти. Однако посылать Алексашку не решаюсь опять же по причине того, что оставаться одному не хочется.

— Федор с гвардейцами левее пошел. Может там и князь, — говорю спутнику и начинаю забирать влево. — Если они еще живы, то в той стороне мы должны с ними пересечься.

Оглядываясь назад — не настигает ли погоня — продолжаем пробираться по колено в снегу, продираясь сквозь частые кусты. С каждым шагом все труднее поднимать ноги. Дыхание с хрипом вырывается из горла, царапая его ставшим вдруг ощутимо жестким воздухом. Уже нет сил даже оглядываться. Пот, кажется, пропитал насквозь не только рубаху, но и дубленку.

Скашиваю взгляд на сотоварища. Тот не в лучшем состоянии. Выпучив глаза и открыв рот, с хрипом ломится сквозь заросли.

Если нас сейчас настигнут, то мы даже сопротивления оказать не сможем. Просто упадем и смиренно примем смерть. Да лично я сейчас даже если споткнусь, то вряд ли уже смогу подняться.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

А куда мы премся как два лося? Вроде бы идти стало легче. Я и не заметил когда мы вышли на свежепротопанную кем-то широкую тропу. Прямо перед нами здесь прошли человек десять, а может и больше, и мы уже какое-то время идем по их следу.

Шагать по проторенной дорожке значительно легче. Дыхание постепенно восстанавливается. Тяжесть в ногах остается, но теперь их не надо задирать высоко, доставая из глубокого снега.

Обращаю внимание на вихляющий по снегу пунктир алых пятен. Ясно, что в спешке у кого-то не было времени на перевязку.

Меньшиков что-то хрипит и указывает вперед. Там среди деревьев мелькают синие фигуры.

Не успеваю обрадоваться, ибо оглядываюсь на настигающие нас сзади звуки и вижу погоню. Хочется тупо зарыдать, но нет сил даже на это. Продолжаю, как заведенный, переставлять ноги вдогонку синим кафтанам.

Наконец мы их догоняем. Вернее, они остановились, приложив к плечу ружья и нацелив их на приближающихся преследователей.

Обхватываю руками первый попавшийся ствол дерева и в изнеможении повисаю на нем.

Словно сквозь глухую стену доносится разговор Алексашки с одним из гвардейцев. Узнаю, что Светлейший ранен и сейчас отходит под опекой Федора Басманова (так вот,

оказывается, к какой фамилии принадлежит Федор) и полудюжины гвардейцев. Встреченный нами отряд прикрывает отход, не давая врагу ринуться вдогонку во все лопатки. Приняв полчаса назад жестокий бой, потеряв почти две трети своего состава, но все же отбросив преследователей, гвардейцы отошли на новую позицию и, перезарядив ружья и рассредоточившись меж зарослей, готовились к новой схватке.

Значит, нам посчастливилось вклиниться как раз между отрядом прикрытия и преследующим князя врагом. Так сказать — из огня да в полымя. Что-то мне везет в последнее время.

Кто-то тянет меня за рукав. Это Алексашка зовет продолжить путь. Мысль о том, чтобы отказаться, прогоняет грохнувший за спиной ружейный залп, словно бы подтолкнувший меня вслед за княжеским денщиком.

Все же хоть и небольшой, буквально несколько минут, отдых позволил окончательно восстановиться дыханию. Да и осознание того, что за спиной на пути у врага остался отряд дюжих молодцов, дает надежду на спасение и придает дополнительные силы. О том, что все эти бородатые парни в синих кафтанах скорее всего погибнут, думать не хочется. Ведь это их война, а я здесь абсолютно случайный человек. Вот выберусь из этого дерьма и... И что? Ладно, надо сначала выбраться.

Отчаяние вдруг сменяется непонятной злостью. Непонятной потому, что злость есть, а объекта, на который она должна быть направлена, нет. Может, дать в ухо Алексашке? А чего он пыхтит тут как паровоз? Борода вон вся инеем покрылась. Интересно, если двинуть ему в челюсть, иней с бороды осыпится? М-да... Что-то меня куда-то понесло...

То ли от того, что из души пропало отчаяние, то ли включилось второе дыхание, но иду теперь не то чтобы не напрягаясь, но и без особых усилий. Даже тяжесть из ног куда-то подевалась.

С неким удовлетворением обнаруживаю, что сжимаю в руке саблю. Только держу ее почему-то обратным хватом, словно лыжную палку. Кстати, лыжи бы сейчас не помешали. А вообще, интересно, такая вещь как лыжи в этом мире известна? Надо будет поинтересоваться при случае.

— Не отставай! — команду Алексашке, хотя тот и идет-то всего на полшага позади. — И закрой рот. Дыши носом. На два шага вдох, на два шага выдох. Уразумел?

Меньшиков удивленно смотрит на меня, но рот все же закрывает. Отмечаю, что пар теперь валит у него из ноздрей. Ага, вот он и взгляд на своих ногах сосредоточил — ну точно шаги считает. Присматриваюсь к его дыханию, сопоставляя его с шагами. Так и есть — на два шага из ноздрей поочередно вырываются два облачка, на два следующих шага ноздри дважды сужаются, втягивая воздух. И шаг у него становится похожим на строевой. О-па, а я-то, приглядываясь к спутнику, непроизвольно засеменил, подстраиваясь, и теперь шагаю с ним в ногу. Во приколы-то.

Но долго так маршировать не приходится, ибо тропа начинает вихлять. Крупных деревьев становится все меньше, а подлесок наоборот все гуще. Вероятно, мы приближаемся к опушке леса. Тропа петляет, обходя особо непролазные заросли. Кое-где следующим впереди нас даже приходилось прорубать путь саблями.

Неожиданно заросли заканчиваются, и мы оказываемся на пологом берегу неширокой реки. Похоже, нам посчастливилось выйти к покрытой зеркальной ледяной гладью излучине. По обеим сторонам русло скрывается от нас, заворачивая за прибрежный кустарник и далее за деревья.

Шагнув на лед, останавливаемся в недоумении. Следов на противоположном берегу нет. Ясно, что князь с сопровождающими двинулся по ледяному руслу, дабы сбить преследователей со следа. Вот только в какую сторону? Нам-то теперь куда идти?

Пытаясь разглядеть хоть какой-то след, Меньшиков делает несколько шагов влево. Я прохожу в противоположную сторону. Кое-где на льду снежные наносы. Но и на них нет никаких следов. Оно и понятно — беглецы конечно же обходили такие места.

— В какой стороне Оскол? — спрашиваю спутника, вспомнив, что Петр Александрович в разгар схватки кричал, чтобы все отходили к Осколу.

— Там, — Алексашка тычет рукой в ту сторону, откуда мы только что пришли.

— А если по руслу идти к Осколу, то в какую сторону? — пытаюсь спросить более конкретно.

— По руслу? — парень озадаченно смотрит себе под ноги, словно только что обнаружил, что стоит на скованной льдом реке. — Дык, я этих мест не знаю. Коли это река Оскол, то крепость на ней и стоит. А ежели какая другая, то и вовсе не знаю.

Та-ак. Ясно, что ничего не ясно. Прислушиваюсь — не слышна ли погоня. Пока ничего не слышно. Но вряд ли нас надолго оставят в покое.

Итак, где мы можем быть? Если князь наказывал идти в Оскол, значит мы ближе находились именно к Осколу, нежели к какому другому населенному пункту. Значит эта река вполне может быть Осколом. Так как ехали мы в Курск, а значит на север, если я правильно знаю географию, то крепость (статуса города Оскол похоже в этом мире еще не получил) находится ниже по течению. А если это другая река? Всякая мелочь все равно впадает в Оскол. А если это Северский Донец, или впадающая в него речушка? Могли мы завернуть в эту сторону? Тогда, идя вниз по течению, мы должны прийти в Белгород. Или нет? А есть ли в этом мире Белгород?

— Короче, — окликаю, продолжающего безуспешно разыскивать следы Алексашку. — Надо идти вниз по течению. Светлейший Князь наказывал в случае чего всем собираться в Осколе. В какую сторону река течет?

— В ту, — указывает он влево, предварительно отыскав наиболее прозрачный участок льда и всмотревшись в неспешное движение воды.

— Значит Оскол там, — заявляю как можно убедительней.

Ледяная дорога

Поспешно двигаемся в выбранном направлении. Стараемся идти по чистым участкам, не оставляя следов. Вдруг Алексашка взмахивает руками и, смешно вскинув ноги, шлепается на задницу. От звука, с которым он хряснулся об лед, мне становится не по себе.

— Сильно зашибся? — спрашиваю сочувственно, протягивая ему руку.

— Неча, — еле выдавливает из себя Меньшиков, багровея из-за остановившегося от удара дыхания.

Наконец ему удастся вдохнуть и, уцепившись за мою руку, он поднимается и молча двигает дальше. Однако двигается теперь осторожнее, не задирая высоко ноги, а передвигая их словно лыжник, скользя по льду. Засмотревшись на него, сам теряю равновесие и шмякаюсь прямо в снежный нанос.

— Экий ты... — говорит обернувшийся спутник, но не заканчивает фразы, вероятно

посчитав упрек неуместным на фоне своего недавнего падения. — След замети.

И правда, надо чем-то замести мой отпечаток на снежном пятачке. Угораздило же меня ляпнуться в единственный на десятки метров вокруг снежный островок. Но, зато не ушибся.

И чем теперь замести след? Пробую поскрести саблей — получается не очень. Может, шапкой? Твою мать! А где шапка-то? Ощупываю рукой всклокоченные волосы с болтающимися на кончиках мелкими льдинками застывшей испарины. Голове сразу становится холодно. Хорошо еще, что дубленка с капюшоном. Накидываю капюшон и снова сбрасываю его. Снимаю дубленку и встряхиваю ее над снежным наносом, проводя по нему лапами. Теперь снег лежит более-менее ровным слоем, следов моего падения не видно.

Километра два продолжаем осторожно скользить по льду. Место, где вышли на берег, уже давно скрылось из виду. Русло сделало небольшой поворот в обратную сторону. Судя по положению светила, река в этом месте течет на восток. Странно. Оскол должен течь на юг, насколько я помню карту. Хотя, не может же она все время течь строго в одном направлении.

Продолжаем тщательно осматривать берега, в надежде обнаружить хоть какой-нибудь след продвижения здесь князя с гвардейцами. Оно понятно, что они не глупее нас и двигаются так же осторожно. Но все же хочется найти хоть какое-нибудь доказательство того, что мы выбрали верное направление.

Да е-мое! Опять чуть не упал.

Направляюсь к завалившемуся в реку и так и вмерзшему в лед дереву. Выбираю ветку попрямее и срубаю ее саблей. Застывшее сырое дерево не так-то легко перерубить. Хоть ветка и тонкая, поменее дюйма, перерубаю ее только со второго взмаха. Обрубаю мелкие ветки и, собрав их, забрасываю подальше в кусты.

Алексашка остановился и смотрит на мои действия. В глазах вопрос, но вслух ничего не говорит.

Итак, у меня в руках вполне приемлемое подобие лыжной палки. Неплохо было бы вырубить еще одну, но другой подходящей ветки не видно. Да и саблю приходится нести в руке. Куда бы ее сунуть?

Начинаю скользить по льду, как конькобежец, отталкиваясь еще и палкой. Лихо проношусь мимо задравшего в изумлении брови Меньшикова. Метров через пятьдесят понимаю, что мои ботинки не коньки и даже не лыжи. Проехав таким Макаром ничтожное расстояние, устаю так, будто пронесся целый километр.

Оборачиваюсь и вижу, как мой спутник суетится у поваленного дерева, выбирая подходящую ветку.

Через несколько минут продолжаем путь, используя палки в качестве третьей ноги. В скорости прибавили не сильно, однако идти по льду стало легче.

— Все, — говорю, когда солнце переваливает за полдень. — Перекур.

— Чего? — не понимает Меньшиков, и меня вновь посещает мысль о том, что в этом мире не курят. По крайней мере, я за проведенные здесь сутки не видел ни одного курящего.

— Отдохнуть надо, — и я заваливаюсь прямо на лед. — Не могу больше.

— Как же отдыхать-то? Надобно Петра Лександрыча догонять, — возмущается моему слабодушию княжеский денщик. — Да и что ж ты, Дмитрий Станиславович, разомлевший на лед лег? Застудишься враз. Вставай. Догоним князя, тогда и отдохнем.

Ишь ты, по отчеству меня назвал. Чего это вдруг? Зауважал, что ли? Однако прав он — простудиться можно, и дубленка не поможет.

Кряхтя поднимаюсь. Видя это, спутник отворачивается от меня и шагает дальше.

— И с чего ты решил, что мы непременно догоним князя? Спрашиваю, догоняя его. — Может, мы вообще в другую сторону идем.

— Как же так-то? Ты же говорил, что Петр Лександрыч велел всем в крепости собираться.

— Ну, не знаю насчет крепости, но про Оскол он точно говорил. Но в ту ли сторону мы идем?

— Ты же сказал, что крепость вниз по течению стоит, — удивленно воззрился на меня Меньшиков.

— Вниз по течению, если эта река Оскол. Но Оскол на юг течет, а эта сперва на восток бежала, теперь на юго-восток.

— Мне эти места незнакомы, — после недолгого раздумья отмахивается Алексашка с таким видом, будто его незнание сей местности непременно выведет нас точно к пропавшему князю.

Привал в прибрежных зарослях

За очередным изгибом русла нам открылась заснеженная степь. Дойдя до последних кустов подлеска, озадаченно остановились. Впереди до самого горизонта не было видно ни единого кустика за которым мог бы скрыться человек, а тем более князь с боярином Федором и полудюжиной гвардейцев.

— Что-то не видно князя, — высказываю вслух свою мысль.

— Значит, ушли далече, так, что не видно, — упорно заявляет Меньшиков, но по его лицу видно, что сомнения все же присутствуют.

— Не бегом же они бежали по льду, чтобы успеть оторваться так, что скрылись за горизонтом. Может, мы просмотрели, где они в лес свернули?

— Нет, — отвечает спутник после того, как, обернувшись, несколько секунд задумчиво смотрит на оставшийся позади лес. — Я хорошо смотрел — следов не было.

Упертость княжеского денщика начинает злить. Ладно бы он знал что делать, или в какую сторону идти. А то, видите ли, местность ему не знакома, следов он не видел. Куда же премся тогда? Или он нюхом князя чует, как ищейка?

С другой стороны — а что еще остается делать? М-да...

— Значит, мы не в ту сторону пошли. Что делать будем? Часа через два-три стемнеет. О жратве, я так понял, сегодня можно не мечтать. Но хотя бы переночевать по-человечески в лесу у костра, а не в чистом поле мы себе можем позволить?

— Дык, до темна еще далеко, — неуверенно возражает Меньшиков, теребя свою бороду и оттаивая пальцами застывшие на ней ледышки.

— Но мы-то далеко уйти не сможем. И так уже еле ноги тащим. А впереди до самого горизонта голая степь. Погоня уже вряд ли за нами будет. Если б надо было, давно бы догнали. Пойдем в лес, соорудим шалашик, костерок разведем, а? Ты, если хочешь, сбегай на охоту, заруби сабелькой какого-нибудь лося. Устроим пир. Выспимся. А утро, как говорится, вечера мудренее. А?

Подумалось мне еще и о том, что неплохо было бы проснуться утром в своем родном мире и понять, что все это было лишь забавным сном.

Ощущая всем своим уставшим до изнеможения телом правоту моих слов, Алексашка соглашается с доводами и молча направляется к берегу. За лосем он, конечно, вряд ли побежит, а жаль.

С юго-западного берега густые кусты нависают над самым льдом. Решаем выйти на берег под ними. Меньшиков заявляет, что так с противоположного берега не будет заметно следов. Я же говорю, что князь со товарищами мог выйти на берег таким же макаром.

— Нет, — снова отрицает спутник. — Не было ранее такого удобного места. Везде вдоль берега снег лежит.

Действительно, лес на противоположном берегу кончился метров на полсотни раньше, и, вероятно, ветер с открытого поля выдул снег из-под прибрежных кустов, оголив лед.

— Но тогда они могли выйти здесь же.

— Увидим, — немногословный Алексашка, пригнувшись, подныривает под

нависающие ветви.

Из-под сотрясающихся кустов доносится стук сабли о дерево. Ползу за товарищем по прорубленному им проходу. Наконец мы оказываемся на небольшом свободном пространстве, настолько плотно прикрытом сомкнувшимися с двух сторон ветвями, что слой снега на земле совсем незначительный, вероятно, нанесенный ветром по земле. В этом естественном убежище и решаем обосноваться на отдых.

Меньшиков проползает дальше, чтобы осмотреться. Я отгребаю к краям снег, освобождая прошлогоднюю листву, застилаю убежище срубленными мешающимися ветками. Оценив получившееся ложе, подрубаю еще веток. Жаль, что рядом нет хвойных деревьев. С сосновыми ветками получилась бы более мягкая «перина». Ложусь, чтобы опробовать постель и понимаю, что подняться уже нет сил. Глаза непроизвольно закрываются и я проваливаюсь в глубокую дрему.

Просьпаюсь оттого, что жутко замерз. Судя по сгустившемуся в убежище полумраку, снаружи явно вечерет.

Где же Алексашка? Рядом более плотный, нежели подо мной ворох веток. Значит, не понравилась приготовленная мною подстилка, и он подрубил еще. Но чего ж ему не спится? Может, по нужде выполз? Или с голодухи и вправду с саблей на лося пошел охотиться?

Мысленно посетовав на товарища, что тот не догадался развести хотя бы маленький костерок, задумываюсь над тем, каким образом это сделать? Ни спичек, ни зажигалки у меня нет. А как вообще в этом мире огонь добывают. Помню из истории, что было какое-то огниво, но что это такое, не имею ни малейшего представления.

От раздумий отвлекает шорох веток, и со стороны реки внутрь вползает Меньшиков.

— Где тебя носит? Чего не отдыхаешь? Костерок есть чем запалить? — задаю один за одним вопросы.

— Там дым, — тычет в сторону реки вползший.

— Какой дым? Лес, что ли, горит?

— Нет. Дымком с той стороны несет, — объясняет парень. — Кто-то на ночлег остановился. Наверняка Петр Лександрыч.

Слова Алексашки порождают во мне надежду на теплую ночевку и хоть какой-нибудь ужин. Я, конечно, понимаю, что если у костра такие же беглецы, как и мы, то вряд ли у них с собой могут оказаться съестные припасы. Однако, как говорится, надежда умирает последней.

Ползу вслед за товарищем, но, вспомнив, что забыл саблю, возвращаюсь и с трудом нахожу ее в темноте среди срубленных веток. Когда подползаю к Меньшикову, тот внимательно рассматривает противоположный берег, оставаясь под прикрытием кустов.

Хотя уже и изрядно стемнело, однако на открытом льду мы будем отчетливо видны. К тому же, по мере того, как темнеет, на чистом небе все ярче разгораются звезды. Да и луна, хоть ее отсюда и не видно, наверняка притаилась где-то за деревьями и выглянет в самый неподходящий момент.

Втягиваю носом воздух, пытаюсь уловить запах дыма.

— Что-то я не чую дыма. Может, тебе показалось, дружище Александр?

— То сейчас ветерок от нас подул, потому и не чуешь, — объясняет тот, продолжая всматриваться в лес. — Я пойду. А ты, Дмитрий, обожди пока. Неча вдвоем наугад соваться. Как помашу, тогда двигай следом.

Не дожидаясь моего согласия, Алексашка, пригнувшись, вышел из-под ветвей и,

опираясь на срубленную по моему примеру палку, быстро пошел к тому берегу.

Глядя на него, понимаю, что забыл свою палку в убежище, но решаю не лезть за ней. Реку и так перейду. А там, ежели надобно будет, срублю новую. Кстати да, надо подобрать подходящую лещину и вырубить себе шест. Благодаря дядькиным занятиям, я с шестом управлюсь гораздо лучше, нежели с саблей. Вот интересно, а почему он никогда не учил меня владению каким-нибудь самурайским мечом?

Форс-мажор в ночном лесу

Добравшись до противоположного берега, Меньшиков растворился в темных зарослях. Через минуту снова вышел на лед и замахал мне рукой.

— Следов не нашел, но дымком пахнет ошутимее, — сообщает он, когда я добираюсь до него. — И вроде как голос слышал.

— В какой стороне?

Алексашка указывает вдоль опушки.

Снова пробую воздух носом, и опять никаких результатов.

Начинаем осторожно пробираться в определенном княжеском денщиком направлении. Это оказывается нелегким делом. Ломиться словно лоси через кустарник по понятным соображениям нельзя — мало ли кто греется у того костерка, к которому мы стремимся. По этой же причине нельзя выйти на открытое пространство. Приходится петлять в зарослях, выбирая проходимые промежутки меж кустов и стволов. Если бы не близкая опушка, то лично я от таких частых поворотов давно потерял бы направление. Опять же, на открытых местах и снега было чуть ли не по колено.

Я было пожалел, что поперся на ночь глядя за неутомонным спутником, но тут почуял запах костра. Да не просто запах дыма, а еще и явный аромат готовившегося на огне мяса. Воображение нарисовало румяные кусочки сочной свинины, чередующиеся на шампуре с маленькими помидорчиками, сморщенными от исходящего от углей жара. Рот наполнился слюной. Однако разум заставил настороженно остановиться.

— Сань, — окликаюдвигающегося впереди парня. — Александр, погоди.

— Чего?

— Это не может быть Петр Александрович. То кто-то другой.

— С чего ты так решил-то? — нетерпеливо спрашивает Алексашка. Ему явно не терпится скорее двинуться дальше.

— Ну, вот скажи, мог ли кто-то во время нападения догадаться прихватить с собой еды на всякий случай? Типа, вдруг придется по лесу улепетывать да заночевать. Могло такое быть?

Меньшиков некоторое время смотрит на меня, затем поворачивает голову в сторону доносящегося аромата, и его ноздри расширяются, втягивая воздух.

— Все одно надо проверить, — упрямо говорит он.

— Надо, — соглашаюсь, мнимый надеждой разжиться хоть какой-то едой. — Но осторожно.

Далее двинулись еще более аккуратно обходя заросли. Хотя и стемнело уже изрядно, однако на фоне белого снега должно было быть отлично видно все движущееся. А вот если бы кто неподвижно стоял в карауле, то мы вряд ли смогли бы отличить темный

человеческий силуэт от ствола дерева или густого куста. Потому мы более полагались на слух, нежели на зрение.

Алексашка останавливается и поднимает руку в предостерегающем жесте.

Прислушиваюсь. Слышны негромкие голоса. Слов не разобрать. Вопросительно смотрю на спутника — может, у него слух лучше. Правильно поняв вопрос в моем взгляде, он пожимает плечами, и мы продолжаем двигаться еще более аккуратно.

Через несколько шагов путь нам преграждает стена непролазных зарослей какого-то кустарника. Никогда не был особым ботаником, но, судя по колючкам, это терновник. Сквозь хоть и густые, но голые ветки виднеются отблески костра. Запах ароматного варева буквально бьет в нос и мутит разум. Прохожу несколько метров вдоль зарослей и, высмотрев, где они растут не очень плотно, опускаюсь на снег и ползу по-пластунски в направлении костра. Сабля мешается, и появляется мысль оставить ее, ибо все одно не умею пользоваться. Однако остаться совсем безоружным не хочется. Перехватываю ее обратным хватом — так ползти сподручнее.

Поначалу несколько раз продавливаю руками наст и, провалившись, утыкаюсь лицом в снег. Постепенно принарамливаюсь опираться не на ладонь, а на весь локоть.

Наконец вижу освещенную костром поляну и несколько человек, с молчаливой сосредоточенностью черпающих варево из снятого с огня котла. По одетым на них серым кафтанам распознаю врагов. Но одна мысль в моей голове затмевает все остальные — если они с таким усердием продолжают работать ложками, то через пару минут в котле ничего не останется.

Однажды, я тогда заканчивал одиннадцатый класс, компания с нашего двора что-то не поделила с ребятами с соседнего района. Не помню уже в чем была причина разногласий, но мирное решение вопроса явно не светило. Встречу назначили на небольшом пустыре за одним из городских рынков.

Когда увидел противников, то сразу понял, что дела плохи. Ребята с соседнего района выгодно отличались от нашей компании спортивными фигурами и уверенными выражениями на розовощеких физиономиях. Поджидая нас, они окружили столик у одного из киосков, торгующих снедью быстрого приготовления, и, весело переговариваясь, уплетали хот-доги, запивая их кока-колой. На столике еще оставалась довольно приличная куча начиненных сосисками булочек. Судя по всему, ожидание предстоящей схватки нисколько не портило им аппетит.

Нет, один на один я наверняка смог бы навалить каждому из них. Однако большинство моих приятелей были компьютерными чахликами, знающими о спорте только то, что он есть. В общем, у нас, как говорится, было два пути — либо быть битыми, либо позорно ретироваться.

Не знаю, просто не могу объяснить, что тогда на меня нашло, но вдруг нестерпимо захотелось есть. Отстранив своих приятелей, я решительно двинулся к пожирателям хот-догов. Раздвинув их, взял со стола желанный бутерброд и, откусив добрую половину, принялся с наслаждением пережевывать, смакуя горячий сосисочный сок.

Поначалу на меня не обратили внимание, вероятно решив, что так нагло влезть может только свой. Но когда я взял из рук соседа банку с напитком и, сделав несколько глотков, вставил ее обратно ему в ладонь, последовал вопрос:

— Чувак, ты кто?

— Оно тебе надо? — парировал я, запихивая в рот остатки хот-дога и прицеливаясь к

следующему.

— Логично, — спокойно согласился тот и тоже переключил внимание на еду.

Но на меня уже обратили внимание другие члены команды.

— Слышь, мужик, так ты ж с Журавликов! — удивленно узнал меня один.

— Ну и чо? — после этого моего вопроса все кроме меня перестали жевать, вероятно, пытаясь найти достаточно обоснованный ответ. Шамкая набитым ртом, я снова спросил: — Чуваки, вы что не хаваете? Наелись уже? Ну, отойдите тогда. Пусть мои ребятишки перед смертью подкрепятся.

Взоры окружающих меня сотрапезников устремились на кучку чахликов, пытающихся выглядеть грозно, расставляя для этого руки шире, словно их распирают невидимые мышцы.

— Во прикол, — пробасил самый здоровый из наших противников.

Короче, дело до драки тогда так и не дошло.

Похоже, сейчас со мной случился такой же заскок. К тому же, на этот раз я действительно зверски голоден. А потому выползаю из кустов, встаю и иду к костру.

И опять не могу объяснить спокойную реакцию собравшихся вокруг котла на мое появление. Возможно тот транс, в котором я находился, гипнотически или еще каким-то образом воздействовал на них. Некоторые бросили на меня быстрые взгляды. А некоторые и вовсе не обратили внимания, продолжая выскребать котел ложками.

Присев в круг, впадаю в секундное замешательство из-за отсутствия ложки. Затем перехватываю руку соседа справа и перенаправляю деревянный столовый прибор в свой рот.

— Вкусно, — одобрительно киваю опешившему мужику. — Это что за бурда такая? Чего смотришь? Черпай еще.

— Це хто? — это мужик уже обращается к сотоварищам.

Меня посещает ощущение некоего дежавю. Одновременно вспоминаю анекдот про купающегося в Ниле хохла.

— Вот как тебя кличут, товарищ? — спрашиваю любопытного мужика и отнимаю у него ложку.

— Серко, — машинально отвечает тот и снова переводит взгляд на остальных в надежде на прояснение ситуации. Но они продолжают сосредоточенно жевать. Однако работать ложками перестали и смотрят на меня с начинающим проявляться интересом.

Самостоятельно теперь зачерпываю странного, но вкусного варева, напоминающего пшенный суп с копченым мясом.

— Значит так, — начинаю рассказывать с набитым ртом. — Приехал Серко в Африку и решил искупаться в Ниле. Прыгнул в воду и плывет. Вдруг кто-то дергает его за ногу. «Це хто?» — спрашивает Серко и плывет дальше. И снова кто-то дергает его за ногу. «Це хто?» — снова вопрошает Серко и плывет дальше. И тут — бульк, и нет Серко. А вместо него выныривает крокодил, ложится на спину и, поглаживая лапой живот, говорит: — «Це хто, це хто. Це я, крокОдыл».

Закончив рассказ, отправляю в рот очередную ложку варева и одновременно осознаю ситуацию, в которую влип.

— Чого это он гутарит, хлопцы? — непонимающе смотрит на товарищей Серко.

— Панас! — орет куда-то в темноту вислоусый мужик, сидящий напротив.

Со стороны поля раздается шорох кустов и на поляне появляется круглолицый парень с ружьем в руке. Одет он так же, как и вся компания — в серый кафтан и в серую суконную шапку.

— Чого? — спрашивает он. Его взгляд прикипает к котлу. — Можно вечерять? Мыколу позвать? А кто нас сменит? Чи вже можно не караулить? Чи шо?

— Бачишь цьего хлопца? — указывает на меня, позвавший его мужик. Судя по его тону, и по тому, что он выглядит старше остальных, этот мужик здесь за главного.

Панас прищурившись вглядывается в мое лицо.

— Цый чоловік мне незнаком, пан Чинига.

— Ежели вин тебе незнаком, то чого ж ты пропустил его?

— Я? Его? Куда?

И тут с той стороны, откуда появился Панас, послышался короткий, резко оборвавшийся, вскрик.

— Шо це? — вскочил со своего места пан Чинига.

Остальные тоже зашевелились, тревожно всматриваясь в темноту.

— Це Мыкола, чи не? — спросил кто-то.

— Мыкола, Мыкола, — поддакнул я, облизывая ложку, ибо, судя по всему, сейчас мне будет не до еды. — Собственно, господа-товарищи, я пришел к вам, чтобы сказать, что вы окружены контр-террористическим отрядом «Альфа Центавры». Каждый из присутствующих здесь находится под прицелом как минимум троих снайперов. И у вас из сложившейся ситуации есть два пути. Ну, или три. Максимум четыре. Однако я их не знаю. Кстати, у вас есть что-нить попить?

Мой язык молот сам по себе, а я в это время лихорадочно соображал, сколько путей для того, чтобы остаться живым и невредимым у меня самого. Крик в лесу напомнил мне о Меньшикове. Вероятно, он столкнулся с тем самым Мыколой, о котором здесь упоминали. Судя по тому, что крикнувшему словно бы заткнули рот, встреча закончилась не в пользу Мыколы.

И что теперь делать? На поляне, как я успел подсчитать, вместе с подошедшим Панасом, девять человек. Возможно, кто-то еще стоит в карауле. Вдвоем с Алексашкой нам не сдюжить с таким количеством противников.

Кстати, почему их так мало? Это все, что осталось от преследователей? Вряд ли. Возможно, где-то рядом расположились другие отряды.

Кто они такие? В отличие от большинства мужиков, встреченных мною в этом мире, эти носили на лице лишь усы. Говор похож на тот, на котором в моем мире разговаривают старики на юге России, например, на Кубани или на Украине. Может, казаки какие? Однако для казаков одеты слишком по-казенному.

Не поняв ничего из сказанного мною, вислоусый кивнул на меня, и тут же Серко и мужик, сидящий слева, накинулись с двух сторон, заломив мне руки за спину. И в очередной раз, благодаря дядькиным тренировкам, тело сработало раньше, чем разум успел что-то сообразить.

Как только напавшие начинают заламывать мои руки выше, пригибая меня к земле, резким прыжком делаю кувырок в воздухе. Ноги при этом расставляю как можно шире, поймав под колени и сжав головы противников. Даже удивительно, как я смог так сигануть в громоздкой дубленке. Раньше такие трюки и налегке в спортзале не каждый раз удавались. Не зря, видать, говорят, что страх высвобождает скрытые резервы организма.

Так и падаем втроем. Благо подо мной нарубленные ветки. Да и дубленка опять же смягчила удар спиной. А вот под правой коленкой что-то хрустнуло и тело Серко обмякло. Фигасе, я терминатор!

Вислоусый Чинига что-то кричит Панасу и тот направляет в меня ствол своей пукалки. Лучше б всем скопом навалились да повязали. А так ведь пристрелит щас ни за что, ни про что!

Уходя с линии огня, снова делаю кувырок. Серко остается лежать неподвижно. Второй мужик, освободившись от захвата, резко дергается и опрокидывает на себя котел с остатками варева. Грохочет выстрел и мужик под котлом затихает.

— Ты... Це... — пан Чинига переводит взгляд то на Панаса, то на убиенного им.

Панас, сам ничего не понимая, хлопает глазами. Кажется будто он вот-вот заплачет. Правда, непонятно по какой причине — то ли из-за того, что убил товарища, то ли из-за выплеснутого на снег ужина.

Остальные усиленно пытаются хоть что-то сообразить. Однако безрезультатно, и потому лишь молча смотрят на происходящее..

— Я же предупреждал, что вы все на прицеле у снайперов, — нарушает тишину мой язык, притягивая взгляды ко мне.

Где же чертов Алексашка? Народу-то всего семь человек осталось. Выпрыгнул бы щас из темноты, да пошинковал сабелькой двух-трех...

Видя, что вислоусый, указывая на меня, снова открывает рот для очередного приказа, поспешно кричу, поднимаясь на ноги:

— Пан Чинига, нешто вы меня не узнали? Я ж свой!

Так и не вымолвив ни слова, он по-птичьи склоняет голову на бок и внимательно смотрит на меня.

— Який свий?

— Так вы меня не узнаете? — спрашиваю снова, просто не зная, что еще предпринять.

— Ни.

— Я вас тоже.

И в этот миг у костра за моей спиной раздается громкое и продолжительное: «пш-ш-ши». Лес вокруг озаряется яркой вспышкой, в нос шибает резким запахом пороховой гари.

Еще во время первого своего кувырка я краем глаза заметил, что к костру отлетел какой-то мешочек. Вероятно, в нем был порох, и какой-нибудь попавший под мешочек уголек прожег ткань и воспламенил содержимое. Это, естественно, лишь мое предположение, но другого объяснения у меня просто нет. А проводить расследование причины образования ярко-шипящего феномена не было возможности.

Почти все находившиеся на поляне на некоторое время ослепли от яркой вспышки. Мне повезло, что я в этот момент стоял спиной к костру. Также остался зрячим горбоносый мужичек, с изъеденным оспой лицом. Я находился как раз между ним и костром, и потому вспышка его не ослепила. А притвориться ослепленным он не догадался и потому получил прямой удар в подбородок и опрокинулся навзничь, давая мне дорогу для бегства.

Наверно, я мог уйти и менее поспешно, но кто знал, как долго продлится слепота собравшихся на поляне? Сбив преграждавшего мне дорогу мужика, ныряю щучкой в кусты и на четвереньках продираюсь сквозь них в лес. Оказавшись на свободном пространстве, вскакиваю и бегу в темноту. Однако, находясь на освещенной поляне, я тоже отвык от темноты, и потому сразу увязаю в следующих кустах, напорвшись на них сослепу. Хорошо еще лбом в какое-нибудь дерево не въехал.

Выпутавшись из цепких веток, со всей возможной скоростью удаляюсь вглубь леса. Общеизвестно, что панический страх отнимает много сил и сбивает дыхание. Нечто

подобное произошло и со мной — постоянное ожидание выстрела в спину или удара острой сабли заставляло делать много ненужных движений, метаться из стороны в сторону, наткаться на сучья и ветки. В конце концов, выбившись из сил, тупо побрел в темноту, кое как вытаскивая ноги из глубокого снега.

Постепенно успокаиваюсь. Эмоциональный сумбур в голове складывается в более упорядоченные мысли. Убедившись, по отсутствию каких-либо звуков сзади, что погони за мной нет, вспоминаю о Меньшикове. Куда же он делся? Может, он был где-то поблизости с поляной? Так чего же тогда не помог мне? Хотя, а я сам на его месте рискнул бы кинуться на выручку человеку, окруженному почти десятком головорезов? Ведь реальных шансов не было никаких... М-да...

И куда мне теперь идти?

Да возвращаться в логово под прибрежными кустами.

А в какой стороне река?

Пытаюсь сориентироваться в темноте. В конце концов, направляюсь в ту сторону, где, по моему мнению, должна быть скованная льдом река. Однако, пройдя довольно приличное расстояние, к берегу так и не вышел. Поняв, что заблудился, останавливаюсь и пытаюсь сообразить, в каком направлении все же идти.

И тут до моего слуха доносятся далекие голоса. Кто бы это мог быть? Еще одна группа «серых»? А вдруг наши? Где-то же должен быть князь с гвардейцами.

Иду на звук голосов, стараясь, по мере приближения, двигаться бесшумно и скрываясь за стволами деревьев. Вот и отблески костра из-за густых кустов. Слов пока не разобрать, но ясно, что там что-то горячо обсуждают, не заботясь о скрытности.

Набретаю на чьи-то следы — кто-то шел вдоль кустов. Различаю знакомый голос — пан Чинига отчитывает кого-то за нерадивость... Твою мать!

Получается, что я нарезал круг по ночному лесу и снова вышел туда, откуда убежал. Интересно, они посылали за мной в погоню? Если и посылали, то преследователи уже наверняка вернулись. Вот прикольно будет, если утром пойдут по моему следу, отчетливо видному на снегу, и вернутся обратно к своей поляне. Хотелось бы услышать, какие они тогда мысли будут высказывать. Хотелось бы, но еще больше хочется убратся отсюда подальше и побыстрей.

Значит, мы с Алексашкой вон с той стороны пришли. Точно, вот и наши следы темнеют на снегу. Куда же он-то делся? Ладно, мне сейчас о собственной шкуре думать надо. Эти вон что-то загомонили сильнее.

Теперь уже уверенно бреду к реке по нашим старым следам. Голову мозолит мысль, что утром так же легко могут пойти вслед за мной и противники. Однако я просто не знаю, куда еще можно отправиться и утешаю себя мыслью о том, что на речном льду след потеряется. Да мне бы только отлежаться в убежище до утра, а там... А что там? Короче, утро, как говорится, вечера мудренее.

Вот только как бы не окоченеть до утра. Сейчас-то, пока двигаюсь, даже взмок. А что будет, когда завалюсь спать? А к утру мороз, наверняка, покрепче долбанет. И никаких реальных способов добыть огонь в голову не приходит.

Так размышляя, добрел до берега. Поскользнувшись на льду, вспомнил, что хотел вырубить себе шест. Тут же дошло, что сабля осталась у врагов. Да и черт с ней. Там, в логове должен валяться мой старый шест, отрубленный от вмерзшего в лед дерева.

Посередине реки останавливаюсь — показался какой-то шорох в том месте, куда

направляюсь. Постояв некоторое время и ничего более не услышав, решаю, что это либо снег съехал с веток, либо проскочил какой-нибудь ночной зверек.

Когда, дойдя до противоположного берега, пригнулся, чтобы проникнуть под нависающие надо льдом густые ветви, мелькнула мысль о том, что Меньшиков, возможно, тоже решил вернуться в убежище. Может, это он и шуршал здесь? Может, окликнуть?

Чужой среди своих

Вползаю полностью под прибрежные заросли, и тут мне на голову падает какая-то тряпка. Сзади кто-то наваливается и, сопя в ухо, прижимает ко льду. Судя по ухватившим меня рукам и по сопению, напавших двое. Значит, все же выследили.

Сил сопротивляться нет. Так и лежу прижавшись щекой ко льду. Хорошо хоть тряпку на голову накинули — не так холодно щеке. Кстати, здесь и так тьма почти кромешная, так зачем было на голову что-то накидывать?

— Вяжи его покрепче, ребята, — слышу голос Алексашки. — Чтоб не убег. А то он шустрый, вражина.

— Так может, срубить голову, и вся недолга? — раздается у меня над ухом. — Тады точно не убежит.

— Эт точно, — хохотнув, поддерживает товарища второй, навалившийся на меня. — Без головы оно не видно будет куды бечь.

— Голову срубить успеется. А щас вяжите, говорю, крепче. Уж больно интересный человек этот Дмитрий. Чую, ежели хорошо повыспрашивать, много интересного от него узнать можно. А Петр Лександрыч дюже любит об интересном послушать.

Услышав голос пропавшего спутника, я даже обрадовался. Еще больше обрадовался тому, что он не один, значит, встретил-таки князя. Но когда до меня дошел смысл разговора Алексашки со схватившими меня гвардейцами и я понял, что он меня узнал, и именно меня называет вражиной, то со мной случился конкретный ступор. Я даже не попытался заговорить, чтобы узнать причину столь коварного предательства. Да, именно предательства — так мною было воспринято случившееся. Ведь еще днем я спас этому бородачу жизнь, пусть и ценой зарытого в снегу золота. Золота? Неужели это из-за золота он так со мною обошелся? Может, князь наехал на него за утрату, а он спихнул всю вину на меня и теперь выслуживается? Вот гаденьш! Нет ну, долговязый-то адекватный человек. Он наверняка поймет, что если бы я не грохнул бочонком того бандита, то Алексашку там же и прикончили бы. И золото целехонькое, упакованное в бочонок, врагам бы досталось. А я, получается, и Меньшикова-гаденыша спас, и золото от врагов спрятал в снегу. А меня, значит, как какую-то шпану скрутили и вражиной обзывают? Вот она княжеская благодарность! Мало вас, мироедов, в семнадцатом...

Пока я так рассуждал, приходя в себя от неожиданного пленения, мне связали за спиной руки и куда-то поволокли, не снимая с головы тряпки. Сперва тащили волоком, потом, судя по натужному дыханию, приморились и, несколько раз двинув по ребрам то ли кулаком, то ли ногой, приказали двигаться самому.

Поднявшись, понимаю, что кусты мы миновали, или же вышли в такое место, где ветви не смыкаются, и можно было идти в полный рост. Подталкиваемый конвоирами, бреду увязая в снегу, постоянно спотыкаясь и падая.

— Да снимите вы эту хрень с головы! — восклицаю после того как, в очередной раз упав, получаю чувствительный пинок по ребрам. — Бойтесь что ли, что загипнотизирую?

— Савелий, сдерни с него кафтан, — слышу голос Алексашки. — Не то, разобьет голову о какое дерево раньше времени.

— Это с чего же ты так на меня окрысился, Иудушка? — спрашиваю в спину Меньшикову, когда с моей головы сдергивают кафтан.

— Иди, вражина! — получаю в спину чувствительный толчок и падаю лицом в снег. Отплевываясь и думая о том, что с кафтаном на голове падать было комфортней, кое-как поднимаюсь и бреду за княжеским денщиком. Тот даже не оглянулся в ответ на мою реплику.

Впереди виднеются красноватые отблески костра. Вскоре выходим к небольшой утоптанной полянке. У огня сидят четверо. Еще двое идут к нам навстречу.

— Никак поймали? — спрашивает один из них знакомым голосом.

— Поймали, Федор Савелич, — подтверждает Алексашка. — Сам к нам в руки и приперся, вражина.

— Сам ты вражина! — не выдерживаю незаслуженного оскорбления. — Сбежал, бросив меня одного среди...

Не досказав упрек, снова получаю чувствительный тычок и лечу мордой в снег. Ноги цепляются за какую-то ветку, потому падаю плашмя, не успев подогнуть колени или извернуться. Лишь пригибаю голову, чтобы не расквасить нос, и врезаюсь лбом в плотно утоптаный снег. В голове вспыхивает сноп ярких искр и гаснет вместе с моим сознанием.

— Экий ты, Савелий, медведь, — словно бы из-за стенки доносится глухой голос Федора. — Нешто убился Дмитрий-то?

Меня переворачивают. От неосторожного движения в голове вспыхивает резкая боль, к горлу подступает тошнота. Сознание вновь ускользает в вязкую тьму.

Не вяжется здесь что-то, — врывается в забытье голос Петра Александровича. — Дмитрий конечно человек престранный. И, сдается мне, приврать мастак. Но чтобы он с поганцами заодно был... Он же мне жизнь два раза спас.

— Да я, Петр Лександрыч, самолично слышал, как он кричал тем, на которых мы наткнулись, мол, свой он. И даже по имени некоего пана называл. Мол, нешто тот не узнает его? Я как услышал, так сразу ходу.

— Может, ты, Алексашка, чего не так понял?

— Все я так понял. Ежели он их ранее не знал, то отчего же по именам обращался? Враг он, Петр Лександрыч. Точно тебе говорю — враг.

— Не враг я! — не выдерживаю и пытаюсь сесть.

Кое-как приподнявшись, а сделать это со связанными за спиной руками не легко, снова со стоном опускаюсь на снег. Опять кружится голова и душит тошнота — видать, неплохо приложился головой оземь.

— Погоди, — слышу властный голос князя, вероятно, предупреждающего какое-то действие ретивого денщика. — Расскажи-ка нам, Дмитрий Станиславович, отчего это ты с такой радостью к вражеской компании кинулся? И откуда тебе эти люди известны? А коли, они тебе известны, то поведай заодно, кто они такие и какого лиха здесь ищут?

Вот и что я должен поведать этому долговязому? Теперь-то я понял, почему Меньшиков принял меня за врага — он услышал, как я обращался к пану Чиниге, призывая того

вспомнить меня, и сделал соответствующие выводы. Ну и как мне теперь оправдаться? Как заставить поверить в то, что всего лишь хотел отвлечь вражину, пытаюсь сохранить себе жизнь? И самое главное, что ответить на первый княжеский вопрос — за каким я вообще поперся к тому гостеприимному костерку? Сказать правду, которая выглядит полным бредом? Я бы на его месте счел такое объяснение издевательством, со всеми вытекающими отовсюду последствиями.

Наконец, с трудом усевшись и переждав приступ головокружения, решаю, что лучший способ оправдаться — наехать на обвинителя.

— Ты бы, Петр Александрыч, подыскал себе денщика посмышленнее. Такой и до беды доведет по глупости.

— Сиди, — скомандовал Светлейший, подняв руку ладонью в сторону встрепенувшегося Алексашки, и обратился ко мне: — Говори яснее.

— Если бы за последние сутки я не успел узнать этого парня, — киваю на возмущенного денщика, — то сейчас был бы уверен, что он пытается избавиться от меня из-за припрятанного в лесу золота. Типа, убрать ненужного свидетеля, а самому втихаря заныкать золотишко. Или не так уж ты и прост, и я угадал твои намерения? А, Александр?

Меньшиков буквально задохнулся от нахлынувших на него эмоций. И судя по его, выпученным в негодовании, глазам, среди этих эмоций не было ни одной положительной.

То разевая, то закрывая рот, он медленно встал с кучи веток. Мне стало не по себе и я отчаянно задержал надежно связанными руками.

— Охолони! Охолони, говорю! — крикнул на денщика князь.

Однако Меньшиков будто не услышал и продолжил медленно надвигаться на меня. Дорогу ему заступил Федор и, положив руки на Алексашкины плечи, молча толкнул его назад. В свет костра выступили двое гвардейцев, готовые выполнить любой приказ Петра Александровича, или же Федора.

— Да что ж он такое говорит-то, а? Петр Лександрыч, да разе ж я не доказал свою верность? Да разе ж я... Да на кой мне то золото? Я же...

— А ну, сядь да замолчи, — властно скомандовал князь, и Алексашка послушно уселся на ворох веток.

— Теперь говори, о каком золоте вы тут собачитесь?

Как я понял, у Меньшикова до сих пор не было времени рассказать о зарытых в снегу золотых монетах. Да оно и понятно, не до того видать было. Слушая его рассказ, жду, что он повернет как-нибудь так, чтобы выставить меня виноватым. Но его рассказ оказывается на удивление правдив и лаконичен.

— Ну вот, обращается к рассказчику князь, дослушав до конца повествования. — И чего ж по-твоему Дмитрий спасал тебя да бил врагов, ежели он с ними заодно?

— Дык, я же сам слышал... — Меньшиков озадаченно уставился на меня, будто ища поддержки. Мол, ну сознайся давай, чего тебе стоит?

— Может, развяжете мне руки? — подаю голос, чувствуя некую разрядку в скопившемся вокруг меня напряжении. Все-таки долговязому нельзя отказать в благоразумии. Не зря он в столь молодом возрасте Светлейшим стал.

Князь кивнул на меня. Кто-то тут же завозился за спиной, с сопением распутывая веревку, видать резать пожалел.

Руки действительно затекли и, освободившись, нестерпимо раззуделись от прилива свежей крови. Размяв кисти, перебираюсь на свободный ворох веток. Голова все еще

кружится, но тошнота пока отступила. Краем глаза замечаю, что сзади подошли и остановились две фигуры. Как говорится, доверяют, но охраняют. Ну и пусть охраняют, секьюрити, блин.

— Рассказывай, — коротко бросает мне Светлейший, дождавшись, когда я окончательно устроюсь возле костра.

Начинаю рассказывать издалека, с того места, когда Алексашка почуял запах дыма, надеясь по ходу неспешного повествование придумать что-нибудь правдоподобное. По ходу вставляю размышления на тему, что если бы ветерок дул с другой стороны, то мы бы почуяли дым не вражеского костра, а как раз княжеского, и пришли бы куда надо, и не было бы никакого недоразумения.

Дойдя, наконец, до того момента, когда мы подобрались к вражеской стоянке, и так ничего и не придумав, сообщаю, будто увидев, что врагов всего-то с десятков, решил сходу напасть на них. Мол, думал, что Алексашка поддержит меня, и мы, неожиданным наскоком, покрошим их в капусту. Однако когда, пришибив парочку первых попавшихся под руку, заметил, что товарищ, на которого я так надеялся, и не думает нападать на врагов, а позорно ретировался в неизвестном направлении, то понял, что одному мне с эдакой толпой не справиться. Вот и сделал попытку заговорить ихнего главного, имя которого узнал из обращения к нему одного из сидевших у костра. С этого момента я рассказывал чистую правду, а потому повествование пошло более уверенно.

— Ежели вы не напали бы на меня предательски, то можно было бы сообща вернуться, да изничтожить гадов, — сетую, закончив рассказ. — Их там осталось-то всего ничего. Заодно провизией разжились бы.

— Экий ты храбрец, — то ли с одобрением, то ли с недоверием говорит Федор, так и стоявший рядом. Похоже, это на его ворох веток я приземлился.

— Так говоришь, их там всего с десятков было? — прищурившись, будто что-то обдумывая, спрашивает князь.

— У костра девять было. Кто-то еще в карауле стоял. Двоих я точно уделал, — о том, что одного из них пристрелил свой же, скромно умалчиваю.

— Караульного Алексашка зарубил, — сообщает князь и переводит взгляд на денщика. — Верно?

Тот молча кивает.

— Может, стоит наведаться к ним, как считаешь, Федор Савелич? — обращается Петр Александрович к единственному оставшемуся подле него боярину. — Больно охота мне разузнать, кто они такие, да кем посланы и почто?

— Оно можно, — соглашается тот. — Только странно, что мало их так.

— Я тоже об этом думал, — поддакиваю боярину, вспоминая свои размышления. — Возможно, они растянулись вдоль опушки небольшими группами, дабы охватить большую территорию. Но, когда я второй раз на них наткнулся, то не заметил, чтобы кто-то подошел к ним на шум. А выстрел должен был быть далеко слышен.

— Может, не успели? — предполагает Федор.

— Вряд ли. Я довольно долго по лесу кружил.

— Вот и нечего гадать. Все узнаем на месте, — князь встал и, наполовину вытянув из ножен саблю, резко вогнал ее обратно, словно герой боевика, передергивающий затвор дробовика перед лихим делом.

— Дык, а... — Алексашка вопросительно перевел взгляд с Петра Александровича на

меня, как бы спрашивая, не связать ли этого субчика заново на всякий случай?

— Я ему верю, — отмахнулся князь, но, сделав шаг от костра, снова повернулся к денщику, бросив: — Но ты будь подле него. Мало ли. Так что, ежели что...

Это недосказанное «ежели что», отразившись в суровом взгляде Меньшикова, холодком пробежало по моей спине. Вот и думай теперь, кого больше опасаться — то ли тех парней в серых шинелях, то ли княжеского денщика, восплававшего ко мне непонятной неприязнью.

Обращаю внимание на то, что князь слегка прихрамывает, и вспоминаю разговор о его ранении. Из-за долгополой шубы не ясно, куда его зацепили, но рана, скорее всего, несерьезная, если так легко передвигается.

Боярин Басманов, прихватив пару гвардейцев, ушел по нашим с Алексашкой следам вперед. На полпути он появился и сообщил, что враги исчезли, оставив рядом с местом стоянки три присыпанных снегом труп.

Подумав, Светлейший все же решил пройти до этого самого места, чтобы осмотреть подробнее, и, может быть, двинуть дальше по вражеским следам.

Когда вышли к окруженной густым кустарником поляне, и я принялся заново рассказывать, как было дело, снаружи послышался шум схватки и на поляну вбежал Федор с обнаженной саблей.

— Мы в западне, Светлейший! — тяжело дыша, крикнул он. — Обложили так, что не вырваться.

Затравленно озираемся на окружающие нас кусты. За ними раздается выстрел. Отовсюду треск проламываемых веток. Со всех сторон, прямо через заросли выходят люди в серых одеяниях, держа направленные на нас ружья.

Приплыли, блин. Вот что бывает, когда дичь возомнит себя охотником. Видите ли, Светлейшему захотелось спросить у этих серых, чего это они за ним носятся по заснеженным полям и лесам. Интересно, дадут они ему такую возможность, или сразу грохнут?

Окруживших нас гораздо больше, чем присутствовало на поляне, во время моего дружеского визита. Значит, где-то рядом находилась еще одна группа.

Из-за кустов выходят четверо с зажженными факелами и, подняв их повыше, освещают сгрудившихся в центре княжеских людей.

Замечаю, что остался как бы в стороне от общей компании. Князь, Федор, Алексашка и пара оставшихся гвардейцев стоят спинами друг к другу, обнажив сабли, готовые к последней схватке.

А я значит побоку? Ну и правильно. Мне их разборки ни к чему. Вот только как объяснить это серым?

А вот и пан Чинига. Что-то шепчет единственному в этой компании бородачу в черном полушубке и мохнатой папахе, опущенной на глаза. И указывает прямо на меня, словно я являюсь целью всего предприятия. А может, жалуется, что я не заплатил за ужин? Ясно одно — в стороне остаться не получится.

В голову приходит мысль, что если вражины сейчас выстрелят, то вместе с нами могут перебить и друг друга, ибо окружили довольно плотным кольцом. А значит стрелять сходу скорее всего не будут. Почему бы не воспользоваться ситуацией? Шестеро против двух десятков? Ну и что? Нам же не побороть их надо, а вырваться и убежать.

Поворачиваюсь к товарищам по несчастью и встречаюсь взглядом с Меньшиковым. Заговорщицки подмигиваю ему и обращаюсь к пану Чиниге:

— Давненько не виделись, пан Чинига. Чего это вам не спится? Или мошка лесная одолела?

— Шось? — тот перестал нашептывать черному и уставился на меня. Затем вновь обратился к собеседнику: — Ось, бачите?

— Кто таков? — строго вопрошает бородач, задрав голову, чтобы лучше рассмотреть из-под свисающей с папахи длинной шерсти, и делает шаг в мою сторону.

Прокручиваю вариант, как половчее скрутить этого бородача. Жаль, нет ничего в руках. Приставить бы клинок ему к шее, глядишь, и пропустили бы нас. Он-то, судя по всему, здесь в явном авторитете. Надо только сойтись поближе.

— Дык, я ж говорил уже энтому Чиниге, что свой я, — вспоминаю, что пойманных прошлой ночью абреков послали некие Бельские и наудачу продолжаю: — Я ж от Бельских по душу Светлейшего прибыл. Только вот убивать его они раньше времени запретили, и всем велели передать. Он им зачем-то живой требуется.

Сочиняя на ходу, делаю шаг вперед, но тут за спиной раздается голос Меньшикова:

— Ах ты ж, с-сучье отродье!

Оборачиваюсь и еле успеваю поднырнуть под руку с саблей, заблокировав ее локтем левой руки. Но тут же получаю сокрушительный удар в правую челюсть.

Странные ощущения: щека мерзнет, а нос печет, будто сунул его в печку. И что это за треск? Открываю глаза и вижу в полутора метрах жарко полыхающий костер. Смолянистые дрова потрескивают, выбрасывая вверх снопы искорок, гаснущих в морозном воздухе.

Я лежу на снегу. Вокруг слышна какая-то возня. Чьи-то ноги, обутое в странные сапоги без каблуков, прошли между мной и костром. Прикрываю глаза и пытаюсь вспомнить — что же со мной произошло?

Боль, саданувшая при попытке пошевелить челюстью, подтверждает реальность воспоминаний. Удивляюсь лишь тому, что так спокойно воспринимаю происходящее, действительно веря, будто это не сон и не бред.

М-да, первый день пребывания в этом мире прошел гораздо приятней — поездка на санях, веселое застолье в компании со Светлейшим Князем. Зато второй день как начался со встречи с ночными абреками, так и продолжился в том же русле. В итоге еще и по голове пару раз заработал. Хорош же удар у этого придурка Алексашки — я же теперь пару дней жевать не смогу, пока челюсть не заживет.

Что, кстати, вокруг-то деется? Снова приоткрываю глаза, скашиваю взгляд мимо костра и вижу смотрящего на меня бородача в черном полушубке.

— Очнулся никак? — спрашивает он.

Нет, блин. Просто открыл глаза в бреду и разглядываю окружающую обстановку. Приподнимаюсь, с удовлетворением обнаружив, что не связан, и сажусь на лежащую рядом толстую ветку, срубленную, вероятно, на дрова.

Небо заметно посветлело. Это сколько же я провалялся в отключке? И где мои товарищи? Товарищи ли? Разве ж товарищи будут так лупить по голове?

Мы все еще на той же поляне. Грязный снег вокруг плотно утоптан и по цвету и по плотности напоминает старое асфальтовое покрытие.

Кроме бородатого у костра никого нет. Чуть в стороне у кустов, повернувшись к нам спинами, несколько человек ворошат какие-то мешки. Двое отходят от них и с деловым видом удаляются по просеке.

— Так, говоришь, от Бельских прибыл? — вопрос звучит так, будто мы уже некоторое время беседуем..

И что мне ему ответить? Я-то, когда упоминал про этих Бельских, не рассчитывал на долгие разговоры. Ладно, попробую взять инициативу в свои руки.

— Где Светлейший? — вопрошаю, проигнорировав вопрос бородача. — Надеюсь, с ним все в порядке? Иначе ни мне, ни тебе не сносить головы.

— Ну, ты не заговаривайся! — грохнул кулаком по коленке собеседник. — Нешто мне твои Бельские указ? Сам-то ты кто таков есть?

— Я-то? — поднимаюсь на ноги и, украдкой оглядываясь, стараюсь принять гордый вид. — Я Дедиков Дмитрий Станиславович, потомок древнего рода старших научных сотрудников Средиземной Военно-Морской Академии Саурана имени шгандартен фюрера Штирлица. Так что Бельские и мне не указ. Но, надеюсь не надо объяснять, что за ними

стоят гораздо более серьезные силы? Да-да, уважаемый, не задирай так высоко брови. Бельские являются лишь ширмой. Отвлекают, так сказать, внимание на себя до поры — до времени. Скажу по секрету, милый друг, я уверен, что как только они станут не нужны, так от них избавятся как от отработанного масла, в смысле, материала. Ну, ты, короче, понял. Ты-то сам, кстати, кто будешь?

— Евлампий Савин я, нешто не знаешь? — в голосе мужика слышалось неподдельное удивление. — Так значит, верно то, что о Бельских треплют?

— Слушать треп — прерогатива низших сословий, — говорю, гордо вскинув подбородок. — Я говорю только о том, что знаю точно. И все же, Евлампий, мне бы хотелось узнать о судьбе Светлейшего Князя и его спутников.

— Ты бы о своей судьбе переживал, — раздраженно посоветовал тот. — али думаешь, я поверил всему, что ты наплел?

— Ты не веришь мне?! — делаю ударение на слово «мне», будто меня сей факт крайне изумил, и даже встаю.

— А ты сядь, сядь, — дважды повторяет Евлампий. — Не горячись, боярин, чи кто ты есть. Сгоряча можно и головы лишиться.

— Голов мы с тобой в любом случае лишимся, ежели князь мертв. Уж поверь мне, эти люди и под землей достанут.

Видно, что мои слова все же зародили сомнения у собеседника. Он даже сдвинул папаху на затылок, позволив мне разглядеть прищуренные черные глаза и почти сросшиеся на переносице густые брови.

Похоже, выбранная мною тактика оказалась правильной. Главное вовремя пресекать все его вопросы и молоть нечто важное и непонятное. Эх, сейчас бы на мое место какого-нибудь народного избранника из моего мира, так он бы вмиг забил этому бородачу весь мозг умными непонятностями. Но и перебарщивать нельзя.

— На кой же им Невский живьем сдался? — задает очередной вопрос Евлампий.

— Какой Невский? — не понимаю я и, судя по взметнувшимся под папаху бровям собеседника, соображаю, что только что сморозил какую-то глупость.

Ё-моё, так это ж Светлейший Невский! Что-то я не помню никаких Невских в моем мире, кроме того Александра, который шведов под лед пустил.

— Пан генерал, — раздается из-за спины голос Чиниги. — Хлопцы зробыли все, як вы повелели. Будем уходить, чи шо?

Бородач, оказавшийся генералом, некоторое время переводит взгляд то на появившегося пана Чинигу, то на меня. Видно, в его голове толкаются две мысли, пытаясь завладеть вниманием — мысль о том, что я не знаю, кто таков Невский, и мысль, связанная с сообщением Чиниги.

— Следы хорошо запутали? — наконец спрашивает он вислоусого, поднимаясь и плотнее запахивая черный полушубок.

— Все як вы приказали, пан генерал.

— Тогда пошли. А этого, — генерал кивает на меня, — пусть на прицеле ведут. Ежели бежать надумает — стрелять.

— Мабуть, связать ёму руки? Дюже прыткий ций чоловик.

— Нешто быстрее пули? — бросает бородач и, посчитав разговор оконченным, двигается к просеке в кустарнике.

— Мабуть, быстрее, — бормочет в усы Чинига, опасливо косясь в мою сторону,

вероятно вспоминая, как ночью караульный Панас, целясь в меня, застрелил своего товарища.

* * *

Один из сопровождающих постоянно тычет в спину стволом. Второй, из-за узости протоптанной в глубоком снегу тропинки, идет позади товарища, но тоже держит ружье наготове. Следующий впереди Евлампий изредка оглядывается, словно убеждаясь, что я все еще не сбежал.

Интересно, если я сейчас схвачу ствол, ткнувшийся в поясницу и направлю в бородача, будет ли шанс у сопровождавшего меня хлопца не пристрелить генерала? До чего же заманчивая идея. Жаль, самоубийственная. Если даже второй конвоир промахнется, то все равно убежать по глубокому снегу не получится. Ночью еще можно было бы рискнуть, но, к сожалению, уже полностью рассвело.

Куда мы идем? И где, в самом деле, князь со спутниками? Неужели все-таки порешили? Жаль, если так. Их компания нравилась мне гораздо больше этой. Эх, протянуть бы до ночи, тогда можно будет попытаться сделать ноги. Вот только куда?

За размышлениями не обратил внимания, долго ли шли. Однако не менее часа — точно. Вот между стволов показалось бревенчатое строение, и вскоре вышли на обширную поляну. В центре небольшая избушка с крытой щепой крышей и каменной трубой, кулившейся еле заметным дымком. Рядом рубленый сарайчик, у низких дверей которого топчется часовой.

Завидев нас, часовой радостно замахал кому-то из конвоиров.

— Гринька, подь сюды. Покарауль трохи, бо мне до ветру трэба, вже мочи нету.

— Ну и что мне с тобой делать, боярин? — не обращая внимания на перебранку часового с конвоирами, обратился ко мне бородач. — Без присмотра оставить не могу, ибо не доверяю. А к энтим бросить, так забьют ведь, а? Может, расскажешь все как есть, а я тогда и подумаю, как с тобой быть? Как звать-то тебя, запомятовал штой-то? Больно уж длинно ты прошлый раз назвался. Я хоть и в генеральском чине, но люблю по-простому чтоб, без энтых регалий и церемоний.

— Дмитрий я, Станиславович. А ежели по-простому, то господин дженераль-электрик, — я представился именем знаменитой электрической компании. — Так что мы с тобой Евлампий, в некоем роде коллеги.

— Чего? Кто мы?

— Коллеги. Ну, вроде как в одном чине, — со вздохом пояснил необразованному бородачу. — Оно конечно генерал-электрик звание практически маршальское. Но я не заносчив, так что обращайся ко мне без излишних расшаркиваний.

Глядя на окончательно сбитого с толку мужика, снисходительно хлопнул его по плечу и прошел в сторону избушки, бросив на ходу:

— Ладно, Евлампий, пошли в дом. Чего торчать-то на морозе? Чай, уже и позавтракать пора.

Конвоиры машинально двинулись следом, почтительно обходя остолбеневшего генерала.

— А вас, хлопцы, кто приглашал? — я с удивленным возмущением обернулся к ним. — Нарубите-ка лучше дровишек да подмените этого бедолагу, не то обделается в штаны.

Кивнув на часового, вижу, что того и след простыл. Видать, конкретно прижало.

В это время на тропинке показались Чинига и пятеро следовавших за ним подчиненных.

Говорят, наглость — второе счастье. Не знаю, будет ли мне счастье, но не смог остановить прущую из меня наглость и, изобразив гнев, заорал на вислоусого:

— Что за разгильдяйство, пан Чинига?! Почему на посту отсутствует караульный?! Ежели что, головой ответишь! Развел тут бардак! А ну, быстро навел порядок!

Начавший было что-то говорить генерал, вновь заткнулся. Пан Чинига, остановленный моим криком, смотрел на Евлампия Савина, вероятно, пытаясь услышать хоть какие-то объяснения.

— Ось... Ось... Шо це такэ, пан генерал?.

— А запри-ка этого говоруна вместе со всеми, — наконец вымолвил бородач.

— Кого? Чинигу? — я сделал последнюю попытку заговорить врагов до смерти, понимая, что хуже уже не будет.

Евлампий лишь недовольно зыркает и поторапливает Чинигу:

— Да пошевеливайся! И караульного поставь. Да всыпь плетей тому засранцу.

Пленение пленителей

М-да, кого-то язык может и доведет до Киева, а меня довел до темного холодного сарая. Не надо было так наглеть. Ведь Евлампий почти уже начинал верить в тот бред, который я нес. Наверняка он и сейчас пребывает в сомнениях. Просто не смог мужик смириться с тем, что я, будучи практически пленником, принялся вдруг командовать. Вот сгоряча и распорядился бросить меня сюда.

Дверь захлопнулась, погрузив помещение в непроглядный мрак. Но я успел заметить людей у противоположной стены.

— погоди, Алексашка, успеется, — послышался из темноты голос Светлейшего. — Ты, Дмитрий Станиславович, никак соскучился по нашему обществу?

— Не так чтобы очень, — признался я честно. — Оно конечно с вами веселее, но слишком уж часто по голове получаю.

— Нешто напрасно?

— По голове-то? — собрался возмущенно поведать о несбывшихся планах на освобождение, порушенных Алексашкиным ударом в мою челюсть, но услышал поскрипывание снега за дверью и решил повременить. Может, это просто переминается с ноги на ногу часовой, а может, и кто-нибудь дюже любопытный приложил чуткое ухо.

Глаза постепенно привыкли к темноте, да и сквозь неплотно подогнанные доски дверей проникало немного света. Осторожно подошел к еле различимым силуэтам сокамерников. Разглядел пятерых — значит все присутствующие давеча на поляне остались живыми.

— Благодарю Петра Лександрыча, паскуда, — раздался голос Меньшикова. — Не то придушил бы тебя, как крысеньша.

— А мне думается, — прервал денщика князь, — не встрянь Дмитрий, так нас сразу живота и лишили бы.

— Оно еще неизвестно что ждет впереди. Может, ежели сразу, так и лучше было б, — высказался боярин Федор.

Солдаты молчали. Лишь один горестно вздохнул.

Опустившись на колени, я еле слышно прошептал, чтобы Алексашка продолжал меня громко ругать, а Светлейший время от времени его окорачивал. Князь кивнул и толкнул денщика кулаком в плечо, призывая к действию. Под искренние Алексашкины проклятия я рассказал обо всем как есть, в заключении выразив уверенность, что генерал захочет еще со мной пообщаться. Он хоть и не поверил во все, что я наплел, но сомнения наверняка гложут — иначе, почему все мы еще живы? Вот тогда-то постараюсь сориентироваться в обстановке насчет побега, а возможно и воплотить план по захвату бородача в заложники.

— Почему мы должны тебе верить? — спросил Федор.

— Почему? А на кой мне вас обманывать? Вот скажи: зачем мне вас подбивать на побег?

— Ну-у... — протянул боярин, не найдя ответа.

Даже Алексашка прекратил меня костерить, задумавшись над вопросом. А может, просто устал ругаться впустую.

— А вот зачем мне помогать вам? Я-то в вашем мире... в смысле, в вашей мирской жизни человек случайный. Мне что одни, что другие — все едино. Разве что с вами первыми встретился, да вы напоили и накормили меня. Зато те не связывали и по голове не били, несмотря даже на то, что на моих руках кровь их товарищей. Вот убегу один. Одному легче.

— И куда ж подашься, коли один сбежишь? — с усмешкой спросил князь.

— Да в первую попавшуюся деревеньку. Найду там какую-нибудь добрую вдовушку, жаждущую мужской ласки. Я ж всю жисть в монастыре провел. У меня этой ласки знаете сколько нерастраченной? Ого-го!

— Ишь ты, раскатал губищу, — прервал Федор. — Хлебни вон водицы да поостынь.

— При упоминании о водице я ощутил сильную жажду и облизнул пересохшие губы. В стороне, куда кивнул боярин, заметил темный силуэт, напоминающий бочонок. Подойдя на четвереньках, наклонил — действительно водица. Рядом не находится ни ковшика, ни какой другой мелкой посуды, поэтому напился прямо из бочонка, наклонив так, чтобы вода была у самого края.

— А кто такой этот Евлампий Савин, — спросил, отерев ладонью губы.

— Лет десять назад государь Федор Борисович лишил его и весь его род дворянского звания, — после некоторой паузы заговорил Светлейший Князь. — Под началом Савина южное порубежье находилось. Так он, вступив в сговор с крымским ханом, продавал в полон русских людей целыми деревнями.

— Это как же так?

— Пропускал крымчаков, а потом отправлял погоню по ложному следу, заранее подготовленному.

— И за это его только дворянства лишили?

— Поймали бы, так повесили, аки вора. Да только не слышно о нем ничего было доселе.

— Ясно. А как же вас-то живьем взяли, после того, как этот, кх-м, Александр врезал мне в челюсть?

— Услышав, что меня нужно взять живым, я договорился с Савиным, мол, сдамся, ежели остальным тоже жизни сохранят, — пояснил князь. — Любопытный я, понимаешь ли. Захотелось очень узнать, зачем это Бельские меня живым видеть захотели. Так это оказывается твоя выдумка?

— Тише ты, Петр Александрыч, — шикаю, кивая на дверь.

— Ты еще будешь Светлейшему Князю указывать?! — изловчившись, Алексашка пнул

меня в плечо, и я кубарем отлетел в сторону.

Князь что-то крикнул денщику, но я не расслышал, ибо мое внимание сосредоточилось на внезапной идее. Идею гениальной не назвать. Она, скорее, крайне авантюрная. Но не ждать же покорно уготованной нам участи, аки овцы неразумные?

Через четверть часа князь с одним из гвардейцев притаился слева от входа, Федор с другим гвардейцем — справа. Меньшиков, встав напротив меня, начал бить кулачищем по левой ладони, сопровождая сочные шлепки громкой руганью. Я же, опершись спиной о дверь и колошматя в нее ногой, заорал классическое:

— А-а! Спасите! Помогите! Хулиганы зрения лишают! А-а!

Снаружи послышались крики и скрип снега под быстрыми шагами. Наконец, кто-то грохнул прикладом в дверь, дабы привлечь внимание.

— А ну, геть от дверей, не то стрелять будем! — послышался крик пана Чиниги.

Мы с Алексашкой отошли в сторону. Он перестал дубасить ладонь, но я продолжил жалобно скулить, будто побитая собака.

С той стороны выбили подпиравшее дверь бревнышко, и та отворилась. В ярко освещенном проеме тут же появились два черных ствола, направленных в глубину сарая ружей. Бандиты слепо шурились, ничего не видя внутри после яркого солнца. Я тоже мало что видел после темноты, но, понимая, что все зависит от скорости действия, всматривался наружу до рези в глазах. Сквозь выступившие слезы все же различил стоящих напротив генерала и пана Чинигу. К ним и шагнул, согнувшись, жалобно поскуливая и слепо шаря перед собой.

— А-а. Они мне глаза выбили-и. А-а-а, — размахивая руками, будто боясь на что-нибудь наткнуться, как бы невзначай отвел стволы ружей в стороны, и за них тут же ухватились цепкие руки товарищей и вдернули ружья вместе с владельцами внутрь сарая.

Я в это время уже сделал шаг к генералу, опять же, словно сослепу оттолкнув Чинигу.

— А-а-а, я ничего не ви-ижу-у. А-а-а, — продолжив изображать слепоту, будто случайно наткнулся вытянутыми руками на Евлампия, схватил левой за правый рукав полушубка, правой — за меховой воротник и, дернув на себя, бросил генерала через бедро в сторону дверного проема, где уже застыл в ожидании гостя княжеский денщик.

Рядом, кроме привычно офигевшего пана Чиниги, никого нет. Однако по всей обширной поляне бродят не менее десятка вражеских солдат. Поэтому поскорее возвращаюсь в сарай. Уж теперь-то с таким заложником шансов на освобождение всяко больше.

Но вот же незадача, как только попытался захлопнуть за собой дверь, в нее тут же вцепился, выпучивший глаза вислоусый.

— Це ж пан генерал, — бормотал Чинига, словно бы пытаюсь меня образумить. — Вин же мне голову снесе.

— Да? Ну, заходи и ты, — отпустил дверь, вовремя схватив за шиворот потерявшего равновесие пана, и затолкал его вслед за генералом в темноту сарая. Там чье-то, скорее всего Алексашкино, хэканье слилось с глухим ударом.

Я наконец-то закрыл дверь, приветливо махнув остановившейся троице бандюков, среди которых узнал незадачливого Панаса.

Глаза отвыкли от темноты, и мне опять ничего не видно. Только слышно возню и усердное сопение — пленники вяжут пленителей.

Попытался сообразить, как запереть дверь, но ничего в голову не пришло — открывается наружу, значит изнутри не подпереть, а вместо ручки используется какой-то косой сучок.

К сараю подошли. Судя по звуку шагов, несколько человек. Постучали в дверь.

— Пан Чинига, — слышался чей-то встревоженный голос. — Вы там, чи не?

— Нет его тут, — ответил раздраженно. — Они с генералом через другой вход ушли.

— А-а, — понятливо протянул голос за дверью, но тут же понятливость сменилась недоумением: — Через який другий? Це хто гутарит? Пан Чинига, вы здесь?

Дверь попытались открыть, но я, вцепившись в заменяющий ручку сучок, уперся ногой в косяк.

— Панас! — заорал, вспомнив, что видел знакомое лицо. — Панас!

— Чого? — парень действительно оказался рядом.

— Пан Чинига наказал, чтобы ты встал у дверей и никого не впускал, покуда они с генералом не выйдут. Понял?

Снаружи начали о чем-то переговариваться. В голосах сквозило явное сомнение. Похоже, никто не заметил, как я бросил генерала, иначе действовали бы решительнее.

— Ну что там? — я обернулся к товарищам, продолжая удерживать дверь.

— Алексашка малость перестарался, — ответил князь. — Не можем Савина в чувствах привести.

— А Чинигу?

— Этот вроде стонет, — теперь сообщил Федор.

Глаза уже вновь привыкли к темноте, и я увидел, как боярин склонился над вислоусым. После пары звонких пощечин пленник задергался, засучил ногами. Судя по открывшемуся рту, хотел было заорать, но внушительный кулак, нежно приплюснувший нос, пресек необдуманный поступок.

Растолковав Чиниге, что от него требуется, поставили его у дверей, развязав руки, но привязав за ногу, чтобы не ощутил лишней свободы. Один из гвардейцев упер ему в спину ствол трофейного ружья. Все остальные, дабы не мозолить лишний раз глаза, снова рассредоточились по обеим сторонам от входа.

Федор еще раз поинтересовался, понял ли пан, от чего зависит его жизнь, и тоже отошел в сторону.

Теперь, отпустив дверь, я толкнул ее ногой наружу и скрылся в тени, глядя под ноги на освещенный пол сарая, чтобы дать глазам привыкнуть к свету.

Вислоусый молчал. Из темноты слышалось многообещающее покашливание. Гвардеец сильнее вдавил ствол в спину пленника.

— Мы-мыкола, — промычал Чинига.

— Чого?

— Вже все зробили, шо я наказав? — в голосе пана наконец-то проявились командирские нотки. — Чи шо?

— Дык, о це...

— Шо, о це?! Зробили, чи шо, я питаю? Чи ты вже став атоманом и будешь мэнэ пытати, о моих заботах? Чи шо?

— Дык... Як же... — слышался сконфуженный голос. — Во ций Панас казав, шо...

— А-а. так то Панас ныне атаманом став? О це дило. О це добре. А я як же? Мэнэ можно отдыхаты? — похоже пан Чинига разошелся не на шутку. — А ну геть уси готовиться.

Панас, стой тут. Да никого не пускай. Уразумив? Зачиняй двери.

Сарай снова погрузился во мрак.

Вот и зачем приучал глаза к свету? Опять ничего не видно..., кроме трех, изгибающихся по присыпанному соломой полу, тоненьких лучиков, проникающих сквозь доски дверей.

— Очнулся гнида, оповестил голос одного из гвардейцев о пришедшем в чувство генерале.

Пана Чинигу снова связали и поместили до поры в компанию к его подчиненным. Те тоже уже пришли в себя, но лежали молча, после увесистого аргумента, предъявленного для наглядности Меньшиковым.

— Долго ж ты, Евлампий Афанасич, змеиная твоя душонка, прятался, — подсел к генералу князь. — Чего ж выполз-то вдруг? Али правосудия перестал страшиться? Кто-то заступничество пообещал?

— Не тебе, сосунок... — не закончив реплику, пленник скрючился и замычал от резкого удара под ребра.

— Пойми, Евлампий Афанасич, — продолжил Светлейший, потирая ушибленный кулак. — Нам для того, чтобы уйти отсюда, хватит и этого атамана. А вот твоя жалкая жизнь зависит только от того, согласишься ли ты поведать обо всем, что здесь творится и подтвердишь ли все это в столице. А ежели ты намереваешься лишь попрекать меня молодостью лет, так я по своей малолетней горячности могу тут же и живота тебя лишить.

Замолчав, князь вынул из ножен конфискованную у генерала саблю и принялся демонстративно рассматривать, опробовав остроту клинка на снятой с плеча пленника соломинке.

Нависшие над Евлампием Алексашка и Федор довершили моральное давление. Причем неизвестно чья физиономия внушала больший страх: злобная русобородая харя Меньшикова, или поросшая модной в моем мире трехдневной щетиной ухмыляющаяся рожа Басманова. Обрядить бы боярина в спортивный костюм — вылитый браток из старых фильмов времен распада Советского Союза.

В общем, Евлампий как-то сразу сломался и заговорил. Не то, чтобы принялся говорить без остановки, сдавая всех и вся, но на задаваемые Петром Александровичем вопросы отвечал без лишних понуканий и довольно подробно.

Путь предателя

Оставив вход под присмотром гвардейца, я сгреб в кучу солому и присел к стенке в качестве слушателя. Но стоило только расслабиться, как оказалось экстремальное напряжение последних суток. А тут еще и тихие голоса звучали так убаюкивающе. Так и сидел, то проваливаясь в дрему, то заставляя себя с усилием выныривать из нее и прислушиваться к разговору.

Однако кое-что все же отложилось в голове. Я узнал, что Евлампий Савин, сбежав от правосудия, подался к крымскому хану. Благодушно приняв подельника, хан не дал тому долго бездельничать. Генерал получил под командование казачью тысячу, присягнувшую османскому султану. В нее входил сброд, выгнанный с родного войска своими же собратьями-казаками за различные преступления. Многие и вовсе бежали от справедливой расправы, подобно самому генералу.

За десять лет Евлампий много раз ходил вместе с крымчаками в набеги на русские селения. Во время неудачной попытки турецкой армии оттяпать под руку Османской империи часть русской земли, предатель лишился почти две трети своей шайки. При этом пополнения практически не прибывало. Среди казачьей вольницы произошел окончательный раскол — основная часть присягнула русскому царю, часть ушла на службу в Европу, часть, возглавляемая неким молодым атаманом, поступив на службу к османскому султану, была переправлена на Африканский континент, где империя делила что-то с Египтом. Вольницы как таковой практически не осталось.

Во время этой-то войны и встретился Евлампий с младшим из князей Голицыных.

Ночью полки Русской армии в результате неожиданного стремительного марша окружили часть крымской орды, в составе которой находился и генерал с остатками казачков-изгоев. Крымчаки, бросив обоз и собравшись в единый кулак, хоть и с огромными потерями, но смогли прорваться и уйти в степь. С ними ушла и часть казаков, ведомая, кстати, сотником Чинигой.

Евлампия не повезло. Он с полусотней головорезов, коих именовал личной гвардией, был окружен и зажат в небольшом овражке. Когда последний телохранитель пал от русской сабли, предатель бросил клинок и, подняв руки, опустился на колени. Знай солдаты, кого берут в плен, так, может, и зарубили бы тут же. Но о событиях десятилетней давности помнили лишь старослужащие. Да и те не все знали в лицо генерала-предателя.

Петр же Голицын, под началом которого был один из полков, сразу узнал друга молодости, так глупо попавшегося на пособничестве людокрадам. Как увидел, так виду не подал, отвернулся и ушел прочь. Вечером же повелел надежным людям привести пленника в шатер. Там и сговорились бывшие дружки о взаимовыгодном сотрудничестве на благо их обоих.

После полуночи люди Голицына проводили Евлампия за пределы русского лагеря, дали двух лошадей и отправили с богом.

Месяц назад прибыл от Петра гонец с распоряжением и подробной инструкцией по устранению зарвавшегося молодого князя, успевшего получить титул Светлейшего, а именно тезки младшего Голицына — Петра Невского.

В одном из порубежных лесков ватагу — а как еще назвать этот сброд? — Савина, насчитывающую теперь едва две сотни, поджидали возы с русским пехотным обмундированием и документы, предписывающие некоему воинскому подразделению следовать в определенный район.

Выйдя к месту засады, тщательно подготовились и, не видя смысла торчать здесь постоянно, ушли к расположенному в десяти верстах заброшенному имению разорившегося боярина Жуковского, который подался осенью в столицу. Это место так же было предусмотрено планом, и в имении бандитов поджидали запасы провизии. Располагалось местечко вдали от другого жилья. Две ближайшие деревеньки были сожжены прорвавшейся в начале войны сотней крымчаков. Именовавшие себя атаманами сотники Чинига и Горобец по наказу генерала строго следили за тем, чтобы хлопцы вели себя тихо. Да и не с чего шуметь-то было. Горилки не было — насчет этого командиры строго проверили каждого еще в начале предприятия. Каких либо селений, чтобы совершить лихой набег малой компанией в тайне от остальных, тоже поблизости не было. Приходилось маяться от безделья, согревая душу думками об обещанном солидном вознаграждении за успешно проведенное дело.

И наконец-то прибыл гонец с известием о приближающемся княжеском обозе, сопровождаемом всего-то сотней солдат. В открытом бою, может, и засомневались бы хлопцы в победе над всего-то вдвое уступающим по численности противником. Но пострелять из засады, да посечь неожиданным наскоком ничего не подозревающих путников казалось делом плевым. Тем более, что целью ставилось уничтожение единственного человека. Так что, в случае чего с остальными в схватку можно и не вступать.

На деле оказалось не так все просто. Хоть неожиданным залпом и удалось выкосить значительную часть сопровождающих обоз гвардейцев, но оставшиеся рубились каждый за двоих. От гвардейцев не отставали и возницы. Что уж говорить о боярах из свиты Светлейшего Князя? Пожалуй, честный бой бандиты не выиграли бы и при тоекратном преимуществе. Но и сейчас, при почти пятикратном превосходстве, предатели за первые минуты схватки потеряли половину собратьев. Однако и сопровождение князя истребили почти все.

После того, как на дороге не осталось ни одного выжившего русского воина, Евлампий в сопровождении присланного от Петра Голицына человека, осмотрел трупы у княжеской кареты. Не найдя того, кого искал, собрав остатки ватаги, ринулся в лес на звуки разрозненных стычек. Разослав по десятку в сторону каждой схватки, узнал таки куда отступил Светлейший. Туда и ринулся с оставшимися тремя десятками. Остальные либо погибли в лесных стычках, либо продолжали сражаться где-то в зарослях. Ждать или искать их не было времени.

В результате устроенной гвардейцами засады, генерал потерял еще несколько человек, в том числе и присланного Голицыным, но преследования не прекратил.

Река скрыла следы беглецов, но, разделившись на две группы и пройдя в обоих направлениях, обнаружили какие-то следы на льду вниз по течению, вероятно, оставшиеся от моего падения. Теперь уже двигались двумя группами по обоим берегам, тщательно осматриваясь в поисках следов.

Когда начало смеркаться, один из казачков, знающих здешние места, сообщил, что недалеко должен быть домишко бортника, обычно пустующий в зимнюю пору. Туда и двинулись на ночлег, отчаявшись найти беглецов.

Ночью на них неожиданно вышел Чинига с шестью уцелевшими хлопцами. После того, как вислоусый поведал о странном человеке, в одиночку напавшем на них, убившем троих и скрывшемся в ночи, а один из казачков сообщил, что видел того человека во время нападения на обоз рядом с княжеской каретой, Евлампий немедленно поднял всех и двинулся к месту описанного Чинигой происшествия.

М-да. Нет ну то, что мне приписали часового, упокоенного Алексашкой, понятно. Но зачем приписывать еще и застреленного Панасом?

— Эй, Дмитрий, просыпайся. Нешто не выспался еще?

Открыв глаза, я непонимающе посмотрел на склонившееся надо мной небритое лицо, в глазах которого пляшут отражения небольшого костерка. Признав Федора и, сел, опершись о стену сарая.

— Что? Обед принесли? — задал ему вопрос, продиктованный бурчащим желудком.

— Ага, — кивнул тот, — принесли. Только не обед, а ужин. Тебе что подать, рябчиков, али карасей в сметане?

— Рябчиков для начала, — ответил я и огляделся вокруг.

Костерок горит прямо посреди сарая. Дым поднимается вверх и выходит через дыру в разворошенной соломенной крыше. Через эту же дыру видно звездное небо. Значит снаружи уже стемнело. Когда только крышу успели разворотить? Днем-то этой дыры не было, иначе было бы светло.

Кроме меня и Федора в сарае только один гвардеец, стоящий с ружьем перед тремя сидящими у стены бандитами. Среди связанной троицы узнал Панаса. Интересно, когда этот бедолага ухитрился присоединиться к ним? И где Чинига с генералом? Где, вообще, все?

— А где все? — поинтересовался боярина.

Тот что-то в полголоса втолковывал гвардейцу и на мой вопрос не обратил внимания.

Я встал и, шагнув к костерку, протянул к огню озябшие ладошки. Заметив, что Федор отошел от солдата, повторил вопрос:

— Где все? Мы что, уже свободны?

— А ты, Дмитрий, еще бы поспал, глядишь, и вовсе один остался, — ухмыльнулся тот. — Мы уж сомневались, надо ли тебя будить, да вот приглянулся ты Светлейшему. Так что пойдешь с нами.

— Куда?

Боярин вновь оставил вопрос без ответа и, оттолкнув дверь, вышел наружу. Я поспешил за ним.

М-да, похоже я действительно проспал прилично — на улице совсем темно. Темно и тихо. Куда же все подевались?

В домишке, что посреди поляны, тускло светится маленькое мутное оконце. Туда и направился Федор. Снег под нашими ногами скрипел в ночной тиши невероятно громко.

Уже ступив на невысокое крылечко, я вздргнул от раздавшихся из сарая криков. Зыркнув в ту сторону, боярин недовольно поморщился и открыл дверь. Крики резко стихли.

Заходя в избушку, я оглянулся и увидел выходящего из сарая гвардейца. Ружье у парня висело за спиной, а в руке сабля, которую он протирал какой-то тряпицей. М-да... Суровый век, как говорится...

— Не выстужай избу, Дмитрий! — раздался сердитый голос княжьего денщика.

Федор уже скрылся внутри, а в дверях стоял собравшийся выходить Алексашка. Я поспешно отступил в сторону, давая ему дорогу, после чего зашел, захлопывая за собой пронзительно скрипнувшую дверь.

— Садись, Дмитрий Станиславович, пожуй чего бог послал, — сидящий за столом Светлейший кивнул на ломти хлеба и крупно нарезанные куски белоснежного сала с толстыми мясными прослойками.

Сглотнув наполнившую рот слюну, я поспешно направился к столу.

— Да он такое не будет, — насмешливо кинул Басманов. — Он как проснулся, сразу рябчиков да карасей в сметане затребовал.

Князь деланно изумился, и они с боярином продолжили подначивать меня, весело хохоча. Я же, пережевывая жестковатое, но ужасно вкусное сало, пытался запихать в рот еще и кусочек подсохшего хлеба. От напряжения в челюстях заложило уши, потому толком не слышал, о чем они мне говорили, лишь глупо улыбался и на всякий случай кивал.

Кроме нас в комнате находился второй гвардеец, почему-то державший в руках ружье. За ним в темном углу я заметил две фигуры, сидящие на лавке. Лиц не разглядеть, но по фигурам и по одежке догадался, что это наши недавние пленители — пан Чинига и иудушка Евлампий Савин. Вот ведь как удачно мы поменялись ролями. Что же все-таки произошло? Куда подевались все бандиты? Неужели пока я спал, их всех того...

Донесшиеся с улицы крики прервали мои размышления. Князь и Федор встревожено вскочили и обнажили клинки. Гвардеец, переводя взгляд то на пленников, то на дверь, взял ружье на изготовку.

Я начал с большей скоростью работать челюстями, заглатывая почти не пережеванные куски и обшаривая взглядом помещение в поисках какого-нибудь оружия. Но, увидев деревянное ведро с чистой водицей, начал вдруг испытывать невероятную жажду, заглушающую все остальные чувства. Шагнув к лавке, на которой стоит ведро и, опустившись на одно колено, припал губами к воде. С наслаждением шумно напился живительной влаги.

Полышались шаги на крыльце, дверь резко распахнулась, и в избу вошел разгорячено дышащий Алексашка. Отойдя в сторону, он махнул рукой, приглашая кого-то следовать за ним. Послышалось хэканье, и в помещение кубарем влетел человек, судя по одежке из банды наших пленников. Последним зашел тот гвардеец, что оставался в сарае, и закрыл за собой дверь. Значит, снаружи больше никого нет. По крайней мере, живых нет.

— А ты во дворе покарауль, — сказал ему княжеский денщик. — Чай не замерзнешь. А то мало ли кого еще принесет.

Гвардеец безропотно подчинился приказу и вышел. Зброшенный им мужик поднялся, но, получив от Меньшикова хорошую затрещину, вновь упал на колени и больше не делал попыток встать. Лишь затравлено зыркал по сторонам.

— Кто таков? Откуда взялся? — грозно спросил Светлейший.

— Ды, я вотета... Гринька ж я, — промямлил мужик. — Я о це... Я пана Чинигу шукав...

Меньшиков пинком отбросил лопочущего пленника к стене и возмущенно заговорил:

— Я только за кусточками пристроился, а этот как заорет из леса: «Пан Чинига, пан Чинига!» — и он вновь пнул бедолагу. — Убью, тварь!

— Охолони, Алексашка, — улыбаясь в бороденку, произнес князь и, уже обращаясь к пленнику, спросил: — Так ты, Гринька, к пану Чиниге? А-а, ну тогда ладно. Вон он, твой пан. Иди, докладывай, зачем пожаловал.

Мужик недоверчиво посмотрел на Князя, который уже уселся на лавку и, будто бы потеряв интерес к неожиданному гостю, что-то вполголоса говорил Федору. Продолжая

недоумевать, Гринька нашел взглядом пана Чинигу и, опасливо покосившись на Алексашку, не поднимаясь с колен, переместился в угол с пленниками.

— Да погромче докладывай! — неожиданно крикнул ему в спину Светлейший. — Чтобы нам тут хорошо слышно было.

Заикаясь и поминутно косясь на нависших над ним денщика и гвардейца, мужик поведал пану Чиниге, а заодно и всем присутствующим о том, как в заброшенную усадьбу, где они расположились, приехала повозка с какими-то людьми. Видя окруживших их хлопцев, двое мужиков схватились за сабли и были тут же застрелены. Разоравшуюся бабу успокоили несколькими оплеухами и с пристрастием допросили. Оказалось, что хозяин усадьбы, направляясь по каким-то делам в Оскол, решил заглянуть в свое заброшенное имение, а заодно и переночевать в нем. Потому и были посланы вперед холопы с дочкиной нянькой, чтобы растопить печь, да навести порядок в паре комнат.

Вот Панас и послал Гриньку, доложиться пану Чиниге о скором прибытии хозяина усадьбы. И ежели пан сам не прибудет, то узнать, что делать — порешить боярина, али пленить?

— Боярин значит с дочкой едет, — подытожил князь. — А много ль с ним еще народу?

— Баба гутаре, шо двое холопов всего осталось, — доложил слегка осмелевший пленник.

— Что делать будем, Петр Александрыч? — озадаченно спросил Федор.

— Надо выручать боярина. Не оставлять же его на растерзание этим, — князь кивнул в сторону пленников.

— Многовато их. Может, сперва до Оскола доберемся, а там уже местный воевода отряд пошлет... — начинал было Алексашка, но его перебил Басманов.

— До Оскола нам дай Бог к рассвету добраться, да назад, ежели не мешкая да на санях, еще полдня. А Митрофан Жуковский уже скоро должен подъехать, — высказался боярин.

— Видел я в прошлом году его дочурку, — вставил князь. — Она тогда уже девка хоть куда была. А нынче, небось, и вовсе красавица. Снасильничают ее, ежели вовремя не поспеем.

— Да и если Гринька скоро не вернется, они наверняка пошлют еще кого-нибудь, — высказал и я свою мысль. — Увидят, что их командиры пропали, найдут тех в сарае и сразу поймут, что что-то тут неладно. Могут и уйти из усадьбы.

— Сколько в усадьбе лихоимцев? — спросил непонятно у кого Петр Александрович.

— Две дюжины без меня, — с готовностью сообщил Гринька.

— Оно понятно, что без тебя, — задумчиво проговорил князь, поставив локоть на стол и опершись подбородком о кулак.

Воцарилась тишина, нарушаемая только слабым потрескиванием лучин да еле слышимым из-за дверей хрустом снега под ногами караульного. Треска дров и гудение огня в печи не слышно. Вероятно, все давно прогорело, а затапливать заново смысла нет.

Несмотря на то, что проспал и так значительную часть дня, глаза снова начали слипаться. Сказывается тепло и сытость в желудке. Ключнув было носом, я огляделся — не заметил ли кто? А то опять насмеяться начнут. Но все смотрели на князя.

Встав с лавки, я молча вышел из избы. Под удивленным взглядом топчущегося у крыльца гвардейца зачерпнул горсть не затоптанного снега и растер лицо.

— У-ух, — я передернул плечами, озябнув после теплого помещения, и поспешил назад, а то мокрые щеки уже довольно чувствительно пощипывал морозец.

В доме все уже тоже на ногах. Меньшиков с гвардейцем уложили Савина спиной на лавку и привязывали ноги предателя. Покончив с ногами, развязали ему руки и, заломив их под лавку, снова связали.

Чинигу подняли, и гвардеец потащил его заворот из избы.

— Ежели что, кто-нибудь обязательно должен вернуться и порешить этого ирода, — князь кивнул на привязанного к лавке.

— Может, сразу? — предложил Басманов.

— Нет, Федор Савелич, — отрицательно pokrutil головой Светлейший. — Очень уж я хочу живьем его в столицу доставить, чтобы с тезкой своим Петькой Голицыным лбами столкнуть.

Понимая, что нам предстоит ночной марш-бросок с целью не дать бандитам захватить или убить боярина Жуковского с дочкой, я радости от предстоящего приключения не испытываю, особенно учитывая факт, что на каждого из нас будет по четыре врага. Но ясно, что по-другому эти люди поступить просто не могут. А я теперь с ними в одной компании. Хотя и доставалось мне от этой компании, в частности от несдержанного княжеского денщика, поболее, чем от бандитов...

Тем временем вернулся гвардеец, уведший пана Чинигу, и по его кивку в ответ на взгляд Федора, я понял, что бандитский атаман наверняка присоединился к своим подчиненным в сарае.

Гриньку никто не трогал и он продолжал стоять на коленях, поглядывая на происходящее каким-то по-детски невинным взглядом. Интересно, сколько людей довелось отправить на тот свет этому простодушному мужичку?

— Сколько до имения? — поинтересовался у него я.

— Пяток верст, — ответил тот с заискивающей улыбкой. — Я проведу.

— Веди давай уже! — пинком поднял его Алексашка, и мужичек сгорбившись и втянув голову в плечи, словно ожидая крепкого подзатыльника, засеменил к выходу.

Мы вышли следом. Через десяток шагов Гринька нагнулся и подхватил с земли суконную шапку.

— Це моя, — сообщил он, натягивая ее так, что та краями смешно оттопыривает мясистые уши.

— Прими, боярин, — один из гвардейцев протянул мне ножны с саблей, и я только тут сообразил, что отправился на схватку с врагом с голыми руками.

С благодарностью принял саблю и с сомнением взял ружье, которое снял с плеча гвардеец.

— Заряжено, — предупредил он, поправляя на плече еще два ствола.

Никаких боеприпасов к ружью я не получил, да оно и понятно — времени на перезарядку, скорее всего, не будет. Это если не принимать во внимание тот факт, что я не умею заряжать эти доисторические ружья. Зато в качестве дубинки в моих руках оно будет, пожалуй, эффективнее сабли.

Вопреки моему ожиданию, что снова придется пробираться по колено в снегу, мы шли по хорошо утоптанной тропе.

Интересно, пять верст это сколько километров? По любому не мало.

Что же все-таки произошло, пока я спал? Куда девались все бандиты? Появилась мысль расспросить идущего рядом гвардейца, но из-за быстрого шага я и так уже начал сопеть, как паровоз. Попытался дышать в такт шагам, как когда-то учил дядька — на два шага вдох, на

три выдох, и постепенно втянулся в марш.

Примерно через полчаса ходьбы запыхтели уже все, но темпа не сбавили. Еще немного такого марш-броска по вечернему, или уже ночному лесу, и спасители из нас будут, мягко выражаясь, сомнительные.

Однако прошло уже около часа, а мои спутники как пыхтели, так и пыхтят, даже не думая сбавлять шаг.

Но вот потянуло дымком. Вскоре вышли на опушку, и остановились в густом подлеске. Перед нами открытое пространство, поросшее редкими молодыми деревцами. На небольшом взгорке высокий частокол, за которым на фоне звездного неба темнеет крыша дома.

Прислушались — не доносится никаких звуков. Но в этом нет ничего странного — мороз заметно усилился, и это обстоятельство не располагало к ночным прогулкам. А может, затаились и ждут боярина? Я высказал эту мысль вслух.

— Митрофан Игнатич давно уже приехать должен, — не согласился Федор. — Ну, насколько могли холопы с нянькой его опередить? Ну, на час, не более. А сколько прошло, пока этот Гринька до пасеки добежал, да пока мы сюда добрались? Нет, ежели чего в пути не случилось, то здесь уже боярин.

— Жив ли? — непонятно кого спросил князь.

Стимулируемый Алексашкиными оплеухами, Гринька рассказал о расположении построек внутри усадьбы. Оказывается заброшенная в последнее время дорога подходит с противоположной стороны. Соответственно с той же стороны расположены ворота. Но и с этой стороны есть небольшая калитка. К ней и ведет протоптанная в снегу тропка, по которой привел нас незадачливый проводник. С той стороны калитка выводит в длинный сарай, возможно использовавшийся ранее как хлев. На вопрос, есть ли караульный у входа, Гринька пожал плечами и сообщил, что когда он уходил, то стояли двое хлопцев. Но по такому морозу вряд ли кто будет мерзнуть в холодном сарае.

Все же идти к усадьбе в открытую рискованно. Посовещавшись, решили, что сперва отправятся Алексашка с Гринькой и гвардейцы. Если кто окликнет, то отзовется Гринька. А чтобы у хлопца неожиданно не прорезался героизм, Меньшиков продемонстрировал невесть откуда вытащенный кинжал в локоть длины, коим упер в спину бандита, когда они пошли к усадьбе.

Мы молча наблюдали, как товарищи шли к частоколу. Хорошо, что в темноте все краски превращаются в оттенки серого, и кафтаны гвардейцев не отличались от одеяния Гриньки..

Подойдя к деревянной стене, где вероятно находится неразличимая отсюда калитка, мужики остановились, и некоторое время ничего не происходило. Вот до нас донеслись глухие удары. Я напряг зрение и, кажется, разглядел, как узнаваемый по мохнатой шапке Алексашка стучит кулаком в запертую дверь. Прошло еще немного времени, и к нам бегом направился один из гвардейцев.

— Заперто, — сообщил он запыхавшись. — На стук никто не откликается. Будто вымерли все.

— Странно, — произнес князь и, отодвинув заслоняющую путь ветку, направился к усадьбе. Все последовали за ним. В мыслях я надеялся на то, что бандиты по какой либо причине покинули усадьбу.

Когда подошли, увидели, что второй гвардеец пытается выбить дощатую дверь плечом.

— А ну, Савелий, дай-ка я, — отстранил его Меньшиков, но и его старания ни к чему не

привели.

Имя Савелий вызвало у меня какие-то невнятные ассоциации. Я всмотрелся в лицо гвардейца — это тот, что подал мне оружие. Но что мне напомнило его имя? Однако бьющийся в крепкую дверь княжеский денщик сбивает с мысли.

— Как запирается дверь? — спросил я у притихшего Гриньки.

— На жердину, мабуть, — пожал тот плечами.

Не поняв, что он сказал, я обнажил саблю и, молча отстранив Алексашку, попытался просунуть клинок в щель между дверью и крайним бревном. Скрывшись сантиметров на пять, кончик сабли во что-то уперся. Ясно — в бревне вырублено что-то типа четверти. Интересно, Гринька не помнил, что дверь открывается наружу, или втихаря ухохатывался над потугами вбить калитку вовнутрь? Просунув клинок между первой и второй досками двери на уровне пояса, я протягиваю его вверх, но он почти сразу во что-то упирся. Скорее всего это скрепляющая доски калитки перекладина. Но на всякий случай опускаю саблю и с силой бью вверх. Кажется будто препятствие подается, и слышится скрежет по краям дверного проема. Снова опускаю саблю и бью уже со всей силы. Препятствие подается и исчезает. Слышится звук упавшей на землю сухой палки.

Не успеваю извлечь клинок из щели, как в дверь врезается неугомонный Алексашка. Отхожу в сторону и, не спеша вставляя саблю в ножны, наблюдаю за его потугами, с трудом удерживаясь от того, чтобы посоветовать попробовать ударить головой.

— погоди-ка, Алексашка, — не выдерживает Светлейший и, ухватившись пальцами за выступающую доску, легко открывает калитку на себя.

— Двери в пожароопасных помещениях всегда открываются наружу, — назидательно выдаю в сторону Меньшикова невесть откуда всплывшую фразу.

— Ничего не видно, — сообщает вошедший в калитку гвардеец и добавляет: — Лошади, кажись.

Вхожу вместе со всеми и оказываюсь в абсолютно темном помещении. Откуда-то справа действительно слышится похожее на лошадиное фырканье. Машинально тянусь к заднему карману джинсов, в котором обычно лежит зажигалка с встроенным светодиодным фонариком, но вспоминаю, что обнаружил ее отсутствие еще в первую ночь своего попадалова.

Проникающий сквозь открытый проем лунный свет освещает только усыпанный соломой прямоугольник под ногами. В этом свете замечаю валяющуюся полутораметровую жердину. Это и есть тот запор, который я выбил. Подбираю палку и прокручиваю ее вокруг ладони. Малость толстовата, но все же с таким оружием чувствую себя более уверенным, чем с саблей. Судя по весу, дерево достаточно крепкое, что-то вроде клена, и высушено хорошо. Так что запросто может противостоять сабельному удару.

Пока оценивал жердину, спутники скрылись в темноте.

Следую за ними на звук, шаря палкой по полу перед собой.

Раздается скрип открываемой двери, и впереди прорисовывается противоположный дверной проем, частично заслоняемый фигурами моих товарищей. Становится виднее, и я более прытко присоединяюсь к ним.

Федор вновь спрашивает о чем-то Гриньку. Тот показывает в сторону большого дома, в котором светятся несколько окошек, и называет какие-то имена.

— Ясно, — почему-то вздыхает боярин и кивает на пленника гвардейцу. Тот хватается бандита за ворот и оттаскивает в темноту. Слышится возня, затем хрип и противное

бульканье. Беспокойно зафыркали лошади, зацокали, переступая копытами. Раздается негромкое ржание. В лунном свете вновь появляется гвардеец, вытирающий саблю серой суконной шапкой, наверняка снятой с Гринькиной головы. М-да... Как же все просто у этих людей...

Несколько секунд остолбенело смотрю в темноту, туда, где с перерезанным горлом лежит незадачливый мужичок Гринька, сам отправивший на тот свет немало народу. Очередное конское ржание выводит из ступора. Оглядываюсь и вижу, что рядом остались только Федор и Светлейший. Успеваю заметить тени, мелькнувшие в сторону дома, и в следующее мгновение они сливаются с темной стеной.

— Нешто охромел? — вопрошает князь, заметив, что я опираюсь на палку.

— На всякий случай, — отвечаю неопределенной фразой.

— Машут, — сообщает вглядывающийся в темноту Федор.

— Пошли значит, — говорит князь и вопросительно оглядывается на меня: — Ты иди-то сможешь?

— Смогу, — отвечаю коротко. Не вдаваться же в объяснения, для чего мне нужна эта палка.

Пригнувшись, гуськом перебегаем к дому. Снег под ногами предательски скрипит. Однако из-за промерзших окон доносится приглушенный гвалт и, вроде бы, даже какое-то заунывное пение.

— Во дворе никого, — докладывает встретивший нас Алексашка. — Кто-то есть в сарайке, что подле ворот. Там печь топится. Туда Савелий со Степаном пошли. Посреди двора телега стоит. На ней, похоже, мертвяки навалом лежат. Кто они и сколько их, пока не рассмотрели.

— То обождет, — кивает Светлейший. — Наперво надо о живых позаботиться.

Инстинктивно пригибаясь под окошками, в которые абсолютно ничего не видно, обходим дом с двух сторон — Петр Александрович с денщиком с одной стороны, мы с Федором с другой.

Обогнув боковую стену, застываю от открывшегося зрелища. Много смертей повидал я за последние пару суток, но все это было в горячке боя, в борьбе за жизнь. Теперь же передо мной открылась жуткая до нереальности картина — посреди просторного двора, освещенного ставшим вдруг будто бы более ярким софитом луны, стоит телега, заполненная грудой безжизненных тел. Бросаются в глаза босые ступни, кажущиеся неестественно белыми.

— О-ой, та кохала мэне ма-ати... — вырывается вдруг заунывная песня из неожиданно открывшейся двери и тут же обрывается, оставшись внутри, за той же захлопнувшейся дверью.

С крыльца сбегает мужик и, придерживая накиннутый на плечи кафтан одной рукой и пытаясь развязать тесемки на штанах второй, спешит в нашу сторону. Меня он не замечает только потому, что увлечен собственными штанами.

Бросив взгляд на телегу, сжимаю шест обеими руками до хруста в замерзших суставах. Однако, ухватив за капюшон, Федор вдергивает меня за угол. Поворачиваюсь к боярину, ожидая услышать укор в нерасторопности, и в это время прямо на нас выбегает мужик, так и не справившийся до сих пор с тесемками. Находясь к нему вполоборота, ослабляю правую кисть и слегка приподнимаю ею шест, чтобы направить во вражью харю. Словно бильярдный кий с силой толкаю шест левой рукой. Удивленный возглас не успевает

вырваться из открывшегося рта. Переносица с хрустом вбивается под череп. Голова мужика резко откидывается назад, хрустом позвонков оповещая о летальном исходе. Машинально, сквозь по-прежнему расслабленную правую ладонь, возвращаю шест в исходное положение. Серый кафтан спадает с плеч бандита, безвольной куклой на снег опускается тело.

Слышу хмыканье Федора, и, уже красуясь, пытаюсь театральным жестом повернуть шест вокруг кисти. Но конец палки задевает за стену, и мое оружие, вырвавшись, летит в снег, чудом не заехав мне же по носу. Боярин снова хмыкает, обходит меня, переступает через труп и скрывается за углом. М-да... А неча рисоваться. Сконфуженно приседаю и поднимаю палку, тщательно утрамбовывая в голове лезущую наружу мысль о том, что, убив очередного человека, испытываю при этом некое удовлетворение. Уверяю себя, что это не человек, в доказательство чего, пройдя вслед за Басмановым, снова бросаю взгляд на жуткую телегу.

От небольшого строения, из трубы которого изредка вырываются искорки, отделяется темная фигура и движется в нашу сторону. Мы приникаем к стене, в надежде, что нас не видно на ее фоне, но обратно за угол уже не отступаем.

— Вроде Савелий, — шепчет Федор, распознав гвардейца.

Тот, обогнув телегу с мертвецами, удаляется к противоположной стороне дома, где должны находиться князь и Алексашка. Вскоре оттуда выбегают две фигуры, одна долговязая, другая коренастая в мохнатой шапке, и прытко следуют к строению с искрящейся трубой.

Обогнув высокое крыльцо, подбегает Савелий и сообщает, что Светлейший ждет нас в том домишке. Прислушавшись напоследок к доносящемуся через ближайшее окно гомону, быстро пересекаем двор и заходим в строение, примыкающее к частоколу рядом с большими воротами, закрытыми на огромный тесаный брус, поднять который, пожалуй, одному будет трудновато.

Жаркий воздух протопленного помещения вытесняет холод из промерзшей одежды ближе к телу, и меня пробирает озноб. Расстегиваю дубленку и распахиваю полы, чтобы впустить тепло. Оглядываюсь. Скорчившийся в луже крови труп не вызывает никаких эмоций. Еще один бандит со связанными за спиной руками лежит под стеной. Над ним стоит второй гвардеец. Светлейший уже сидит за столом с таким видом, будто находится в собственном кабинете и как минимум несколько часов к ряду принимает посетителей. За его спиной весело потрескивает дровами огромная, почти в половину комнаты, печка. Из-за занавески, отгораживающей помещение за печкой, выходит Меньшиков.

— Располагайтесь, — приглашает нас князь. — Обождем здесь, пока там утомонятся да спать улягутся. Заодно порасспросим человечка — что да как. Подними-ка его, Степан.

Гвардеец хватает за шкурку связанного бандита и, поставив на ноги, подталкивает к столу.

— Что с боярином? — задает вопрос Петр Александрович.

— З яким боярином? — не понимает мужик и тут же сгибается пополам от Алексашкиного удара.

— С хозяином усадьбы, — поясняет бородач.

— Вин наших хлопцев троих порубав, — хрипит согнувшийся пленник.

— Что с ним? — повторяет вопрос князя Алексашка, отвечивая очередную оплеуху.

— Его Мыкола Недранец бочонком с возка сбыв. Тот шею и свернул.

В комнате повисает тишина.

— Что с его дочкой? — первым задаю очередной вопрос, думая, что если и дочку убили, то самым простым выходом будет подпереть двери до подпалить дом вместе с разбойниками.

— Дивчина с нянькою в светелке. Панас велел не трогать ее, пока пан Чинига не объявится. Воны с Мыколой чуток не подрались из-за ций дивчины.

— Сколько человек в доме? — снова спрашивает князь.

— Дык, десятка два осталось...

Светлейший кивает Алексашке, и тот вгоняет клинок под лопатку бандиту.

— Если того мужика хватятся, то нас быстро обнаружат, — обращаюсь к Федору.

— О чем это ты, Дмитрий Станиславович? — интересуется князь.

— Дмитрий Станиславович своим посохом уже упокоил одного лихоимца, — поясняет за меня Федор и кратко, но красочно рассказывает о моей шаолиньской выходке.

— Экий ты прыткий, — произносит в мою сторону князь, то ли одобрительно, то ли с укором. — Но прибрать мертвяка надо, дабы не хватились раньше времени. Раз набедокурил, то тебе и прибрать. Возьми с собой Савелия. Да поосторожнее там.

Тяжело вздыхаю от необходимости снова идти в морозную темноту. Прежде чем выйти, снимаю с плеча ружье — все равно оно мне только мешается, и использовать его в качестве дубины, когда есть шест, глупо. Глубоко вдыхаю прогретый воздух и, задержав дыхание, шагаю сквозь ворвавшийся морозный пар в открытую дверь.

Пробегаем через двор за стену дома. Труп лежит как и лежал, и вполне возможно, что мог бы так и пролежать необнаруженным до рассвета. Однако раз пришли, нужно прибрать.

— Может, в хлев его, боярин? — предлагает Савелий.

— Где прячут лист? — выдаю вдруг возникшую мысль.

— Ась? — не понимает гвардеец.

— На телегу его, — говорю без лишних объяснений. Лишь мотивирую коротко: — Туда ближе.

Хватаю мертвяка за ноги, Савелий подхватывает подмышки.

— Погоди, — подхватываю валяющийся тут же серый кафтан, бросаю на труп и, зажав посох подмышкой, снова берусь за ноги.

Подтаскиваем к телеге и, размахнувшись, словно мешок забрасываем поверх груды тел.

Подумавав, сдергиваю с трупа сапоги, чтобы не отличался от остальных, и забрасываю их под телегу. Снова подбираю слетевший на снег кафтан, и в этот момент раздается скрип открывающейся двери. Савелий шустро прячется за телегой. Я успеваю только отвернуться и набросить поверх дубленки кафтан, понимая, что капюшон на голове все равно вызовет подозрение.

— Мыкола, ты, чи ни? Тоби Панас кличет.

— Ни, це не он, — отзываюсь, берясь за прислоненный к телеге посох. — Вин у сарайке нужду справляет.

— Це хто? — звучит непонимание в голосе, и порошки начинают скрипеть под грузными шагами. — Кирьян, ты, чи ни? Ты шо там робишь с мертвяками?

— Лешко, бисов сын, чого хату видчинил? — кричит еще кто-то и следом слышится стук захлопнувшейся двери, отсекающий гомон голосов из дома.

А снег под ногами Лешки скрипит уже в паре метрах за моей спиной.

— Чи не Кирьян? — снова вопрошает он. — Це хто?

— Це некрофил, — произношу утробным голосом и с разворота бью любопытного

мужика посохом по голове.

Попадаю чуть ниже уха. И по звуку, и по отсушенным ладоням ощущение такое, будто врезал по бетонному столбу. Однако жердина выдержала, не переломилась. Голова бандита, похоже, тоже.

Передо мной стоит практически квадратный бугай с лысой головой, растущей прямо из плеч, без малейших признаков шеи. Он застыл с вытаращенными рыбьими глазами и открытым ртом.

Отступаю и упираюсь спиной в телегу, вернее в свисающую через край чью-то руку. Быстро скашиваю глаза направо и налево, соображая в какую сторону убегать, когда этот боров ринется на меня. Снова бить его этой жалкой палочкой не возникает даже и мысли.

И тут глаза здоровяка закатываются, и он, словно опрокинутый шкаф, падает навзничь. Внутри меня будто ослабляется какая-то пружина — руки и ноги слабеют и начинают мелко дрожать.

— Савелий, — хриплым полусшепотом зову гвардейца, не узнавая собственного голоса.

— Здесь я, боярин, — он и правда уже стоит рядом с оголенной саблей в руке. Не сводя взгляда с поверженного, кивает на телегу: — Этого туда же?

— Нет. Этот будет слишком замечен, — отклоняю предложение, думая на самом деле о том, что вряд ли смогу закинуть вверх такую тушу. — Хватай его за ноги и волоки за вон тот сарай.

Проследив, как Савелий тащит здоровяка в темноту, на все еще дрожащих ногах направляюсь к строению у ворот. И в это время из дома раздается истошный женский крик, хорошо слышимый даже через закрытые двери и окна. Кричит явно молодая женщина. Наверняка дочь погибшего хозяина усадьбы.

Не задумываясь назвал бы идиотом любого, кто поступил бы так же, как далее поступил я сам.

Сбрасываю полушубок, поднимаю и напяливаю серый кафтан. После полусекундного раздумья цепляю ножны с саблей. Беру ставшую родной жердину и решительным шагом направляюсь к крыльцу.

И снова женский крик и мужская ругань. Определяю, что кричат в правой половине дома.

— Боярин, — останавливает меня окрик Савелия, когда, уже поднявшись на крыльцо, собираюсь открыть дверь. — Ты куда?

Действительно, куда это я? Однако гвардейцу говорю:

— Беги к Светлейшему. Доложи, что в доме сильно кричит дочка боярина. Если хотят застать ее живой и непорочной, то пусть поспешат.

Не обращая больше на Савелия внимания, открываю дверь и переступаю порог. Попадаю в просторное помещение, освещенное масляными светильниками. Бросаю взгляд вправо, откуда, как мне показалось, доносились крики. Но в той стороне глухая бревенчатая стена, у которой стоит длинный стол. На лавках сидят несколько человек. Кое-кто уже поворачивается в мою сторону. Пригибаю голову, надеясь, что так бандитам будет труднее меня разглядеть, и направляюсь к противоположной стене. Передо мной сразу несколько дверей, ведущие невесть в какие помещения. Логика подсказывает, что мне в крайнюю правую. Буквально ощущаю пристальные взгляды из-за стола. Тяну за массивную ручку на себя и быстро скрываюсь за отворившуюся дверь. Притворяю ее за собой и оказываюсь в крошечной темноте. Куда это я попал?

Грохот и ругань справа, значит мне туда. Вот и щель вокруг закрытой двери светится. Ни на что не наткнувшись в темноте, прохожу на свет.

— На кой Чиниге ция дивчина? — доносится из-за дверей злой голос. — Вин с паном генералом утек уже мабуть и нас туточки бросил. Видцепись, Панас. Дай хлопцам позабавиться. Може, завтра полягем уси як один. Видцепись, не доводы до греха.

Бесшумно открываю дверь и вижу троих бандитов, стоящих ко мне спиной. Перед ними невысокий мужичок с грозным выражением на морщинистом лице. Черные с проседью волосы всклокочены, в глазах недобрый блеск. За его спиной кровать, на которой поправляет многочисленные одежки заплаканная девчонка, на вид лет шестнадцати-восемнадцати. Толстая рыжая коса наполовину распущена, не рассыпалась совсем лишь благодаря вплетенной голубой ленточке, завязанной на конце маленьким бантиком. В больших зеленых глазах смешались ужас и непонимание случившегося, словно девушка не верит в происходящий с ней кошмар.

— Где Недранец? — завидев меня, зло орет заслоняющий девушку мужик.

Но я уже смотрю на расprostертую на полу пожилую женщину. Седые пряди волос залиты кровью. Рот слегка приоткрыт, в открытых глазах словно бы застыла мольба о благоразумии.

Снова перевожу взгляд на бандитов. Трое уже поворачивают головы в мою сторону. Трое... Как три столба у дядьки на дачи. Три ненавистных столба, о которые я не единожды отсушивал руки, не понимая, зачем мне это надо, но не решаясь перечить родственнику.

Перехватываю шест так, будто держу флагшток, и поднимаю, заводя правую руку за правое ухо. Шагаю вперед и следом наношу удар в вершину среднего столба. Конец шеста врезается в висок повернувшего голову бандита. Намеренно неглубоко вкопанный столб падает, и я встаю на его место, перехватив шест так, словно иду в штыковую атаку.

Будь в моей жердине положенные два метра, сейчас предстояло бы развернуть корпус влево и следом крутануть шест, нанося одновременный удар противоположными концами по столбам. Но вовремя соображаю, что полутораметровой палкой обоих противников не достать. Благо они еще не успели сообразить, что происходит, и с недоумением смотрят на меня.

Делаю шаг вправо. Правую ладонь перемещаю к левой, опираю центр шеста на правый локоть, поворачиваю корпус влево,двигаю следом локоть, придавая ускорение шесту и бью под основание черепа ближайшего врага. Он уже летит головой в кровать, а я, толкнув локтем шест дальше, перехватываю его словно двуручный меч, с размаху наношу удар по третьему «столбу». Однако тот успевает присесть и пропустить жердину над головой, одновременно хватаясь за рукоять сабли.

Ослабляю правую ладонь и продергиваю через нее шест, уменьшая крутящуюся лопасть, гася тем самым ускорение. Шагаю навстречу замахивающемуся саблей противнику и, резко протолкнув шест через расслабленную правую ладонь, наношу удар в плавающие ребра. Достая врага только почти полностью вытолкнув жердину, потому удар получается не очень сильным. Но, похоже, я поймал его на вдохе при замахе саблей, и этого хватило, чтобы парализовать работу легких. Без жалости добиваю ударом по темечку.

Поворачиваюсь к мужику, который, как мне казалось, защищал бедную девушку, и еле успеваю заслониться жердиной от удара саблей. Сделав изрядную зарубку в центре моего боевого шеста, бандит снова вскидывает клинок. Отскакиваю назад, заставляя сделать его шаг следом, и выбрасываю навстречу шест. Однако шустрый мужик уворачивается, хватает

левой рукой за конец жердины, а я еле успеваю отдернуть руку. На том месте, где только что была моя ладонь, появляется новая зарубка. Не отводя руку для следующего удара, бандит пытается полоснуть лезвием по моей второй руке, а когда я окончательно отпускаю шест, бросается вперед, целя саблей в горло. Отстраняюсь и падаю, споткнувшись о тело одного из поверженных ранее бандитов. Ухожу кувырком назад, больно ударившись бедром об угол какой-то низенькой табуретки. Этой же табуреткой запускаю противнику в голову. Чернявый опять успевает увернуться, но у меня появляется возможность подняться и перемахнуть через массивный стол.

Все-таки хорошо, что сменил полушубок на более легкий кафтан — в дубленке так не покрутился бы.

Хватаюсь за длинную лавку, намереваясь ею прихлопнуть таки надоевшего мужика. Однако, приподняв ее, понимаю поспешность решения. Сил хватает только на то, чтобы взвалить тяжелую лавку на стол. Противник по ту сторону стола с удивлением смотрит на мои действия, не понимая, для чего я горожу эту баррикаду. Воспользовавшись его удивлением, падаю и, перекатившись под столом, дергаю мужика за обе ноги, стараясь задрать их как можно выше. Оторвавшись от пола, он взмахивает руками, и сабля улетает к противоположной стене. Но далее отмечаю, что падает бандит умело — поджав подбородок к груди и амортизируя ладошками раскинутых в стороны рук.

Продолжая крепко удерживать его ноги, чтобы не дать подняться, лихорадочно соображаю, как выпутаться из сложившейся ситуации.

Неожиданно противник резко поджимает колени к животу. Не удержавшись, падаю на него и, получив удар ступнями в грудь, отлетаю назад под стол. Чернявый, перевернувшись со спины на четвереньки, бросается к отлетевшей сабле. Я ныряю к своей жердине, которая лежит возле мертвой старушки в луже крови, натекающей из пробитой головы. Не сразу решаюсь схватить шест, но, видя, что противник уже поднял саблю, берусь за липкое от крови дерево и поднимаюсь ему навстречу.

— Мамочки, — доносится с кровати слабый голосок.

Мой взгляд останавливается на девушке, жмущейся к бревенчатой стене. Она смотрит на меня полными ужаса глазами, закрыв ладошками рот. Мелькает мысль о том, что непонятно зачем люди в шоковых ситуациях закрывают рот ладошками, словно боятся чего-то неконтролируемого и многоэтажного.

Боковым зрением отмечаю, что чернявый бросается в атаку, заведя клинок для удара со спины, лишая меня возможности своевременно защититься.

Продолжая смотреть в большие зеленые глаза, развожу руки в стороны по жердине, размазывая по ней кровь. Ощувив правой ладонью торец, с силой проталкиваю шест сквозь левую ладонь, определяя направление периферийным зрением.

— Мамочки, — снова произносит сквозь ладошки девушка, когда сабля, выпавшая из безвольной руки, отскакивает от моего предплечья и падает на пол, а бандит с перебитой гортанью заваливается навзничь.

Капелька пота стекает с брови, попадает в глаз и начинает щипаться. Машинально провожу по вспотевшему лицу правой ладошкой, поздно сообразив, что она густо измазана кровью.

— Мамочки, — в очередной раз слышу полный ужаса возглас, когда отнимаю ладошку от лица.

— С тобой все в порядке? — спрашиваю зеленоглазку, понимая абсурдность своего

вопроса. Какое тут нафиг «в порядке», когда зарубили отца, проломили голову няньке, а саму чуть не изнасиловали? А тут еще какой-то перепачканный кровью псих с палкой задает дурацкие вопросы... М-да...

— Ты меня не бойся, — снова обращаюсь к девушке. — Я пришел тебя освободить.

За дверью что-то падает, слышатся крики и топот. Поздно соображаю, что можно было запереть дверь, задвинув массивный кованный шпингалет. Однако двое вломившихся спинами вперед хлопцев исправляют мое упущение. Заперев дверь, они затравленно озираются. От вида валяющихся бездыханных тел и меня в кровавой маске нижние челюсти бандитов синхронно опускаются вниз, а брови задираются кверху. Эти двое напоминают персонажей из некогда популярных «Маски-шоу».

— Вы по какому вопросу, хлопцы?

— Мы?

— Вы-вы. А ну, предъявите документы! — грозно бью окровавленным посохом об пол.

— Мамочки, — снова слышу писк за спиной.

— Яки документы? — подозрительно вопрошает один из мужиков, сжимающий в руках окровавленную саблю.

Это ж кого он порубать успел? Кого-то из наших? Или они меж собой собачатся? Второй безоружен. Значит этого с саблей нужно уделать первым.

— Я не понял, гастарбайтер, у тебя что, ксивы с собой нету? — делаю шаг вперед и пытаюсь шестом подбить руку с саблей. Но неудачно.

Бандиты, поняв, что перед ними враг, шустро обходят меня с двух сторон. Безоружный быстро наклоняется и поднимает табуретку, которую я несколько минут назад бросал в его предшественника. Рядом валяется сабля, но мужик почему-то хватается именно табуретку и немедленно кидает в меня. Уворачиваюсь недостаточно быстро, все-таки устал изрядно, и меня довольно чувствительно чиркает по затылку. А метатель табуретки уже схватил саблю.

Понимаю, что потерял из виду второго и наугад колю шестом за спину. Удар попадает в цель — жердина врезается в живот бандиту и тот сдавленно хэкает. Однако одновременно ощущаю хлесткий удар по спине, и от правого плеча по лопатке почти до поясницы будто бы пробежал холодок. Мелькает мысль, что вражина распорол одежду, но особо задумываться некогда, ибо приходится отбиваться от второго бандита. Отмахнувшись шестом, отскакиваю к кровати, чтобы видеть обоих.

Дверь начинает содрогаться от ударов. Слышу голос Федора. Перехватываю жердину за конец и, замахнувшись, бросаюсь на того, кто полоснул меня по спине. Мужик отскакивает, но мне это и надо. Подбегаю к двери, вышибаю шпингалет и пинаю дверь, одновременно выкидывая ставший вдруг невероятно тяжелым шест в сторону бросившегося на меня бандита. Тот отбивается саблей, и жердина выпадает из онемевшей правой руки. По спине течет что-то теплое и неприятное, чую что и джинсы и трусы уже изрядно промокли. Кто-то отстраняет меня, но не могу разобрать кто. В глазах темнеет, в ушах стоит шум — ощущение такое, будто оказался под водой.

— Боярин ранен, — сквозь толщу воды доносится голос гвардейца Савелия.

Неожиданно понимаю, почему мне его имя и голос казались знакомыми. Это ж этот самый Савелий навалился тогда под прибрежными зарослями, когда Алексашка обвинил меня в предательстве, и он же потом всю дорогу отвешивал тумачи, и, в конце концов, приложил так, что я звезданул лбом оземь, и потерял сознание.

Абсолютно ничего не видя сквозь пелену искрящегося мрака, наклоняюсь, желая

нащупать выроненный шест и врезать им по зубам Савелию, и обессилено падаю на пол. Сознание милостиво покидает меня, одарив напоследок мыслью, что весь этот кошмар всего лишь приснился.

Даже сквозь закрытые веки проникает яркий свет. Удивительно знакомые звуки. Что же это такое? Ах да, это же шелест полозьев по зимней дороге, перемежающийся с цокотом копыт. Пару дней назад я так же очнулся под такие звуки в санях, которыми правил Алексашка, а рядом с ним сидел Светлейший Князь. Неужели все начинается заново? Может, аппарат этого чеканутого Сэма засунул меня в какую-то временную петлю, и я теперь буду постоянно просыпаться в санях с этими доисторическими персонажами? И буду участвовать в их кровавых разборках, пока меня не убьют?

Убьют?

Меня убили?!

То-то я чувствую себя так хреново... Причем, не так хреново, как с бодуна, а так хреново, как будто умер.

Хотя, если все-таки себя чувствую, да еще и хреново, значит не умер.

Вот сейчас открою глаза и увижу спины князя и его денщика...

Ух ты, какая милашка! Похоже, в этот раз меня забросило в другой мир, гораздо более прекрасный. По крайней мере, ехать в одних санях с этой милой зеленоглазкой куда приятнее, чем с угрюмым бородачом Алексашкой.

Вот только чего же мне так хреново-то? И невыносимо хочется пить. Пытаюсь попросить водички, но из пересохшего горла раздается лишь еле слышное сипение.

— Ой, Федор Савелич, — поворачивается в сторону хода саней зеленоглазка. — Дмитрий Stanisлавович в себя пришел. Кажется, водички просит.

Девушка склоняется надо мной. Пытаюсь улыбнуться, но мышцы лица слабо слушаются, и на нем, скорее всего, отображается плаксивый оскал.

Сани останавливаются. Слышатся мужские голоса. Лицо девушки исчезает и вместо него на меня теперь смотрят Федор с князем. Они что-то говорят, но в голове начинает шуметь, и сквозь этот шум доносится лишь неясное «бу-бу-бу».

Кто-то приподнимает мне голову, и я чувствую, как в рот начинает вливаться живительная влага. С жадностью пью, чувствуя, как каждый глоток отдается тянущей болью в правом плече. Утолив жажду, проваливаюсь в забытие.

Прихожу в себя от запаха водки. Почему-то лежу на животе. Лежу на чем-то жестком, застеленном белой материей. Опять мучает жажда. Кто-то проводит чем-то мокрым и ужасно холодным от плеча до низа лопатки, и в этом месте начинает нестерпимо жечь и зудеть.

— Вот и хорошо, вот и чудненько, — раздается надо мной чей-то бас, и я чувствую, как протыкают кожу на плече.

Когда-то, еще в той жизни, решил вставить в форточку на кухне вентилятор. Снял штапик, но стекло выниматься не желало — хоть и болталось свободно, но цеплялось за засохшую замазку. Пришлось спуститься с табуретки за отверткой, которой намеревался соскоблить замазку. И в этот миг стекло вдруг выпало само и, рубанув по плечу, довольно сильно рассекло кожу. Поняв, что сам подобную рану не склею, кое как обмотался эластичным бинтом, который всегда лежал в моей спортивной сумке, и отправился в ближайший травмпункт. И вот тогда так же лежал на животе, а доктор протирали рану каким-

то раствором, шипящим мне в ухо, после чего протыкал онемевшую кожу кривой хирургической иглой и щелкал над ухом ножницами.

Но тогда я не обращал внимания на процесс операции, ибо находился под впечатлением выходки молодой медсестрички. Она подкралась сзади, когда доктор только начал промывать рану, резко сдернула с меня трусы и вlepила ладошкой по заднице звонкую оплеуху. Я обалдел! И что примечательно, доктор никак на это не отреагировал. Нет, если бы мы с ней были в кабинете одни, то можно было бы расценить выходку, как весьма своеобразную попытку заигрывания. Но при докторе... Я даже предполагал, что это такой прогрессивный способ шоковой анестезии. Не ну, а чего? Вот, к примеру, если бы она передо мной стриптиз танцевала, то наверняка под шумок доктор смог бы мне не только плечо заштопать, но и какой-нибудь аппендицит вместе с гландами вырезать.

Лишь через пару лет узнал от знакомой медички, а вернее увидел, когда пригласил ее к одному неосторожному товарищу, поймавшему «насморк» на свой «пятый элемент», что подобным шлепком просто-напросто вгоняется игла шприца в плоть. М-да, как говорится...

Промелькнувшее воспоминание обрывается новым уколом иглы и зудящим протягиванием через прокол хирургической нити. Б-р-р-р — чувствую, как кожа покрывается мурашками. Об анестезии здесь, похоже, не слышали. Даже о шоковой. А о стерилизации-то хоть слышали? Хотя, водкой же протирали.

Щекоча кожу у основания шеи, скатывается капелька влаги. Скашиваю глаза и вижу расплывшееся по белой материи кровавое пятно.

Дергаюсь от очередного укола.

— Очнулся боярин, — то ли констатирует, то ли спрашивает басок надо мной. — Ефрем, положи бинты и поди доложи воеводе.

Скрипят половицы и, шелохнув неподвижный до этого воздух, отворяется и снова закрывается дверь.

С чего этот местный хирург решил, что я очнулся? И какой еще воевода? Куда меня опять занесло?

Делаю попытку приподнять голову, но от усилия в глазах темнеет, и вновь утыкаюсь лбом в жесткое ложе.

— Лежи-лежи, боярин, — басит сверху, и чья-то тяжелая рука ложится мне на загривок.

— Сильно меня порезали? — кое-как собравшись с силами, задаю волнующий вопрос.

— Пустяковина. Только шкуру рассекли, — успокаивает лекарь, делая очередной узелок. — Плохо то, что кровушки многовато вытекло. Теперь лежать тебе смирно не меньше недели.

Хочу спросить, где Светлейший и остальные, но снова распаивается дверь и в помещение входят, судя по топоту, несколько человек.

— Пришел в себя? — спрашивает кто-то.

— Пришел, — подтверждает лекарь. — Но слаб очень. Ему сейчас даже говорить не след, ибо сил очень мало.

— Ну, так делай все что надо, только чтобы выжил боярин. Очень уж Светлейший Князь о его здоровье беспокоится, — говоривший подходит, наклоняется и заглядывает мне в лицо.

Скосив глаза, вижу упитанное лицо заросшее темно-русой с проседью бородой, и с аккуратно подстриженной челкой.

— Ну, коли слаб и говорить не может, то не буду и я князя без нужды беспокоить. Хоть и наказывал он сообщить, ежели какие новости о здоровье боярина будут, но сообщу, когда

проснется.

Из слов бородача понимаю, что князь жив и невредим, и этот факт меня радует, ибо понимаю, что его благорасположение может пригодиться еще не единожды.

— Пить, — прошу, не в состоянии больше терпеть жажду.

— Сейчас, боярин. Потерпи малость. Сейчас перевяжем, и напьешься, — лекарь накладывает мне на лопатку что-то липкое и холодное. После чего, вероятно обращаясь к вошедшему, говорит, — Ты бы, Афанасий Егорыч, распорядился, чтобы водицы с медом намешали для питья больному, ему сейчас пить много надо. Да бульончик куриный пусть сварят. И яблочек чтобы терли ему. Только не загодя, а сразу чтобы ел. Не то руда окислится, а она для крови необходима.

— Ты чего это, Илюха, воеводе указания даешь, аки смерду какому? — возмущенно прерывает наставления новый голос, доселе молчавший. — Нешто место свое забыл?

— Я свое место знаю, боярин, — спокойно басит в ответ местный хирург. — Я лекарь, и в своем деле могу царям распоряжения давать. Вот случится у тебя напасть какая, попробуй тогда возмущаться против лекарских наказов и кому на каком месте быть указывать.

Воевода говорит что-то примирительное обоим, но я не слушаю, ибо пытаюсь вспомнить, где слышал этот надменный голос, который только что наезжал на моего лекаря?

Меня приподнимают и начинают перевязывать. Получаю возможность обозреть помещение, и первым делом бросаю взгляд в сторону говоривших. Однако они уже выходят, и я вижу лишь спины.

— Пить, — снова требую пересохшими губами.

На этот раз просьбу удовлетворяют и подносят к губам ковшик с чистой водой.

Пока пью, появляется мысль о том, что в этом мире меня постоянно преследует жажда. В ту первую ночь на постоялом дворе так же сильно хотелось пить. Вспомнив о той ночи, вспоминаю и где слышал этот голос. Вышел тогда по малой нужде за угол бревенчатого сарая и случайно услышал, как обладатель этого голоса давал указания кому-то, сообщить какому-то князю, мол, Петька (скорее всего, имелся ввиду Светлейший) знает о причастности к заговору каких-то Бельских. В водовороте последующих событий, я об этом сразу и забыл. Да и не собирался вмешиваться в местные княжеско-боярские интриги. Но теперь-то, думаю, лучше сообщить Светлейшему обо всем. А там пусть сам разбирается.

Однако рассказать о таинственном заговорщике не получилось. Когда я очнулся в следующий раз и попросил пить, бородастый мужик поднес к моим губам плошку с медовой водой и крикнул кому-то, чтобы сообщили воеводе.

Вместе с воеводой пришел и Петр Александрович.

Он что-то говорил, но я, в отличии от прошлого пробуждения, чувствовал себя неважно, поэтому лишь тупо пялился на него, не воспринимая большей половины слов. Дошло до меня только, что ему необходимо срочно ехать в столицу, что по пути надо забрать Алексашку, и что со мной он оставляет какого-то старшину. Напоследок князь сжал рукой мое предплечье, пообещал, что мы еще повоюем, и удалился.

Трое суток провалялся в полубредовом состоянии. Передо мной маячили лица бородастого мужика, лекаря и, почему-то, Савелия. Бородастый мужик был кем-то вроде медбрата. Он постоянно находился подле кровати, подавал мне питье и помогал лекарю. Лекаря все, от Воеводы до прислуги, называли просто Ильей, или Илюхой. Лицом он удивительно похож на певца Розенбаума. Если бы не густой бас, то у меня могла бы

появиться мысль о знаменитом попаданце. Тем более, что тот по образованию врач. А жаль, что не он. Попросил бы его спеть «Вальс-бостон».

А вот что здесь делает гвардеец, и почему он не сопровождает князя со товарищами — непонятно. Небось, подозрительный Алексахка приставил следить за мной. Ну что ж, будет случай, я этому Савелию припомню все оплеухи. Не, я не злопамятный, но обид не забываю.

А куда, кстати, делся сам Меньшиков? Откуда его собирался забрать Светлейший? Остался в разгромленном имении? Для чего? И как там все сложилось в драке с бандитами? То, что мы победили — понятно. Но хочется узнать подробности. Куда, например делась та зеленоглазая девчонка?

На большинство вопросов дал ответы тот же Савелий после того, как я наконец-то немного оправился и почувствовал в себе силы, достаточные для разговора.

В первую очередь узнал, каким образом удалось освободиться из плена. Все оказалось до неправдоподобного просто. Пленные нами Савин и Чинига отдали приказ своим хлопцам уходить в заброшенное имение и дожидаться там. Чтобы не выглядело слишком подозрительно, оставили шестерых, включая тех, что уже валялись связанными в сарае. После чего одного заманили в сарай и присоединили к пленникам. Второго, что-то заподозрившего, гвардейцы догнали уже на улице и зарубили. На удачу еще двое грелись в это время в избе. Там их и отправили к праотцам без лишних проволочек. Нет ну, я всегда был согласен с кредо, мол, кто с мечом придет и все такое, но все равно, когда вот так, без особых эмоций, словно жуков колорадских...

В усадьбе и вовсе легко справились. Тем более, что половина бандитов спали, и хоть и проснулись из-за поднятого шума, но заскочившие в опочивальню Алексахка со Степаном быстро уложили их обратно, но уже навеки.

Серьезное сопротивление оказали только двое казачков, один из которых позже ранил меня. Они же ухитрились ранить боярина Басманова и Савелия, но несерьезно — боярину слегка полоснули по груди, а Савелия по предплечью. Обоих бандитов зарубили в той же комнате.

Когда рассмотрели еще четыре тела, двое из которых оказались просто оглушены, и их пришлось добить, то подивились, что я один с ними справился. Ну не производил я впечатления воина. Поэтому когда Савелий сообщил о том, что я бросился один на выручку кричащей девушке, никто меня живым увидеть не надеялся. А когда позже успокоившаяся Алена — так оказывается зовут зеленоглазку — рассказала, что я побил вооруженных бандитов простой палкой, меня и вовсе зауважали. Светлейший заявил, что если я так дерусь обычной жердиной, то он не хотел бы сразиться со мной, когда в моих руках будет хороший клинок. А еще и Савелий показал на здоровяка, которого я уделал этой же палкой. Здоровяк кстати тоже очнулся, и ползал по двору на четвереньках, что-то мыча. Меньшиков ради эксперимента приложил его по затылку моей жердиной, но та переломилась-таки в месте, где ее рубанул чернявый, а здоровяку пришлось рубить шею более традиционным оружием.

Трупы хозяина усадьбы и холопов занесли в дом, а трупы бандитов складировали во дворе. Я к тому времени уже перевязанный лежал в беспамятстве на кровати, на которой давеча сидела напуганная девушка.

С рассветом князь отправил Алексахку со Степаном за оставленным привязанным к лавке Евлампием Савиным, отдав им двух, оказавшихся под седлами, лошадок.

Еще четырех лошадей попарно запрягли в сани-розвальни и в возок с мягким диваном.

Меня погрузили в сани, поручив уход Алене, которая держалась на удивление достойно,

не истерила и не выла в голос, а лишь изредка всхлипывала, вытирая редкие слезы. За вожжи взялся Федор. В возке поехали Светлейший Князь и Савелий.

К обеду уже были в Осколе. Но вот Меньшиков не появился ни к вечеру, ни к следующему утру, отчего Петр Александрович очень переживал.

Утром воевода крепости послал в имение отряд стрельцов для захоронения погибших. С ними, естественно, поехала и Алена, чтобы проводить в последний путь своего батюшку, а так же няньку, которая была при ней практически с самого Алениного рождения.

Тем же путем в сопровождении казачьей сотни отправились и князь с Федором Басмановым. Светлейший торопился в столицу и попутно намеревался разведать куда канул его верный денщик, и что стало со связанным изменником.

Савелия князь оставил при мне, как я понял в качестве телохранителя.

Что все же случилось с Алексашкой, гвардеец не знал, как не знал, вернулась ли в крепость Алена после похорон отца, или уехала обратно в столицу. Думаю, что, скорее всего, уехала. Иначе навестила бы меня. Ведь я, как-никак, спас ей жизнь. Хотя, кто их этих зеленоглазых знает?

После моих расспросов Савелий проявил неожиданно настойчивое любопытство по поводу того, где и каким образом я научился так фехтовать жердинами. Пришлось поведать, что к нам в монастырь приезжали по обмену опытом два китайских коллеги Джеки Чук и Чуки Гек, и преподали несколько уроков мастерства взамен на наши отечественные многоэтажные заклинания. Естественно гвардеец поинтересовался, мол, что за заклинания такие? Но я вновь сослался на загадочную амнезию, и посоветовал ему не лезть с расспросами, ибо могу непроизвольно вспомнить одно из заклинаний, последствия чего могут быть непредсказуемы. И вообще сие знание является великой государственной тайной, и с какой целью ее пытается выведать Савелий, мне непонятно. Мужик тут же залопотал что-то про свое невежество и глупое любопытство, и я отпустил его с миром, заявив, что устал и желаю отдохнуть.

Через день Яков со своим помощником Прохором меняли мне повязку. Лекарь зачем-то каждый раз нюхал снятые бинты и удовлетворенно кивал, словно по запаху определяя процесс заживления.

По его рекомендации я пил много жидкостей — в основном медовую воду и разбавленное красное вино.

Еще по рекомендации того же Ильи ежедневно Прохор потчевал меня протертой вареной печенью, смешанной с тертыми яблоками. Ужасное блюдо, что по внешнему виду, что по запаху. Я и так-то не был особым любителем печени, а после того, как пожил пару месяцев с одной фанаткой блюд из этого органа, то чуть не стал вегетарианцем. Первое время мне в любом куске мяса чудился запах печени. Но постепенно при помощи хороших вин и свиных шашлыков на ребрышках снова вернулся к нормальному человеческому питанию и даже мог сжевать несколько кусочков жареной печени. Но то, что увидел в миске, поставленной передо мной Прохором... Если запах жареной печени напоминал мне сгоревший автомобильный ручник, то запах печени протертой с яблоком напоминал именно то, на что это блюдо походило внешне. Я крайне небрезгливый человек, и благодаря этому, вкупе с заверениями лекаря, что в данной массе содержится залог быстрого выздоровления, ежедневно съедал большую миску пахучего светло-коричневого месива.

Наконец мой организм окреп настолько, что я смог выйти из дома.

В том мире я часто бывал в Осколе, и было любопытно увидеть его в качестве порубежной крепости. Жаль, что никогда не интересовался историей родного края. Помню только, что изначально существовал некий усть-ублинский дозор. Затем, кто-то из государей оценил перспективность этого места и велел поставить крепость. Так как для крепости скрытности не требовалось, то поставили ее не на месте бывшего дозора в устье речки Убля, а на возвышенности у слияния рек Оскол и Осколец.

Невысокое крыльцо выходит на большую площадь, вокруг которой без всякого порядка расположены однотипные рубленые дома в два этажа. Пока я валялся в постели, на дворе значительно потеплело. Снег частично растаял, превратив дороги в неприятное грязное месиво, которое и встретило меня при выходе из дома воеводы. Несколько человек движутся в разных направлениях, хлюпая и чавкая промокшими ногами. Низкое пасмурное небо, давящее сверху серыми тучами дополняет мрачную картину, словно сошедшую с полотна какого-нибудь Репина. Или кто там рисовал суровую Российскую действительность?

Оценив царящее вокруг безобразие, теряю желание прогуляться по крепости. Но и сидеть в доме больше не вмоготу. Пересилив себя, ступаю с крыльца в мокрый снег. Почва еще замерзшая, потому грязи особо нет, но после нескольких шагов ботинки промокают, и проникшая в них влага неприятно холодит ноги. В душе закипает злость на местную администрацию в лице воеводы и других командиров. Нет, ну что за разгильдяйство?! Неужели нельзя было вовремя почистить снег? Чем у них тут солдаты в свободное от несения караула время занимаются?

— Савелий, — обращаюсь к чавкающему сзади гвардейцу. — Когда последний раз снег выпадал?

— Дней десять уже как.

— И что, нельзя было его убрать?

— Как это? — вопрошает тот, после долгой минуты раздумья.

Промолчав, зло шагаю через площадь, высоко задирая ноги, чтобы не загребать ботинками снежную кашу. Миновав какое-то здание, у крыльца которого толпятся солдаты в точно таких же серых кафтанах и войлочных шапках, как у напавших на нас бандитов, останавливаюсь, озираясь по сторонам. Почему-то ожидал, что попаду на улицу, которая куда-нибудь да выведет. Но улиц здесь, похоже, нет. По крайней мере, я не вижу никакого порядка в разбросанных как попало деревянных домах.

За окружающими площадь двухэтажными домами находятся домишки поменьше, крытые в основном соломой. Из труб курится дымок, растворяющийся в низком небе. Вокруг домов нет никаких заборов, огораживающих частную территорию.

В какую же сторону мне прогуляться? Площадь наверняка является центром крепости. В моем мире в центре Оскола есть только одна площадь, что около бывшего ДК «Октябрь», в которую упирается улица Ленина. Но вряд ли это та же самая площадь, ибо от «Октября» начинается резкий спуск по бывшему крепостному валу к Оскольцу и слободе «Ямской». Здесь же никакого спуска не видно. Да и по краю вала должна стоять крепостная стена. Где, кстати, стена?

— Дмитрий Станиславович, рад тебя видеть в добром здравии, — раздается голос воеводы. — А я вот все никак не мог выбрать время, чтобы зайти к тебе для беседы. Надеюсь, сегодня освободиться раньше. Очень уж любопытные истории о тебе поведали Петр Александрович и Федор Савелич. Хотелось бы самолично послушать.

Воевода, вероятно, вышел из того дома, возле которого топчутся солдаты. Рядом с ним

какой-то худой человек с крючковатым носом, одетый в долгополую песцовую шубу и высокую меховую шапку.

— Да надоело мне, Афанасий Егорыч, на кровати валяться. Все бока уже отлежал. Решил пройтись, подышать свежим воздухом.

— Нешто в избе воздух не свеж? — прищурил глаз худой, и я сразу узнал по голосу заговорщика с постоянного двора. Странно, но я его там не видел, иначе такого точно не забыл бы. Но голос-то точно тот.

— Где-то мы встречались с тобой, боярин, — решаю уточнить на всякий случай.

— Не видывал я тебя доселе.

— А той ночью, когда на Светлейшего Князя покушались, разве не тебя я встретил во дворе?

Худой вздрагивает и еще сильнее прищуривает полыхнувшие злобой глаза, подтверждая тем самым мои подозрения.

— Не было меня в яме, — восклицает он.

— В какой яме? — не понимаю я.

— Никита Олегович из столицы прибыл аккурат перед вашим появлением. Так что, попутал ты его с кем-то, Дмитрий Станиславович, — разводит руками воевода.

— Да? Ну, значит, точно попутал, — соглашаюсь, не желая раньше времени обострять ситуацию. И, чтобы перевести разговор на другую тему, говорю: — Сыровато у вас тут для прогулки. Наверное заняты все чрезмерно, оттого и снег в крепости не убирается.

— Куда снег не убирается? — не понимает воевода, и тут же советует: — А ты, Дмитрий Станиславович, на стену поднимись. Там хоть и ветрено, зато сухо.

— Непременно поднимусь, — обещаю воеводе. — Только я ж здесь впервые.

— Так идите к стрелецким воротам, — указывает рукой тот. — Ну, так встретимся вечерком за ужином. А мы, Никита Олегович, пойдем, займемся твоим делом.

Воевода с подозрительным боярином направляются к ближайшей избе, а я, сопровождаемый Савелием, двигаюсь обратно через площадь в указанном направлении. Вскоре сквозь висящую в воздухе сырую мглу начинаю различать высокую деревянную башню, увенчанную четырехскатной крышей, и примыкающие к ней рубленые стены. В основании башни большие ворота, внутренняя створка которых — огромный щит из бревен — поднята на блоках и удерживается двумя толстенными цепями. Наружные створки просто распахнуты. Из любопытства направляюсь в проход между наружными и внутренними воротами. С правой стороны сквозь прямоугольные бойницы на нас смотрят три орудийных жерла. В воротах нет ни единого человека. Лишь вниз по склону удаляется группа всадников, проехавшая перед нами. Порываюсь было спросить сопровождающего меня гвардейца, почему нет охраны в воротах, но сдерживаюсь, не желая выказать какую-нибудь глупость. Вместо этого спрашиваю:

— Наверх-то как подняться?

Мы возвращаемся, и Савелий указывает на двери во внутренней части стены рядом с башней. Через них проходим в помещение, в котором и установлены те три пушки, жерла которых я только что разглядывал. В дальнем темном углу что-то перебирают двое солдат. Глянув на нас, они продолжают заниматься своим делом.

По крутой лестнице, представляющей собой два бревна с врезанными в них ступенями, поднимаемся на следующий этаж. Здесь тоже установлены три пушки. Только две из них направлены в боковые бойницы, смотрящие вдоль стен. Перед средней, более крупной

пушкой лежит горка ядер.

— Почему один? — спрашивает у находившегося здесь солдата Савелий.

— Дык, воевода ж распорядился, господин гвардейский старшина, — бодро отвечает тот.

Внимательно осматриваю своего телохранителя и не нахожу никаких отличительных знаков, по которым можно определить звание. Может, солдат просто знаком с Савелием.

— Отчего же так? — решаю тоже проявить озабоченность ситуацией.

— Дык, слободы порушенные отстраивать надо, боярин. Да и ворога далеко отогнали. Но ежели что, вмиг все войско в остроге соберется.

— Ну, хорошо, коли так, — одобрительно киваю и ступаю на лестницу, ведущую выше.

На следующем этаже так же три пушки, но направлены стволами в сторону степи. По бокам открытые проемы, ведущие на стены.

Поднимаемся еще выше и оказываемся на дозорной площадке. Здесь возле единственной пушки, зябко кутаясь в кафтаны, топчутся двое воинов. По периметру примерно по грудь бревенчатое ограждение. Над головой четырехскатная крыша, установленная на восьми столбцах. Метрах в двухстах с обеих сторон возвышаются такие же башни.

— Как служба, молодцы? — изображаю из себя высокий проверяющий чин. Киваю в сторону степи: — Не видно ли чего подозрительного?

— А чего там нонче можно увидеть? — ничуть не смутившись, отвечает тот, что постарше. — Таперича вражина не скоро объявится. Даст Бог, при нашей жизни с энтой стороны больше не припрется.

Немного потоптавшись на пронизывающем сквозняке, спускаюсь с дозорной площадки и выхожу на стену. Стена шириной метра три. С наружной стороны бревенчатый сруб поднимается по грудь. Через каждый шаг в нем проделаны небольшие квадратные бойницы со скошенными наружными краями, вероятно, для увеличения угла обстрела. Над головой односкатный навес, установленный на столбах.

Осматриваю подступы к стене. Сама стена высотой с трехэтажный дом. Далее крутой склон, опускающийся в нечто, напоминающее опоясывающий крепость ров. Сейчас ров замерз и засыпан снегом, но все равно угадывается. Через него к воротам перекинут деревянный мост. Далее еще один мост пересекает русло скованной льдом реки.

— Это река Оскол? — спрашиваю у Савелия.

Тот утвердительно кивает.

— А это Стрелецкая слобода? — показываю на раскинувшееся внизу селение, и тоже получаю утвердительный ответ.

Примерно представляю, в каком месте города из моего времени нахожусь, но не могу найти ничего знакомого. Да и не удивительно — несколько веков разницы, да и реальность другая. Фантастика, блин...

Не менее трети стрелецких хат разорены — из снега торчат обугленные, лишенные крыш срубы, кое-где сугробы и вовсе скрывают остатки бывшего жилья.

Однако, несмотря на снежную зиму, порубежники уже восстанавливают свое жилье. Повсюду суетятся люди, подъезжают подводы, груженные бревнами для срубов и стропильным лесом.

От промозглого ветра глаза начинают слезиться. Наваливается ощущение сильной усталости. Вероятно, я еще слаб для подобных экскурсий.

Держась рукой за стенки, спускаюсь вниз. Савелий идет следом, громко сопя прямо в ухо.

— Никак тебе худо, боярин? — спрашивает он, вероятно заметив мое состояние.

— Утомился малость, — признаюсь сопровождающему. — Пойдем-ка до хаты.

Шлепая по угнетающей слякоти, возвращаемся на площадь. Вдруг сзади слышится выстрел, и мою макушку словно бы обжигает огнем. Вскрикнув, падаю в раскисший снег.

Происходящее далее воспринимаю как сквозь пелену — что-то кричит Савелий, разбрызгивая грязное месиво, бегают какие-то люди. Меня подхватывают под мышки и куда-то волокут.

— Чепуховина, — доносится голос лекаря Ильи. — Череп цел. Только кожу содрало, так та нарастет, ежели в следующий раз насмерть не застрелят.

Просыпаюсь, судя по темени за окном, ночью. Около дверей привалившись к бревенчатой стене, спит сидя на лавке Савелий. От его дыхания огонек свечи, стоящей на столике, напоминающем скорее гигантскую табуретку, колышется, наполняя комнату трепещущим тусклым светом.

Сажусь и некоторое время переживаю приступ головокружения. Ощупываю перевязанную голову. Приходит осознание того, что чудом остался жив.

Но кто же в меня стрелял? И самое главное — почему? На ум приходит только тот неприятный худой боярин. Впрочем, чего гадать, когда можно спросить.

— Эй, Савелий, — громким шепотом зову спящего телохранителя. — Савелий.

— А? — встрепенувшись со сна, восклицает тот. Увидев, что я сижу, говорит: — Лекарь сказал, что тебе вставать пока нельзя, боярин. Горшок под кроватью, ежели нужду чуешь.

Обдумав услышанное, прислушиваюсь к внутренним ощущениям. Удивительно, но чувствую себя не в пример последним дням хорошо. Разве что слегка зудит рана на голове. И хочется есть. Сейчас я с аппетитом замолотил бы даже то неприглядное месиво из протертых морковки и печенки. Но лучше нормального мяса на ребрышках. И чтобы желтая такая разваристая картошечка. А для полного извращения еще мисочку со сметанкой. Такие детали, как ломти свежего белого хлеба и небольшой стожок всяческой зелени, нарисованные расшалившимся воображением, заставляют желудок дико заурчать и обратиться к гвардейцу моим голосом:

— Есть чего-нибудь пожрать? А то кушать очень хочется.

— Так вот же, — Савелий схватил со стола ковшик, — остыло уже. Лекарь наказывал, чтобы ты, боярин, непременно выпил, как проснешься. А то, почитай, скоро сутки не евши.

— Что это? — принимаюсь с подозрением, но, уловив аромат куриного бульона, забираю ковшик и с удовольствием глотаю густое варево. Не знаю, что там говорил лекарь, но твердо уверен, что чувство голода свойственно только здоровому организму.

Насытившись, возвращаюсь к тревожным мыслям.

— Надеюсь, того боярина, что в меня стрелял, поймали? — спрашиваю Савелия, откинувшись на подушку.

Гвардеец удивленно смотрит на меня, затем, мотая головой, произносит:

— Не ведаю о ком ты, Дмитрий Станиславович.

— Что значит, о ком? — удивляюсь в свою очередь. — В меня кто стрелял?

— Дык, то ж энтот, из молодых стрельцов. По баловству и недоразумению. Им давеча ружьишки выдали, а обучать недосуг. Вот и бахнул по неосторожности.

— Хренасе, по неосторожности, — восклицаю возмущенно, приподнявшись на локте, — Это что ж получается — я нынче мог глупо сгинуть от шальной пули стрельца-недоучки вместо того, чтобы геройски погибнуть от выстрела предателя боярина?

— Дык, плетей всыпали ужэ этому шалопаю, да в поруб заперли до утра, — словно оправдываясь, пожимает плечами гвардеец. — Дите он еще совсем. Не убивать же его?

М-да. Получается, что никто на меня не покушался. Почему же я не чувствую облегчения от осознания сего факта?

Утром чуть свет проснулся от громких голосов за дверью. Показалось, будто бы Савелий препирается с кем-то. Но сон отпустил меня не окончательно, и, повернувшись на другой бок, снова засыпаю.

В следующий раз разбудил помощник лекаря, заявив, что требуется осмотреть и перевязать рану. Занимаясь моей головой, мужик то и дело горестно вздыхает и что-то плаксиво бормочет себе под нос. Я сперва отнес его стенания к серьезности раны и даже расстроился. Однако если рана столь серьезна, то почему ею занимается не сам лекарь? И где мой телохранитель? За последние дни как-то привык, что Савелий всегда находится рядом.

— Слышь, мужик, обращаюсь к бородатому медбрату после того, как тот наложил на мою голову свежую повязку, — А где мой тело... В смысле, где Савелий? Почему его нет на месте? И почему меня не навестил Илья?

Бородач как-то странно посмотрел на меня, и его телячьи глаза неожиданно наполнились влагой, готовой вот-вот прорваться через веки.

— Ох, сгубил лихоимец благодетеля Илью Абрамыча, — проговорил, словно провыл он и, быстро семеня, удалился из комнаты.

Ничего не понимая смотрю на закрывшуюся за мужиком дверь. Что случилось с лекарем? И куда запропастился Савелий? И где мой завтрак?

Обуваюсь и встаю, отыскивая взглядом кувшин с водой и деревянное корытце, над которым гвардеец сливал мне на руки во время умываний. Ополоснув лицо, выхожу из комнаты.

С первого этажа доносятся тревожные голоса, среди которых различаю бас воеводы. Спускаюсь по крутым ступенькам и первым замечаю худого боярина, чей голос похож на тот, что слышал в первую ночь пребывания в этом сумасшедшем мире. Завидев меня, он зло щурится и поджигает верхнюю губу так, что реденькая бороденка смешно выпячивается вперед.

— Ты уж извини, Дмитрий Станиславович, что оставили тебя, болезного, без присмотра, — обращается ко мне воевода. — Да вишь какая беда приключилась. И как только этот злыдень в княжеские гвардейцы затесался? Ну, уж у нас он за все ответит.

— Да что случилось-то, Афанасий Егорыч? — не выдерживаю я.

— Так ты не знаешь ничего! — доходит наконец до воеводы. — Гвардеец-то, что Петр Александрович подле тебя оставил, злыднем оказался. Лекаря Илюху нынче ночью зарезал.

— Как зарезал? — вопрошаю окончательно опешив.

— А это ты у Никиты Олеговича спроси, — кивает воевода на крючконосого. — Кабы не он, неизвестно что еще этот злыдень натворил бы.

Перевожу взгляд на боярина. Тот еще сильнее поджигает бороду и цедит сквозь зубы:

— Окружил себя Светлейший невесть кем. В энтой его гвардии почитай одни воры да проходимцы собрались.

Вот это наезд!

— Может ты, боярин, и меня за проходимца считаешь? — надменно задираю подбородок и пытаюсь выразить взглядом как можно больше негодования таким бесцеремонным наездом на Светлейшего Князя.

— А я и не знаю тебя вовсе, — ничуть не смутившись отвечает тот. — Появился невесть откуда. Может и проходимец.

— Слышь, чувак, ты за базаром-то следи! А то и ответить можно!

— А мне ответа бояться не пристало!

— Полно вам, бояре! — воевода с силой лупит кулаком по столу, отчего пустая деревянная миска, подпрыгнув, падает на пол и по дуге, будто бы обходя грозного хозяина, катится в угол. — Нешто мало забот, что вы еще меж собой свару учинить решили?

Еще раз окинув меня злобным взглядом, худой выходит из дома, нарочито громко топая. Двое дюжих молодцов, чей вид объясняет смелость заезжего боярина, следуют за ним.

— Не рано ли ты встал, Дмитрий Станиславович? — спрашивает воевода. — Может, вернешься в кровать, а я сейчас распоряжусь, чтобы тебе завтрак принесли? А то тут вишь какие дела...

— Погоди, погоди, Афанасий Егорыч. Объясни мне толком, что произошло-то? Не поверю я, чтобы Савелий вот так вот просто взял, да и зарезал лекаря. На кой ему это?

— Да я и сам ничего толком не пойму, — разводит руками хозяин дома. — Но не будет же врать Никита Олегович? Какой ему резон на какого-то гвардейца напраслину возводить?

Далее он поведал о том, как перед рассветом его подняли по требованию столичного боярина, который рассказал, как поздним вечером прогуливался перед сном в сопровождении своих холопов и возле одного из домов разминулся со спешащим куда-то лекарем. Не прошли и несколько шагов, как раздался крик. Обернувшись, увидели убегающего человека и оседающего на землю Илью, в груди которого торчал нож. Несмотря на темноту, и боярину, и холопам удалось разглядеть лицо убийцы. Если холопам он был не знаком, то московский гость сразу понял, что где-то его видел, но не мог вспомнить где.

Отослав одного из холопов разыскать старшину ночной стражи, боярин отправился в отведенный ему дом и всю ночь не мог уснуть, пытаясь вспомнить, где видел убийцу. А когда наконец вспомнил, то поспешил к воеводе. Вызванного за дверь моей комнаты Савелия опознали и холопы, а опознав, набросились и скрутили.

— Вот такая вот непонятная беда приключилась, Дмитрий Станиславович, — закончив рассказ, покачал головой воевода.

Усевшись на лавку и машинально взяв со стола пирог, жую не ощущая вкуса. Либо я параноик, либо горбоносый задумал убрать именно меня, а Савелия устранил лишь как помеху. Собственно, чем я помешал этому столичному боярину? Только тем, что якобы видел его в ту злополучную ночь, когда было совершено покушение на Светлейшего. И дернул меня черт сообщить ему об этом. Тем более, что в действительности я его вовсе не видел, а всего лишь слышал похожий голос. Но теперь-то, судя по его реакции, ясно, что то был именно он.

И что мне теперь делать? Рассказать обо всем воеводе. Но тот, как видно, горбоносому полностью доверяет. А то не дай бог еще окажется с этим Никитой Олеговичем из одной антикняжеской коалиции. Может, сбежать из крепости пока не поздно? А куда? М-да...

Может, попросить воеводу, чтобы дал мне возможность поговорить с Савелием? Нет, не попросить, а потребовать. Ведь судя по тому, как Афанасий ко мне относится, он считает меня лицом особо приближенным к Светлейшему Князю.

— Где находится Савелий? — спрашиваю, дожевывая пирог и решительно поднявшись со скамьи. — Мне необходимо лично с ним переговорить. Не верю я, чтобы старшина личной гвардии Светлейшего Князя мог просто так кого-то зарезать. К тому же, дорогой Афанасий

Егорыч, я сплю чутко, а потому точно знаю, что ночью Савелий никуда не отлучался.

— Дык, я как раз собирался присутствовать на допросе этого лихоимца, — сообщает воевода, — Ежели ты, Дмитрий Станиславович, сносно себя чувствуешь, то пойдем вместе.

— На каком еще допросе?! — вскрикиваю с возмущенным удивлением. — Кто смеет допрашивать гвардейца без ведома Петра Александрыча? Неужто тебе, Афанасий Егорыч, не дорого свое место. Немедленно распорядись, чтобы усилили охрану гвардейца и никого к нему не допускали до особого княжеского распоряжения. Неужели ты не понимаешь, что ежели этот Савелий действительно окажется врагом, то необходимо будет тщательно и осторожно расследовать, каким образом он оказался в личной гвардии Князя? А ежели все это поклеп, и Савелий не виновен, тогда что? Не заговором ли тут пахнет?

Открыв рот, побледневший воевода таращится на меня и не может сообразить, что ответить. Не даю ему собраться с мыслями и продолжаю наезжать:

— Вчера, значит, в меня якобы по шалости выстрелили, сегодня моего же телохранителя обвиняют в убийстве лекаря, который меня же лечит... А не звенья ли это одной цепи? — спрашиваю, прищутив глаза. — А распорядись-ка, дорогой мой друг, чтобы того охламона стрельца тоже как след охраняли. Пожалуй, я и с ним поговорю чуть попозже.

Выдохнувшись, обвожу строгим взглядом присутствующих. Кроме продолжающего растеряно молчать воеводу, на меня, испуганно зажав рот руками, смотрит его супруга дородная Глафира Еремеевна. Из-за ее пышного тела выглядывает рыжая дочурка, телесами лишь самую малость уступающая маме. У дверей переминаются с ноги на ногу двое холопов.

Вижу, что Афанасий наконец-то собирается что-то ответить, и опережаю его:

— И об услышанном здесь все присутствующие чтобы молчали до поры, дабы не спугнуть врага, который, быть может, притаился совсем рядом! Считайте это государственной тайной. А потому и ее разглашение будет караться соответственно. Так что, распорядяйся, любезный Афанасий Егорыч. А я сейчас оденусь, и мы с тобой поспешим к арестантам. Может, удастся что прояснить самостоятельно. Тогда, уж будь уверен, Светлейший Князь не обойдет милостью нас обоих. А может, — многозначительно поднимаю палец и уже тише говорю: — А может, и сама юная Императрица удостоит нас похвалы.

Оставив окончательно сбитого с толку воеводу, хватаю со стола пирог и быстро удаляюсь на второй этаж. Оказавшись в своей комнате, быстро поедаю пирог, на этот раз распробовав рыбную начинку, обдумывая походу, что я такого только что наплел. Решаю, что поверил ли мне Афанасий, нет ли, а лучше не давать ему времени на размышления. Хватаю свой многострадальный полушубок и спешу снова вниз.

— Я уже отослал холопов с распоряжением, — встречает меня воевода, и я сдерживаю облегченный вздох — значит поверил. — Может поснедаешь сперва, Дмитрий Станиславович? Негоже с утра непоемши-то.

— Некогда мне чрево набивать, когда государство в опасности, — выдаю напыщенно, но желудок перехватывает контроль над телом, и я, остановившись возле стола, быстро захомячиваю еще один рыбный пирог и опорожняю ковшик горячего еще яблочного компота. Вытерев губы подхваченным со стола рушником, киваю хозяину дома: — Пойдем уже, воевода, пока какой новой беды не случилось.

За ночь на улице подморозило и вчерашняя талая каша застыла труднопроходимыми скользкими кочками. Кое-как ковыляем, с трудом отыскивая безопасное место, чтобы не поскользнуться и не вывихнуть ногу. Назревает желание отчитать воеводу за

непростительное разгильдяйство, мол, а вдруг война? Но сдерживаюсь. Все-таки он не просто так на подобной должности стоит. Может не выдержать, да и послать куда подальше.

От расположенного под крепостной стеной длинного бревенчатого здания навстречу нам ковыляют горбоносый со своими холопами. Молодцы поддерживают боярина, однако и сами порой оскальзываются, с трудом удерживаясь на ногах. В голову приходит мысль, что в случае чего для врага подобное препятствие тоже будет не в радость. А привыкшие к подобным, мягко выражаясь, дорогам русские воины пожалуй окажутся даже в более выгодном положении. Возможно, не так уж и неправ был юморист, предположивший, что именно из-за присущих Руси двух бед, она не покорила ни одному захватчику.

— Пошто меня не пустили допрос лихоимцу чинить?! — возмущенно кричит еще издали горбоносый боярин. — Нешто мы с тобой, воевода, не уговорились заранее?

— Нешто у тебя, боярин, есть право на допрос княжеских гвардейцев? — опережаю с ответом воеводу. — А не покажешь ли удостоверяющую грамотку за подписью Петра Александрыча?

Горбоносый даже топнул ногой от ярости, и непременно упал бы, поскользнувшись, но верные холопы удержали его.

— Нешто у тебя такая грамота имеется? — зло шипит он.

— Моей грамотой являются слова, сказанные воеводе лично Светлейшим Князем! — гордо поднимаю голову, краем глаза косясь на спутника, который в свою очередь удивленно воззрился на меня. Не ну, говорил же ему Светлейший, чтобы он позаботился обо мне? А разве эти слова не означают, что я обличен особым княжеским доверием? Беру воеводу под руку и увлекаю мимо исходящегося в бессильной злобе боярина. — Пойдем, Афанасий Егорыч. Только тебе позволено присутствовать при допросе. Вот только напишешь расписочку о неразглашении на имя Светлейшего Князя.

Окончательно сбитый с толку Афанасий следует за мной, оглядываясь на горбоносого с каким-то извиняющимся выражением на покрасневшем лице, мол, я бы рад, да вишь какие тут дела, и все такое.

В помещении, куда заходим, очень уж жарко натоплено. За столом какой-то красномордый чин, скорее всего начальник стражи, что-то диктует худосочному лопухому юнцу, скрипящему пером по желтоватому листу бумаги. Увидев нас, красномордый подскакивает и вытянувшись, докладывает воеводе о текущих делах.

— Зря разоблачился, Дмитрий Станиславовичч, — обращает внимание Афанасий на то, что я снял дубленку. — В казематах зябковато будет.

— Нешто ты меня в казематы запереть собираешься? — пытаюсь пошутить, но, заметив взметнувшиеся брови воеводы, поспешно поясняю: — Да шучу я, шучу. Однако думаю, нечего нам по казематам шастать. Пушай Савелия сюда приведут. Допрашивать в комфорте надо, тогда и не пропустишь никакой мелочи.

— Воля твоя, боярин, — кивает тот и отдает соответствующие распоряжения.

— И еще, Афанасий Егорыч, — подхожу и тихо говорю в самое ухо: — Надобно сделать так, чтобы никого кроме нас при допросе не было.

Воевода, почему-то тоже вполголоса, что-то говорит красномордому начальнику стражи. Тот в свою очередь шепчет писарю, предварительно толкнув того в бок, отчего тот мазнул пером по бумаге, оставив неприглядную кляксу.

— Чернила и бумагу оставь, — говорю писарю, видя, что тот заграбастал с собой чернильницу. И в ответ на вопросительный взгляд воеводы развожу руками и поясняю: —

Расписочку о неразглашении тебе, воевода, написать все же придется. А заодно и протокол допроса собственной рукой составишь, дабы светлейший узрел твое радение.

Не успевают красномордый с писарем скрыться за дверью, как через противоположный вход вводят Савелия. Двое угрюмых стражников с саблями наголо крепко держат гвардейца за локти. Руки его связаны за спиной, глаза затравленно зыркают по сторонам, борода всклокочена, в волосах желтеют соломинки.

— Напраслину на меня возводят, боярин, — говорит он, заметив меня. — Не убивал я лекаря. Я же подле тебя был все время.

— Можете быть свободны, — киваю на дверь стражникам.

Те непонимающе смотрят, то ли не поняв, что я имею ввиду, то ли соображая, стоит ли мне подчиняться.

— Пошли вон! — переводит на понятный им язык воевода, и мужики споро покидают помещение.

Продолжая играть великого конспиратора, поочередно подхожу ко всем дверям и, резко отворив, выглядываю. Не обнаружив подслушивающих шпионов, возвращаюсь к воеводе и, предложив ему сесть за стол, диктую текст расписки. Видно, что лично скрипеть пером тому доводится нечасто — высунув кончик языка и то и дело вытирая со лба выступающий пот, тот медленно выводит на удивление ровные буквы.

— Так, отлично. Теперь здесь подпись и число, — тычу пальцем в нижний правый край листа. — Ну вот, теперь можно приступить непосредственно к делу.

Беру со стола перочинный, в полном смысле этого слова, ножик и подойдя к гвардейцу перерезаю веревки на его руках.

— Садись, — указываю ножиком на лавку. — Рассказывай.

— Что рассказывать-то, боярин?

— Все рассказывай — где был, чем занимался с того момента, как меня вчера подстрелили, кто может подтвердить.

— Дык, не был я нигде, — растерянно говорит Савелий. — Подле тебя неотлучно находился.

— И ночью никуда не выходил?

— Единожды только и вышел по нужде.

— Кто-то видел, как ты выходил?

— Дочка воеводы Полина Афанасьевна как раз из светелки своей выходила. Она может подтвердить. И еще кто-то из холопов дрова в избу заносил, — с готовностью сообщает Савелий, не понимая, что указывает на нежелательных свидетелей.

Бросаю взгляд на воеводу. Тот внимательно слушает, забыв о своей обязанности вести протокол допроса. Может, оно и к лучшему, что забыл.

Снова обращаюсь к гвардейцу:

— Когда последний раз видел лекаря Илью?

— Лекаря-то? Дык, как он твою голову перебинтовал, Так и ушел. Более не видел я его. И не убивал я...

— погоди, — поднимаю руку ладонью вперед, осаживая вскочившего арестанта. — Ты с лекарем о чем-либо разговаривал? Может, ссорились или спорили о чем?

— Да о чем же мне с ним спорить, боярин? Он же лекарь, а я солдат.

— Отвечай по существу! — прикрикиваю для порядка на гвардейца.

— Не было промеж нас ни ссоры, ни спора какого. Нешто я буду лекарю перечить? —

снова не сдерживается бедолага. — Он как наказал тебе покой обеспечить, да еще сказал, чтобы бульон куриный обязательно сварили — от удара головы помогает, так и ушел.

— То и я слышал, — подает голос воевода, — про бульон-то.

— Так я ж и не видел больше Илью, — Савелий переводит взгляд то на меня, то на воеводу и произносит на этот раз тихим поникшим голосом: — Не убивал я лекаря.

Мне искренне жаль парня. Жаль, несмотря на то, что это он той злополучной ночью под руководством Алексашки накинул мне на голову кафтан и постоянно отвешивал тумаки, пока меня, связанного, вели к князю. И будь на то княжеская воля, снес бы Савелий мою голову сабелькой не задумываясь, а может, и испытал бы даже некое удовлетворение. А мне вот его жаль. Вот такое я дитя цивилизованного века.

— Я тебе верю, Савелий, — кладу руку на плечо гвардейца. В его глазах вспыхивает надежда, но я продолжаю: — Однако моей веры мало. Твою невиновность необходимо доказать.

— Как же доказать-то? — вопрошает воевода.

— Очень просто, — поворачиваюсь к нему. — Необходимо найти настоящего убийцу.

В помещении воцаряется молчание. Лишь гул огня да потрескивание дров в жаркой печке нарушают тишину.

— Как же его найти-то? — на этот раз спрашивает гвардеец.

— А это уже не твоего ума дело. Тебе, не прочитавшему за свою жизнь ни одного трактата древнегреческих детективов Конан Дойля и этого, как его, Дарьяла Донцова, не понять всей тонкости детективной логики, — бросаю взгляд на воеводу и понимаю, что тот тоже не понимает не только детективную логику, но и основную часть сказанных мною слов. Впрочем, как и я сам. И вновь возвращаюсь к Савелию: — Тебе, братец, пока придется посидеть здесь. Тут уж ничего не поделаешь. Ежели тебя отпустить, то истинный убийца сразу насторожится и затаится. Понял? А ты, Афанасий Егорыч, распорядись, чтобы его не связывали и содержали в более достойных условиях. Истинной причины такого послабления не поясняй. Скажи, например, что Савелий обладает какими-нибудь ценными сведениями, а потому должен быть в полном здравии до особого княжеского распоряжения. Ну, или сам что-нибудь придумай более правдоподобное. Не мне же тебя учить, в самом-то деле.

После того, как уводят Савелия, некоторое время меряю шагами комнату, обдумывая дальнейшие действия. Воевода молча сопровождает меня взглядом, вертя в толстых пальцах перо.

— А ты пиши, Афанасий Егорыч, пиши, — киваю ему. — Пиши все как есть. Мол, зарезали лекаря. Что боярин... Как его?

— Залесский Никита.

— Ага. Значит боярин Никита Залесский утверждает, что зарезал лекаря гвардейский старшина... Нет, не так... Утверждает, будто зарезал лекаря старшина личной гвардии Светлейшего Князя Петра Александровича Невского. Пиши, что никаких мотивов для убийства у старшины не прослеживается, а сам он утверждает, что к убийству не причастен. Чего? Мотивы? Ну, повода к убийству у него нет. Понятно? Да, и подпишись, что дознание вел самолично. Не надо мое имя без нужды афишировать. Известность она, уважаемый Афанасий Егорыч, в тайном сыске лишь помеха.

— Дык, оно понятно, — кивает воевода, скрипя пером. — Как говоришь про поводы писать-то?

— Про какие поводы? — не сразу доходит до меня. — А-а. Да пиши уже как знаешь.

Главное чтобы суть ясна была. И пусть, пожалуй, приведут того шалопа, что меня давеча подстрелил.

Распахиваю дверь, за которой томится в ожидании начальник стражи, и жестом зазываю его. Получив от воеводы распоряжение насчет непутевого стрельца, тот снова уходит.

Приводят провинившегося. М-да, действительно совсем еще стрелчонок. Лет пятнадцать на вид. Кафтан на нем сидит, как папино пальто. Ему бы еще колпак с помпончиком — и вылитый Пьеро. Пьеро с подбитым глазом. Не Савелий ли приложился?

— И чем же я так не угодил тебе, братец, что ты решил подстрелить меня среди бела дня?

— Не нарочно я, боярин, ей богу не нарочно, — приложив руки к груди, парнишка падает на колени. — Я в ворону целился.

— Нешто я так на ворону похож? Да встань ты. Встать, кому говорю!

— Не похож, — растерянно отвечает тот, поднимаясь. — Кабы энтот под руку не толкнул...

— Не пререкайся, щенок! Не то снова плетей отведаешь! — гаркнул воевода так, что я вздрогнул, а парнишка испуганно ссутулился и вжал голову в плечи.

Открываю рот, сказать воеводе, чтобы не вмешивался, но сдерживаю себя — кто я такой, чтобы указывать командиру порубежной крепости в присутствии его подчиненных? Снова переключаю внимание на юного стрельца:

— Это кто ж тебя под руку толкнул?

— Дык, холоп того боярина, что из столицы наезжает, — бормочет парнишка, боязливо косясь на грозного воеводу.

— Та-ак. Это уже интересней. Ну-ка, давай поподробней, — положив руку на плечо стрельца, усаживаю его на скамью и сам сажусь рядом. — Тебя как зовут, стрелец-молодец?

— Борька.

— А скажи, Борька, как холоп того боярина рядом с тобой оказался?

Парень, словно не понимая, что от него требуется, растерянно переводит взгляд то на воеводу, то на меня, то снова на воеводу.

— Говори, щенок! — снова орет Афанасий.

Стрелец с перепугу попытался подскочить со скамьи, но я удержал его на месте, ухватив за шкурку.

— Он к нам с Еремой загодя подошел, — наконец-то заговорил Борька. — Вот как ты, боярин, с гвардейским старшиной в башню прошел, так тот столичный боярин со своими холопами следом показались. Боярин-то мимо прошел, а один холоп к нам направился. Спросил, не из нового ли мы набора, да попросил ружья посмотреть, показать, как заряжаются. Потом сказал, что меткость нужно следя за летящей птицей наработывать. Сам в ворон целиться начал. Потом мы с Еремой стали за ними ружьями водить. А как я стрельнул, дык и сам не пойму. Энтот холоп ружье потянул, а оно и стрельнуло. Я и понять ничего не понял, а он мне в глаз как припечатает, — парнишка потрогал опухшую половину лица и поморщился. — Я наземь и брякнулся. А он кричит, мол, пошто, стервец, в бояр стреляешь? И давай меня сапогами по ребрам охаживать. Я уж думал, забьет насмерть. Ежели б мужики не оттащили его, то и забил бы.

Теперь понимаю, отчего стрелец говорит, будто с силой слова выдавливает, и постоянно локти к бокам жмет. Похоже, ребра у него действительно отбиты. А ведь ему еще и плетей

всыпали в наказание. Ну, не будет впредь оружие кому попало в руки давать.

Выпроваживаю парнишку за двери и наказываю ждать.

Ситуация все более проясняется, и все более не нравится. Задумчиво смотрю на воеводу — заодно ли он с этим горбоносым Залесским, или нет? Можно ли ему довериться? И почему он молчит? Будто бы и не сделал никаких выводов из рассказа стрельца.

— Что скажешь, Афанасий Егорыч?

— Надо бы высечь этого холопа, да понимаешь, Дмитрий Станиславович, мне с Никитой Олеговичем ссориться не с руки. Он поставки провианта в порубежные крепости контролирует... — воевода красноречиво замолкает, почесывая шею под окладистой бородой.

Мне остается лишь понятиливо кивнуть.

— Ладно, давай так поступим, — предлагаю после короткого раздумья, кивнув на исписанный им лист, — пошлем гонца к Светлейшему Князю с этой грамоткой — пусть он сам решает, что делать со своим гвардейцем. Гонцом пошлем шалопаю Борьку...

— Да разве ж можно ему такое доверить? — прерывает меня воевода.

— Нужно! — многозначительно указываю пальцем в потолок. — В первую очередь именно доверием нужно воспитывать подрастающее поколение! Воинское умение придет со временем, а вот желание служить Отечеству можно воспитать лишь доверием. А стрелец этот, желая искупить свою вину, будет вдвое радеть за дело. Понимаешь? Тем более, что не в бой его посылаем, и не во вражеский тыл, а всего лишь с донесением, в котором нет особой государственной тайны.

— Мудрено как-то ты изъясняешься, Дмитрий Станиславович, — крикнул воевода по завершению моей высокопарной речи. — Это что ж, этому щенку еще и лошадь дать придется?

— И хорошую лошадь, Афанасий Егорыч. А то какой-то непорядок прослеживается в подопечном тебе воинстве.

— Это какой же непорядок, — возмущенно краснеет собеседник, выпучив на меня глаза. На его лбу выступают крупные бисеринки пота. Вот одна капля сползает и, соединившись с другой, повисает на густой брови над правым глазом. Воевода смахивает ее и вытирает лоб рукавом, продолжая буравить меня взглядом.

М-да, пожалуй нужно было поаккуратней наезжать на этого бородача. Но теперь-то уже отступать поздно. Потому, поумерив в голосе гонора, продолжаю более спокойно:

— А ты сам посмотри на это дело будто бы со стороны. Что бы ты подумал о военачальнике, который не может доверить стрельцу простейшее задание по доставке донесения, но при этом доверяет ему оружие и ставит стеречь рубежи государства? А? Получается, в армию значит, можно, а водку... тьфу ты, а лошадь доверить ему нельзя? Так что ли?

Воевода продолжает пялиться, но раздражение на его лице сменяется озадаченностью. Он явно пытается осмыслить услышанный довод. Прищулив глаз, добавляю:

— И много ли на вверенном тебе, Афанасий Егорыч, рубеже таких воинов, к которым у тебя доверие отсутствует? — увидев, что собеседник окончательно сбит с толку, совсем уже миролюбивым тоном продолжаю: — Ты, дорогой друг, главное такую оплошность в разговоре с Петром Александрычем не допусти. Не поймет он, как можно допускать к охране Отечества не заслуживающих доверия воинов. Да и вообще, давай забудем об этом разговоре, будто и не было его вовсе.

После нескольких долгих минут молчания воевода говорит:

— Досталось ему крепко. Тяжеловато будет на лошади-то скакать.

Я уже думал об этом моменте, однако в моих планах было послать именно этого парня. Во-первых, как я уже говорил, стараясь искупить вину, он проявит надлежащее рвение. И во-вторых, сам не знаю почему, испытываю к этому юному стрельцу доверие. Потому отвечаю:

— На то он и воин, чтобы терпеть боль и невзгоды. В следующий раз пусть не дает себя бить какому-то холопу.

В конце концов Афанасий поддается моему давлению отправить гонца немедленно и отдает распоряжение приготовить лошадь. На мое замечание, что неплохо бы дать парню еще и заводную, а так же снабдить его провизией, отмахивается:

— Чай не в степь его отправляем. Отпишу грамоту — по ней в яме и лошадь сменит, и покормится.

В очередной раз озадачиваюсь упоминанием о загадочной яме, но, помня как ухохатывался князь каждый раз, когда я про эту яму спрашивал, решаю не задавать лишних вопросов. Лишь убеждаю собеседника никого не посвящать в то, с какой целью отправлен гонец, и выражаю желание лично проводить парня.

— Коль охота тебе ноги бить, воля твоя, — не возражает воевода, вероятно стремясь поскорей уже отделаться от этого нудного дела, а заодно и от меня, принесшего столько хлопот на его седую голову. Как следует вдохнув, орет в сторону двери: — Петруха!

Вбегает писарь и застывает перед столом, ожидая распоряжения. Видя, что воевода свернул в трубочку грамоту, соображает немедля растопить над свечой сургуч и заливает им края бумаги. Афанасий тут же припечатывает невесть откуда взявшейся в руке печатью, безжалостно сплющив свиток, после чего небрежным пассом руки дает понять писарю, чтобы тот отвалил.

Я зову Борьку, а воевода тем временем пишет еще одну бумагу и заверяет ее печатью — это та самая грамота для загадочной ямы.

Задачу стрельцу по праву ставит сам военачальник. Я лишь киваю, когда он поглядывает на меня, будто вопрошая, правильно ли говорит?

Ямская слобода, где Борька должен получить лошадь, находится по другую сторону крепости. Не желая нечаянной встречи с Залесским, наказываю стрельцу идти по стене, поднявшись на которую минуем несколько башен. Наконец покидаем крепость и по крутому склону спускаемся к покрытой льдом речушке. В моем мире здесь проходит Комсомольский проспект, а на вал поднимается один из путепроводов. Речушка естественно Осколец. А вот храма Александра Невского нет. Возможно, еще не построили, а может, в этом мире его и не будет вовсе.

Если я правильно помню расположение оскольских слобод, то Ямская слобода находится слева от спускающейся от крепостных ворот дороги, справа Гуменская, а вон те прилепившиеся на крутом склоне домишки по эту сторону Оскольца — слобода Казацкая.

Возле большой рубленой избы, находящейся примерно на месте «Детского Мира», Борька получает лошадку и собирается уже отправиться в путь, но я не даю ему запрыгнуть в седло.

— Давай-ка, братец, пройдемся немного, — говорю вопросительно смотрящему на меня парню. — Хочу кое-что передать Светлейшему Князю на словах. Кое-что такое, что нельзя доверить бумаге. Надеюсь на тебя положиться можно?

— Дык, я ж... Да я... — стрелец от волнения из-за оказанного доверия не может

подобрать слова, чтобы в полной мере выразить насколько надежным человеком он является.

— Ладно, ладно, верю. Я в людях разбираюсь, и сразу вижу — кому можно доверять, кому нельзя. Тебе, несмотря на то, что ты попутал меня с вороной, доверять можно. Иначе и разговора никакого не было бы. Тем более, что ты и сам оказался втянут в эту историю в качестве несостоявшегося убийцы.

— Да я...

— Молчи уже! И слушай.

За разговором выходим на заледеневшую после вчерашней оттепели дорогу. Где-то здесь в том Осколе находится улица Ватутина, и где-то здесь же проходил Екатерининский тракт, напоминанием о котором остались вытянувшиеся в линию старинные вязы пересекающие заболоченный луг на полпути между городом и селом Незнамово.

— Запоминай, Борис, что необходимо передать Светлейшему Князю, — останавливаюсь и кладу руку на плечо парнишки. — Скажешь, боярин Залесский имеет прямое отношение к покушению на князя. Понял? Действует он в сговоре с Бельскими. Запомнил? Подозревая, что я знаю о предательстве, Залесский хочет меня устранить. Потому оклеветали гвардейского старшину, которого князь оставил при мне. И расскажешь, как холоп Залесского толкнул твое ружье в мою сторону. Понял? Повтори.

Борька повторил все верно, хоть и заикаясь и спотыкаясь от волнения на каждом слове.

— Да, и вот еще что, — говорю, когда стрелец уже запрыгнул в седло. — Ты, если ребра болят, перетяни их чем-нибудь потуже — ремнем или тряпкой какой. Понял? Ну, давай, скачи.

Как только всадник скрывается за обвешенными черными кляксами вороньих гнезд вязами, поворачиваюсь, чтобы вернуться в крепость, и тут же растерянно останавливаюсь, буквально оглушенный неожиданно навалившейся тоскливой безысходностью. До сих пор с момента моего нелепого попадания в этот мир события вокруг кружили не останавливающимся вихрем, не позволяющим толком задуматься и осознать в полной мере все со мной произошедшее. Даже после ранения из-за большой потери крови я находился в каком-то полубредовом состоянии, не располагающем к размышлениям. А как только встал на ноги, так тут же влип в очередную заварушку и чудом остался жив. Но самое главное, рядом всегда находился кто-нибудь, на кого я мог положиться. Ну, или, вспоминая как под прибрежными зарослями меня мутузили Алексашка с Савелием, по крайней мере я думал, что могу положиться. А тут вдруг один посреди чужого серого холодного мира.

Грязный истоптанный снег, низкие крытые соломой избы, мрачная крепостная стена на взгорке и нависшие над головой тяжелые тучи, готовые обрушиться мокрым снегом — все это угнетающе действовало на мое сознание.

И куда мне сейчас идти? В дом к воеводе? И в качестве кого я там буду находиться. Ладно, пока болел после ранения, но сейчас вроде как здоров. А в качестве гостя вряд ли приглянусь Афанасию. Кому нужен такой гость, приносящий столько беспокойства: лекаря, который меня лечил, убили, в убийстве обвиняют моего же телохранителя, влиятельный столичный боярин из-за меня смотрит волком на хозяина. М-да... От такого гостя всякий захочет избавиться быстрее.

А самая главная проблема вовсе не с жильем. Уж на улицу не выбросят. Ежели не захочет воевода терпеть меня в своем доме, то наверняка определит куда-нибудь на постой

— должна же здесь быть хоть какая-то гостиница для командировочных типа меня? Проблемой, если задержусь в Осколе, будет выжить. Наверняка Залесский вновь попытается ликвидировать нежелательного свидетеля. В очередной раз поминаю черта, который дернул за язык, сказать, будто я узнал этого горбоносого.

От князя каких-то действий скоро ждать не стоит. Если ему вообще до меня будет в столичных дворцовых интригах. Вообще-то, почему до меня? Залесский-то в заговоре против него замешан. Так что Петруха Князь Светлейший просто обязан отреагировать. Вот только сколько дней будет добираться до столицы Борька?

В задумчивости смотрю на выехавших из крепостных ворот двух всадников, и лишь когда те минуют мост, узнаю холопов Залесского. Не по мою ли душу? Отворачиваюсь и спешу скрыться в подвернувшемся проулке. Сделав несколько шагов, останавливаюсь из-за возникшей мысли о том, что эти двое могут отправиться в погоню за гонцом к Светлейшему. Прошло достаточно времени, чтобы столичный боярин узнал о миссии молодого стрельца. Хоть воевода и обещал хранить молчание, но стоит ли ему доверять?

Разворачиваюсь и снова выхожу на дорогу и, лишь когда один из всадников указывает на меня рукой, соображаю, что сделал глупость. Если они отправились в погоню за Борькой, то вряд ли станут отвлекаться на меня. А я все равно никак не смогу их остановить. Если же они ищут меня, то я сейчас сам облегчил им задачу.

Увидев, как скачущий впереди достает из-за пояса плетъ, снова бросаюсь в проулок, затравленно оглядываясь по сторонам. Вдоль узкой улочки тянутся низенькие плетни, через один из которых пытаюсь перемахнуть, когда копыта уже стучат за самой спиной. Однако пересохшие ореховые прутья с треском рассыпаются, когда пытаюсь оттолкнуться от них руками, и я смешно падаю поперек рассыпавшегося заборчика, словно ледокол пробороздив льдом шершавый снежный наст по ту сторону.

Слышу ехидный смех остановившихся всадников, но его тут же перекрывает истошный женский крик:

— Вы пошто же плетень-то рушите, окоянные?! Федька! Федька-а! Где ты там есть?! Тут, не ровен час, хату по бревнышку разнесут!

— Чего орешь, дура? — раздается в ответ спокойный мужской голос.

Привстав на четвереньки, заползаю за плетень и осматриваюсь. Боярские холопы гарцуют на дороге, не решаясь в присутствии хозяев пересечь границу двора, и вопросительно поглядывая друг на друга. Оравшей бабы не вижу. А вот у дверей небольшого сараюшки стоит рыжебородый крепыш, держащий в руках охапку березовых полешек.

— Чегой-то это? — задрав брови спрашивает он, глядя на нас.

— Бандиты это, — киваю на всадников, вытирая ладонью текущую с расцарапанного лба кровь.

— Сам ты бандит, — возражает тот, что с плеткой. — А ну вылазь сюда! Боярин с тобой поговорить желает.

— Вы никак людишки боярина Залесского? — вопросительно прищутив глаза, подходит ближе мужик.

— Я доверенное лицо Светлейшего Князя Петра Александровича Невского! — кричу поднимаясь на ноги и отступая дальше от пролома в плетне.

— Чье лицо? — мужик переводит взгляд с всадников на меня.

— Доверенное, — многозначительно указываю перстом в небо и, пока мужик смотрит на нависшие над головой тучи, продолжаю, кивнув на боярских холопов: — а это воры и

разбойники!

— Я тебе, сученок, сейчас покажу, кто вор, — шипит один из всадников и направляет лошадь в пролом.

Заскакиваю за спину продолжающего ничего не понимать мужика, выхватываю у него одно полено и бросаю во всадника. Однако полено, прокрутившись в воздухе, врезается торцом в глаз лошади. Та, заржав, вздымается на дыбы и, переступив, разворачивается и обрушивает передние копыта на плетень, превратив в щепу очередную часть забора.

— Федька! — снова орет баба, и я наконец вижу ее.

Она стоит у низенького крылечка хаты, в своем сером одеянии практически не различимая на фоне такой же серой стены.

— А ну, пошто озорничаете?! Вот сейчас на вилы насажу! — слышу хриплый голос и, повернувшись, вижу выходящего со двора напротив седого мужичка с вилами в руках. За ним следует похожий на него молодой детинушка, крепко сжимающий отблескивающую отполированным деревом оглоблю.

— Мочи козлов! — кричу, завидев подмогу и выхватываю у рыжебородого еще одно полено.

— Федька! — истошно орет баба.

— Нут-кась, погоди, — перехватывает мою руку с занесенным поленом очнувшийся от ступора мужик и кричит соседям: — Пантюха, погодь! И Данилку свою окороти. Разобраться надо. Не видишь штоль, это ж боярина Залесского людишки. Нешто в обозе их ни разу не видел?

— Знаю я энтих воров, — прохрипел Пантюха, врезав плашмя вилами по лошадиному крупу и еле успев отскочить от взбрыкнувших копыт.

— То они Наську насильничали, — плаксиво прогудел молодой, примеряясь, как бы половчее сшибить всадника оглоблей.

Поняв, что поддержка мне обеспечена, вырываю руку у рыжебородого и кидаю полено в одного из налетчиков. Однако промахиваюсь, и оно, перелетев узкую улочку и чиркнув о соседский плетень, падает во дворе седого, заставив взвизгнуть истошно лаявшую не видимую мне собачонку.

Тот всадник, в которого я метился, что-то крикнул товарищу, и они, развернув лошадей, поскакали прочь. Мечу в них третье полено, но оно падает далеко позади.

— Фух, отбились, — вздыхаю облегченно, вытирая с расцарапанного лба пот, перемешанный с кровью, и киваю на оставшиеся в руках мужика поленья: — Спасибо. Можешь уносить. Больше не нужны.

— Федька! — орет баба, мужик морщится, как от зубной боли, а я еле сдерживаюсь, чтобы не метнуть в нее полешком.

— Чего ж она орет-то так? — спрашиваю, не удержавшись.

— Дык, он ее вместо пустолайки и держит, — хохотнув, сообщает подошедший сосед.

— Энто кто кого держит-то еще! — орет от крыльца баба, у которой оказался чуткий слух, что очень редко сочетается с громким голосом.

— Эт вы чего ж наделали, мужики? Это ж людишки боярина Залесского, — снова заладил свое рыжебородый. — А нут-ка боярин щас воеводе пожалится, а тот стрельцов пришлет для расправы?

— Да я их за Наську, — Данилка потряс оглоблей, но седой прервал его, хлопнув по плечу.

— Погоди, сын. Федун накаркает — стрельцы и вправду заявятся. А ты кто ж таков будешь, человеке? — перевел он внимание на меня.

— Я-а? — протягиваю с деланным удивлением, мол, да меня все знают. — Я доверенное лицо Светлейшего Князя Петра Александровича Невского.

Видя недоверие во взгляде мужика, киваю на рыжебородого:

— Он подтвердит.

— Я-а? — искренне, в отличие от меня, удивляется хозяин разоренного плетня.

— Чего ж тогда ты не поделил с этими иродами, что они не посмотрели на твое это, какое там, лицо? — вопросительно уставился на меня Пантюха.

— Узнал я об одном их нехорошем деле. Вот они и хотят избавиться от опасного свидетеля.

— Тю, да про их нехорошие дела все знают, — машет рукой мужик. — Вона у ламских спроси, они такого порасскажут.

— Не знаю, чего там порасскажут ламские, но ежели я свижусь со Светлейшим Князем, да расскажу ему кое о чем, то живыми вы больше не увидите ни этих холопов, ни ихнего боярина — шпалу горбоносую.

— Ды ну? — седые брови полезли кверху. Мужичок бросил взгляд на рыжебородого и, встав так, чтобы тот не видел его лица, заговорщицки подмигнул. — А иди-ка ты, человеке, отсюдова скорее. Не то и взаправду стрельцы нагрянут, да наваляют и нам, безвинным, по шеям из-за тебя.

Вытянув меня за рукав на дорогу, подтолкнул вдоль по улице.

— Иди, человеке, иди, не мешкай, — и, сделав несколько шагов рядом со мной, шепотом добавил: — Свернешь направо в проулок, увидишь сарай обгоревший и свежий сруб. Там племяш мой Володька живет. Скажешь, Пантелей обождать велел.

Понятливо агакнув, ускоряю шаг, не обращая внимания на вопли бабы по поводу порушенного плетня.

В дом воеводы вернулся только после того, как наступили вечерние сумерки. На всякий случай меня сопровождали Владимир с Данилой. Однако ни Залесского, ни его подручных мы не встретили, а потому у крыльца я распрощался с парнями, пообещав, что в ближайшее время непременно возьму их к себе на службу. Честно говоря, с этим обещанием я загнул, и теперь чувствовал себя неловко. Но когда в теплой, сухой избе Владимира меня накормили вкусной похлебкой, то, охмелев от умиротворения и уюта, возжелал немедленно сделать что-нибудь хорошее хозяевам. А что я еще мог, кроме как наобещать с три короба? Вот и не уследил за своим языком. Дружески положив руку на плечи хозяина дома, русоволосого здоровяка с простодушным выражением лица, и наблюдая за снующими вокруг детишками, чье количество мне никак не удавалось сосчитать — то ли четверо, то ли пятеро, заверил, что непременно возьму его к себе на службу. Однако когда тот поинтересовался, что за служба такая? — ответил, мол, пока он официально не оформлен, знать ему об этом не положено. Но в жаловании обижен не будет, и вообще, жить отныне будет, аки у Христа за пазухой.

— Нешто и его так же с плетками холопы столичных мироедов гонять будут? — ехидно поинтересовался присутствующий при разговоре Пантелей, глядя при этом на мой расцарапанный лоб.

— Не баись, Пантелей, — остановил я его недоверие, выставив перед собой раскрытую ладонь. — Дай срок, встречусь со Светлейшим... Да я тебе уже говорил, что как только Петр Александрович узнает ведомую мне информацию, так Залесский вмиг головы лишится.

А то Светлейший Князь поверит тебе, а не Залесскому? — недоверчиво прищурил глаз мужик.

— А кто такой Залесский? — фыркнул я презрительно, не найдя других аргументов.

— Может, и врать ты здоров, Дмитрий, — вдруг тяжело вздохнул седой. — Может, и на беду ты у нас объявился. Да только все одно Данилка мой рано или поздно сгубит свою головушку. Вот как пойдет в обозе с этими ворами, так и натворит бед. Не простит им свою Наську.

Видя, как посмурнели лица всех присутствующих, я решил не уточнять, кто такая Наська, и что с ней случилось. Надо будет, расскажут сами, а еще больше беречь душевную рану добрым людям не хотелось.

— Потому одна надежда на справедливость Светлейшего Князя, да на то, что ты не все врешь, Дмитрий, — продолжает говорить мужик, — Может, и правда знаешь чего такого, от чего головы у энтих иродов послетают.

— Знаю, Пантелей, знаю. Да вот только отстал я от князя из-за ранения. Теперь не знаю, как и выбраться отсюда.

— Ну, мы чай в ямском приказе служим, — хлопнул себя по колену мужик. — Можем и пособить в энтом деле с первой оказией. А ежели ты действительно на государевой службе состоишь, да еще и к Светлейшему Князю близок, то нехай воевода в наш приказ грамоту отпишет.

— Да в том-то и загвоздка, мужики, — со вздохом развел я руками, — что служба моя тайная, и хоть воевода и знает о большом ко мне княжеском благорасположении, но о моих высоких полномочиях ему знать не положено. Но, что-нибудь придумать придется.

За разговором время пролетело незаметно. С удивлением узнал, что ямщики, это не подобие таксистов из моего мира, а такие же служивые, как, например, стрельцы. Если проводить аналогию, то ямской приказ можно сравнить с автомобильными войсками. Естественно, в открытую я об этом не расспрашивал, но часто и наводящие вопросы вызывали у мужиков удивление моей неосведомленностью. Поэтому, чтобы не пришлось плести им про отрезанный от мира монастырь, перевел разговор на боярина Залесского.

Володька с Пантелеем многое поведали о воровстве столичного боярина с подручными. Например, о том, как по пути следования к порубежью продовольственных обозов, распродалось на сторону качественное зерно, а взамен за бесценок скупалось порченное сырьем и плесенью. Слушая о подобном беспределе, в очередной раз заверял о том, что всеми силами поспособствую скорейшей расправе над преступниками. Почему-то верилось, что князь ничего не знает об этих делишках, а узнав, не одобрит. Но, как бы то ни было, участие Залесского в заговоре Светлейший точно не простит. Однако и тут оставалось сомнение, высказанное Пантелеем: отчего бы Петру Александровичу доверять мне больше, чем столичному боярину? Из-за того, что я пару раз случайно спас ему жизнь? Дык в том-то и дело, что случайно.

Когда за окошком начали сгущаться сумерки, явился Данила и сообщил, что инцидент с боярскими холопами пока остался без последствий — ни стрельцы, ни кто другой для разбирательства и расправы не явились. В принципе, этого и следовало ожидать. Даже удивительно, что я поддался страху, посеянному рыжим Федунот. Неужели, зная о благорасположении ко мне Петра Александровича, воевода послал бы на меня стрельцов? Если и допустить, что он в сговоре с Залесским, то в любом случае убрать меня постараются тихо, не привлекая лишних свидетелей. Но в предательство военачальника крепости не верилось, а потому я решил вернуться на ночь в его дом. Надо бы попытаться освободить Савелия и поговорить о возможности моего следования в столицу для встречи с князем..

— Дмитрий, — обратился Пантелей, когда мы дошли до его дома. — Ты это, ну, маво Данилку тоже к себе возьми на службу, а? А то пропадет парень. А так вон Володька за ним присмотрит.

— На какую службу? — не понял Данилка.

Я, уже забыв о своем обещании Владимиру, чуть было не повторил его вопрос, но вовремя опомнился.

— Да не вопрос, — а что еще оставалось ответить?

Воевода был уже дома и, когда я вошел, как раз ужинал в кругу семейства. Общее беспокойство вызвал мой расцарапанный лоб, но я отмахнулся от расспросов, заявив, что просто неловко поскользнулся.

Вопреки моим ожиданиям, Афанасий Егорыч легко согласился отправить меня в столицу. Более того, было видно, что он даже обрадовался моей просьбе. Причина этого тут же выяснилась.

— Алена Митрофановна непременно срочно хочет в столицу отправиться, — сообщает воевода и прерывается, чтобы с громким шипением и хлюпаньем высосать из деревянной ложки горячее варево. — Через неделю Никита Олегович с обозом тронется, так вот жеще нелмоготу ей ждать. Готова одна в путь отправиться.

Помешивая в миске пышущую паром уху, пытаюсь сообразить, о ком толкует Афанасий. Наконец до меня доходит, что речь идет о той самой Алене, которую мы спасли от бандитов.

— А я ж, Дмитрий Станиславович, и одну ее отпустить не могу, и в сопровождение дать некого, — продолжает объяснять ситуацию воевода. — Казаки почти все с Петром Александровичем ушли. Не стрельцов же лапотных боярышне в сопровождение давать? А ежели и стрельцов, то под чьим началом? У меня ж в стрелецком приказе почти всех начальных людей повыбивало. Да и самих стрельцов половина всего. Сам видел, каких щенков в приказ принимать приходится. Не считая полуголовы, двое сотников, да один толковый урядник остался...

— Да понимаю я тебя прекрасно, Афанасий Егорыч, — прерываю стенания воеводы, обжегшись-таки ухой. — Я-то чем помочь могу? Попросить у Светлейшего Князя, чтобы направил в твое распоряжение толковых командиров?

— Дык, я ж тебе об Алене Митрофановне толкую, — видя, как я втягиваю воздух в обожженный рот, Афанасий подает мне кружку с холодным компотом. — Ежели ты в столицу собрался, то возьми ее под свою опеку. А я тебе полдюжины стрельцов дам в сопровождение. А? Ну, или десяток. Мало ли кто из этих недобитков по окрестностям шляется.

Услышав предложение, я даже поперхнулся компотом, отчего немедленно заработал лапищей воеводы по спине и чуть не ткнулся многострадальным лбом в миску с ухой. Сидящая напротив Воеводина дочка и ее малолетний братишка прыснули. При этом у пацана из носа выдулся пузырь, размером с папашин кулак. Супруга Афанасия строго глянула на дочь, одновременно из-под стола донесся глухой удар, вероятно мамаша припечатала каблуком доченькину ноженьку. Полина ойкнула, но тут же замолчала под строгим материнским взглядом, лишь густо покраснела, да глаза наполнились влагой. Снова раздался глухой стук из-под стола — это теперь уже сестра передала материнское нравоучение братцу, который как раз вытирал нос рукавом.

— Уй! — вякнул тот, отдернув руку от носа и, то ли случайно, то ли нарочно, заехал локтем в сестрин бок. Удар пришелся на вдохе, и Полина сдавленно пискнула.

— А ну, цыть! — грохнул кулаком по столу отец семейства, и я от неожиданности снова поперхнулся, но немедля отодвинулся, чтобы не заработать очередную оплеуху по спине.

Поднявший уже руку Афанасий недоуменно глянул на меня, но тут же вернулся к прерванному разговору:

— Ну, так что скажешь, Дмитрий Станиславович?

Откашлявшись, засовываю в рот изрядный кусок хлеба и делаю вид, что тщательно пережевываю, обдумывая меж тем ответ. Я-то не знал, как подъехать к воеводе с просьбой проспонсировать мне дорогу в столицу, а оказалось, что тем самым еще и одолжение ему сделаю. Если бы не поперхнулся от неожиданности, то наверное сходу дал бы согласие. Однако стоит все как следует обдумать. Савелия здесь оставлять не хочется. Да и новых знакомых надо как-то к делу приобщить. В случае чего, к ним у меня больше доверия будет, нежели к приставленным воеводой стрельцам.

— В принципе, Афанасий Егорыч, я не против, — говорю, закончив жевать, — Отчего бы и не сопроводить боярышню. Но, как говорил один очень древний философ, утро вечера мудренее. Посему, давай обсудим этот вопрос завтра.

— Завтра, так завтра, — соглашается собеседник и, как бы про себя, добавляет: — А то я думал, может, поутру бы и отправились.

— А Алена Митрофановна будет ли готова с утра выехать?

— Да она бы хоть сейчас отправилась. Очень уж ей невтерпеж вернуться в столицу.

Невмоготу боярышне наша убогость.

На этот раз задумываюсь надолго, делая вид, что полностью отдался поглощению выставленной на столе снеди, периодически нахваливая то или иное блюдо, вызывая тем самым благодарный румянец на щеках хозяйки. М-да, если они каждый день в таком количестве наедаются на ночь, то нет ничего удивительного в их объемистых фигурах. А может, они тут не обедают? Если удастся свинтить отсюда поутру, то этого я уже не узнаю. Однако не о том я думаю...

— Савелия с собой заберу, — говорю тоном, не терпящим возражений, — Нечего ему тут прохлаждаться, да казенный харч переводить. Ежели виноват, пусть перед князем ответит.

— И то правда, — опять легко соглашается воевода, — У меня и без него забот полон рот. Хоть за Илюху я б энтого Савелия самолично вздернул, но ежели княжий суд, тогда да.

— Илюхе я жизнью обязан, потому сделаю все, чтобы убийца понес самое суровое наказание, — искренне обещаю собеседнику.

— Значится так, — Афанасий хлопает ладошкой по столу, отчего с глухим стуком подпрыгивают пустые миски, — Алена Митрофановна поедет в крытом возке. С нею припасы в дорогу и двое стрельцов на козлах. Ну и когда ты, Дмитрий Станиславович, для беседы ей компанию составишь. Акромя еще двое саней дам. В них восемь стрельцов, убивец спеленутый, и, опять же, ты себе местечко найдешь, когда боярышня отдыхать изволит. А может, всего восемь стрельцов возьмешь, а? Оно и лошадям легче, и доберетесь быстрее, а?

— Да на кой мне вообще твои стрельцы сдались, Афанасий Егорыч? Нешто мы в басурманские степи отправляемся?

— Не-ет, — Замотал головой воевода, — совсем без охраны отпустить не могу. Мне Петр Александрович касательно тебя особо наказывал. Говорил, нужен ты ему шибко. Мало ли что в дороге. Пусть даже не воры, а попросту колесо слетит...

— Какое еще колесо у саней?

— Ну, то я к примеру. Давай так, Крытый возок, одни сани и четверо стрельцов?

— Значится так, — теперь уже я хлопаю ладошкой по столу, — воинских людей в услужении гонять негоже. Потому для этого дела отправь двух ямщиков, коих я сам тебе укажу. Они и с санями управятся сноровистее. А для охраны Савелия двоих стрельцов за глаза будет. Дашь молодых, заодно я их в дороге к дисциплине приучу, чтобы бояр с воронами не пугали.

— Энто на каких таких ямщиков ты сам укажешь? — удивился воевода. — Нешто тебе кто знаком в ямском приказе-то?

— Ты, Афанасий Егорыч, думаешь, что я к тебе с бухты-барахты обратился?

— С чего?

— А с того, что я привык к дороге загодя готовиться. Нынче, как гонца проводил, по Ямской слободе прошелся, с народом за жисть переговорил, да и подобрал себе пару хлопцев надежных. Данила и Владимир Волобуевы.

— Родственники?

— Братья двоюродные.

— Ладно, на том и порешим. Грамоты в приказы уже поутру отпишу. Эх, Дмитрий Станиславович, так и не удалось нам с тобой пообщаться за хмельною чаркой. Ну да вишь сам, какие у нас дела тут. И слободы порушенные восстанавливать надобно, и новобранцев

воинской премудрости обучать. А всяких хозяйских забот оно завсегда выше крыши было. И ведь ни на кого положиться нельзя. Чуть проглядел, и все наперекосяк.

— Да вижу я, Афанасий Егорыч, мотаешься ты, аки белка в колесе. Всего себя на службу Отчизне отдаешь, — поддержал я стенания воеводы. — Оттого и не решаюсь обратиться к тебе с одной просьбишкой.

— Отчего ж? Обращайся, Дмитрий Stanisлавович. Ежели в моих силах, помогу, — заверяет польщенный Афанасий.

— Просьба-то сугубо конфиденциальная, — кошусь на сидящее напротив семейство, слушающее нас с открытыми ртами, — наедине бы нам переговорить.

— А ну, — дает команду хозяин, и домочадцы гуськом покидают трапезную.

— Дело это я, дорогой Афанасий Егорыч, никому другому доверить не могу, а самому теперь недосуг будет. Не дает мне покоя вчерашний выстрел. Вроде бы и все ясно, ан вот свербит меня что-то. А я своему чутью привык доверять. Оно меня, веришь-нет, еще ни разу не подводило.

— Дык что свербит-то?

— Чутье свербит, подозрения, так сказать, гложут. В общем, просьба-то такая. Не мог бы ты, Афанасий Егорыч, выкроить завтра время для проверки службы в Стрелецкой башне.

— Пошто?

— А чтобы между делом поспрашивать пушкарей да стрельцов, что вчера в башне и на стене рядом были, что они видели в тот момент, когда этот Борька в меня пальнул? Пусть расскажут все, что помнят. Кто куда и с кем шел, кто где стоял, чем занимался.

— Для чего ж такое надобно? — изумленно спросил воевода.

— Не могу пока толком объяснить, но чую, что-то не так с этим выстрелом. И главное, ежели вдруг что интересное узнаешь, сам ничего не предпринимай. Отправь грамоту лично Петру Александровичу, а он уже распорядится о дальнейшем. Вот такая вот просьбишка у меня, уважаемый Афанасий Егорыч.

И снова дорога

За ночь мрачные тучи рассеялись, а земля покрылась свежим искрящимся снежным покрывалом. Именно в такой солнечный морозный денек меня волею белобрысого алкогения Сэма занесло в этот мир. И ведь всего-то я здесь пару недель, а кажется, будто прошла целая вечность.

Хитрец воевода забыл сообщить мне, что прежде чем отправиться в столицу, мы завернем в имение Жуковских, дабы Алена Митрофановна последний раз посетила могилки батюшки и нянечки. А так как дороги я не знал, то понял, где мы находимся лишь когда, миновав заброшенную деревеньку в три двора, въехали в усадьбу.

Еще одной неожиданностью оказалось то, что руки Савелия были закованы в металлические браслеты, соединенные короткой, в четверть метра, цепью. Я-то думал, что он будет связан обычной веревкой, и намеревался освободить гвардейца сразу, как отъедем от Оскола. Для того специально попросил воеводу, чтобы тот сделал строгое внушение стрельцам подчиняться всем моим приказаниям беспрекословно. Тот удивился такой настойчивой просьбе, но внушение стрельцам сделал.

На прощание Афанасий Егорыч подарил мне саблю в простеньких ножнах, заявив, что

хоть и наслышан о моем умении драться жердинами, но негоже боярину отправляться в дорогу совсем без оружия. Подарок я принял с благодарностью. Хоть фехтовальщик я еще тот, но может пригодиться нарубить веточек на костер, или срубить в случае нужды ту же жердину.

По пути я несколько раз обращался к Алене, мол, удобно ли устроилась в повозке, не надо ли чего? Девушка всякий раз благодарила за заботу и отвечала, что ничего не требуется. И ни разу не пригласила для беседы. Даже про мой расцарапанный лоб ничего не спросила. Небось решила, что свалился где-нибудь пьяный. Я даже слегка обиделся. Впрочем, я же не знал, что мы едем в их родовое имение, а потому ее мысли наверняка были заняты погибшим отцом.

— Стрельцы-молодцы, — окликаю вояк, когда прибыли в усадьбу и я понял, что придется остаться здесь на ночь. — Наказ воеводы во всем подчиняться мне не забыли?

— Как можно, боярин, начинает самый молодой, чем-то похожий на Борьку стрелец.

— Молчать! — строго прерываю его и, видя как вздрогнула и обернулась направляющаяся в дом Алена, сбавляю громкость, — Отвечать нужно «так точно, боярин». Понял?

— Понял, боярин, — кивает тот.

— Вот и ладно. А теперь слушайте внимательно. Он, — указываю на продолжающего сидеть в санях Савелия, — никакой не преступник, а скован был по ложному обвинению лишь для того, чтобы сбить с толку истинного вражину.

— Какого вражину? — перебивает меня тот же стрелец.

— Тебя как звать, воин?

— Звать меня Федькой, боярин.

— Так вот слушай, Федька. Какого вражину — то не твоего недалекого ума дело, — оглядываюсь и, убедившись, что Алена зашла в дом, ору прямо в ухо стрельцу: — Понял?!

Тот отскакивает, словно отброшенный моим криком, и, вытаращив глаза, орет в ответ:

— Понял, боярин, понял! — и уже тише добавляет: — нешто я совсем непонятливый?

— А коли понятливый, так слушай и не перебивай! До особого моего, или вышестоящего начальства, коим могут являться лишь воевода Афанасий Егорыч и Светлейший Князь Петр Александрович Невский, распоряжения, вы оба-двое поступаете под начало гвардейского старшины, — указываю стрельцам на удивленно задравшего брови Савелия, и говорю уже ему: — Давай, Савелий, распорядись по хозяйству, чтобы печи были затоплены и все такое.

— А как же... — гвардеец поднимает скованные руки.

— Это уже твои проблемы. Не я же буду искать, чем расклепать твои цепи?

На крыльцо выходит Алена, и я спешу к ней.

— Вам что-нибудь требуется, Алена Митрофановна?

— Нет, Дмитрий Станиславович. Я к батюшке.

— Я вас провожу.

Девушка никак не реагирует на мое заявление и молча идет к воротам, сетуя на воеводу, что не дал в дорогу какую-нибудь девку в услужение боярышне. Да и я не догадался об этом попросить.

Погост оказался за заброшенной деревенькой. Завидев могилки, я остановился, давая возможность девушке наедине попрощаться с дорогими ей людьми. Не знаю, сколько прошло времени, но продрог я изрядно. Когда начало смеркаться, не выдержал и окликнул

Алену.

Возвращались тоже молча. От усадьбы тянуло дымком, и слышался металлический звон. Звон, как оказалось, доносился от конюшни. Там Владимир сбивал цепи с рук Савелия.

С лошадьми ямщики уже управились, определив их на ночь в конюшню. Сани так и остались посреди двора, на том самом месте, где в ту страшную ночь стояла телега с трупами. Это воспоминание навевало мысль о том, как же девушка будет ночевать одна в комнате, где убили ее нянечку? Пришлось еще раз посетовать на несообразительность воеводы, что не отправил с нами какую-нибудь девку. Ладно бы нам день в пути быть, а то, по заверениям ямщиков, не менее трех недель.

К моему облегчению как-то само собой получилось, что заботу об Алене взял на себя Владимир. Из всех он один был женатый, а потому имел опыт общения с женщинами в бытовом плане. Да и в пути я несколько раз замечал, как он, управляя повозкой боярышни, перебрасывался с ней парой-другой слов.

Я же, к своему удивлению, не то чтобы робел перед Аленой, а просто не мог найти нужных слов для беседы с ней. Уж там-то, в моем мире я бы ее за пятнадцать минут... Впрочем, там таких не было... А каких таких? Какая она — Алена Митрофановна? Я-то доселе видел ее всего пару раз мельком. Один раз, когда защищал ее от бандитов. Другой, если то мне не померещилось, когда первый раз очнулся в санях после ранения. А пообщаться нам и вовсе не доводилось. И особым желанием общения со мной она, как видно, не горит. Ну да впереди дорога длинная. Думаю, еще пообщаемся.

И снова плен

Ночью меня сбросили с лавки и, заломив руки за спину, связали, попутно несколько раз пнув под ребра.

— Попался, гаденыш! — услышал я злорадный голос Залесского. — Из-за тебя теперь и девку порешить придется. На сук его!

— Погодь, Никита. На сук его завсегда успеется, — раздался еще один знакомый голос, и я, повернув голову, в свете разгорающихся лучин с удивлением увидел живого и невредимого Евлампия Савина. — У меня к этому человеку интерес имеется.

Как только я до конца осознал ситуацию, меня вдруг разобрал неудержимый смех. Тот самый смех, который называют истерическим. До сих пор думал, что подобному подвержены только психически неуравновешенные люди. Себя, естественно, таким не считал. И вот теперь, лежа на грязном полу, ухохатывался до слез и боли в животе, и никак не мог остановиться. А душу меж тем обволакивало чувство безразличия к собственной дальнейшей судьбе. Все! Все надоело! Весь этот бред надоел! Пусть меня либо вылечат, либо убьют, но участвовать в этом балагане я больше не намерен.

Вот только Алену жалко. Получается, что из-за меня теперь и ее убьют. И спасти ее на этот раз у меня не получится — связан крепко, и на помощь прийти некому. А что с остальными? Наверняка тоже в живых не оставят, если уже не порешили. Я-то жив, только благодаря какому-то интересу, имеющемуся ко мне у изменника Евлампия. Интересно, что ему от меня нужно? Эта мысль заставила смех отступить, и я затих, упершись лбом в пол и тупо пялясь в забитую грязью щель меж половых досок.

— Закончил кудахтать? — поинтересовался Евлампий, несильно толкая меня в плечо

носком сапога. — Поднимите его, хлопцы. Надобно мне его глаза видеть.

Меня схватили за связанные за спиной руки и дернули вверх так, что хрустнули плечевые суставы.

— Осторожней, черти! — вскрикиваю, морщась от боли. — Руки выломаете, я ж тогда говорить не смогу.

— Сможешь, — заверяет Евлампий. — На дыбе все говорить начинают, аки греческий проповедник перед паствой.

— Я не такой, как все. Я больше на ласку поддаюсь.

— И приласкать можем. Сунь-ка, хлопец, кочергу в печь, пусть согреется для ласк.

— Чего тебе надо-то от него? — опережает мой вопрос Залесский.

— Слышал я, когда связанным в бортничей избушке сидел, как Петьке один его человек про какое-то золотишко рассказывал, которое он вместе с этим вот, — кивнул на меня Савин, — где-то в лесу припрятали.

— Так, небось, его забрали уже, то золотишко-то. Невский-то еще когда в столицу подался.

— Думаю, Никита, не забрали золотишко. Нас оно дожидается, — усмехнулся изменник и пояснил: — Знали о захоронке только двое. Того Петькиного холоуя хлопцы порубали, когда он по мою душу явился. А этот, ты сам сказывал, в беспамятстве до Петькиного отъезда валялся. Да и спешил сильно гаденыш, вряд ли досуг ему было по лесу шариться. Так что по всему выходит, на месте то золотишко.

Похоже, говоря про холоуя, которого зарубили, он имел в виду Алексашку Меньшикова. Жаль мужика. Жаль даже несмотря на то, что если бы не княжеская рассудительность, Алексашка не раз мог бы отправить меня на тот свет.

— Много золотишка-то? — этот вопрос Залесский адресовал уже мне. Однако, видя, что я не спешу с ответом, обернулся к одному из своих холопов, сующему кочергу в полыхающий жаром зев печки: — Гринька, ты суй так, чтобы в самые угли. Недосуг нам долго ждать.

— Дык, знамо, боярин, — кивнул в ответ холоп.

Такой поворот мне в корне не нравился. Может, минуту назад я и желал смерти, но не мучительной же? Я им что, партизан, что ли? Да на фиг мне это золото?

— Э, мужики, так это что, весь сыр-бор из-за того рыжья, что ли? Да оно мне в нафиг не уперлось. Я же монах, у меня к златофилии стойкий иммунитет с пеленок. Не верите, можете посмотреть на левом предплечье следы от прививок.

— Перекинь веревку через матицу да подвесь этого говоруна на дыбу, — решил прервать мое красноречие Евлампий, обращаясь ко второму подручному столичного боярина.

— Ты, смерд, — подошел ко мне вплотную Залесский, — ежели еще раз мужиками нас назовешь, я тебе язык на раскаленную кочергу намотаю.

Боярин приблизился настолько, что я еле сдержался, чтобы не врезать лбом по его горбатуму носу. Лишь сказал в ответ на угрозу:

— Тогда я точно ничего не смогу рассказать.

— Ишо греть? — спросил холоп, достав из печи кочергу, конец которой уже светился зловещей краснотой.

— Добела чтоб, — распорядился боярин.

Тем временем второй холоп привязал к моим рукам просунутую через потолочную балку веревку и потянул ее вверх. Я лихорадочно искал выход из сложившейся нехорошей

ситуации, но по всему получалось, что мое положение безнадежное. Как бы чистосердечно я не намеревался рассказать и показать, где зарыл в снегу золотые монеты, бандиты не собирались ничего слушать без так неразумно затребованных мною предварительных «ласк».

Изо всех сил напрягаю предплечья, не давая вывернуть руки, и тянущий веревку холоп начинает кряхтеть от натуги.

— Остап, помоги хлопцу, — зовет Савин, и из какого-то угла появляется один из тех бандюков, что напали на княжеский обоз. Видать, какая-то заплутавшая в лесу группа вышла в тот раз к избушке бортника и освободила привязанного к лавке изменника.

Сопротивляться усилиям двоих не в моих силах. Не выдержав напряжения в мышцах, расслабляю руки, но перед этим слегка приседаю. Бандиты, воспользовавшись послаблением, резко тянут веревку. Когда предплечья выворачиваются до предела, и в следующий миг должны начать трещать суставы, резко отталкиваюсь от пола, запрокидывая ноги вверх подобно тому, как на турнике выполняется задний подъем переворотом. Только я стараюсь выполнить упражнение в обратном порядке — просунуть зад и ноги между связанных рук. Не тут-то было. Будь мои руки хотя бы на четверть метра длиннее, я легко смог бы вывернуться. Хоть и не знаю, что дало бы мне это в итоге.

Поняв бесполезность попытки, со злостью бью ногами в балку.

Если бы бандиты не выдержали рывка и сразу отпустили веревку, то я, скорее всего, свернул бы шею, воткнувшись головой в пол. Однако, не ожидая от меня подобного финта, они от неожиданности все же подались вперед. Казачок-изменник споткнулся и выпустил веревку. Я еще раз ударил ногами, теперь в потолок, отчего сквозь щели посыпалась труха, забившая глаза холопу Залесского, продолжающего удерживать меня на весу. Меня тоже осыпало прилично, но глаза закрыть я успел. Зажмурившийся бандит опускает голову, фыркает, вероятно труха попала ему и в рот, и начинает одной рукой яростно тереть глаза. Второй рукой он уже не может удержать веревку, и я плавно опускаюсь на пол.

Савин выхватывает из ножен саблю. Залесский шустро прячется за спину поднявшегося от печи холопа. В руках споткнувшегося бандита тоже уже сверкает клинок, и они с Евлампием подступают ко мне с двух сторон.

— Да покажу я вам где лежит это чертово золото! — кричу, отступая к стене. — Нешто оно мне дороже собственной жизни.

— Чего ж тогда брыкаешься? — подступает ближе Евлампий.

— Я пыток боюсь, — признаюсь вполне искренне. — Поубиваю, ежели пытать будете...

Договорить я не смог, потому что, пятясь, наступил на привязанную к рукам веревку и, не поняв, что меня потянуло за руки, попытался обернуться. Оборачиваясь, зацепился за веревку второй ногой и, потеряв равновесие, рухнул на бок.

Подняться мне не дал упершийся под подбородок клинок. Подбежавший Залесский пинает в живот. Пинает, замахиваясь от бедра, потому неумело и не больно. Но все равно я машинально дергаюсь, скользнув подбородком по остро отточенной стали, и чувствую, как по скуле за ухо протек теплый ручеек крови.

Я парень не впечатлительный, да и повидал за последнее время всяких кошмаров. Но вид собственной крови, а в данном случае даже не вид, а только ощущение, всегда частично лишал меня рассудка. Еще в детских драках более сильный противник мог запросто меня побить при условии, что не разобьет мне нос. У того, кто пускал из моего носа кровь, шансов на победу не было никогда.

От ощущения стекающей по шее крови слегка темнеет в глазах и одновременно в рассудке. Крутанув в воздухе ногами, попутно заехав Савину по запястью и выбив саблю, подбрасываю тело в воздух и оказываюсь лицо к лицу с горбоносым заговорщиком. Мне бы не мудрствуя зафутболить ему между ног, но почему-то решаю повандамить и, крутанувшись на левой ноге и не дотянувшись до челюсти боярина, втыкаю пятку ему в предплечье. Все же удар получается хороший, и Залесского сносит на холопа, который все еще трет засыпанные трухой глаза. Вдвоем они падают под ноги второму холопу, спешащему от печки, и тот, споткнувшись, летит через них.

Однако во время пируэта я намотал на ногу волочащуюся сзади веревку, чем не преминул воспользоваться Евлампий.

— Не рубить! — слышу его крик и, оглянувшись, непроизвольно зажмуриваюсь, видя занесенный надо мной клинок.

Повинуясь окрику, бандит отступает, а Евлампий дергает за поднятый конец веревки, и я в очередной раз падаю. Тут же со всех сторон начинают сыпаться удары. Из-за связанных за спиной рук нет возможности закрыть голову. Получив несколько чувствительных пинков, теряю сознание.

— Не могу я ждать. Надобно поспешать в столицу, — услышал я голос Залесского, как только сознание вернулось. — И ты, Евлампий не тни. Уходи, покуда Петька гвардейский полк для облавы не снарядил.

Через несколько секунд тишины половицы начали содрогаться под шагами выходящих людей. Но кто-то еще остался, ибо я отчетливо слышал недовольное сопение.

Я бы и дальше продолжил притворяться, но тут сопение стихло, скрипнула половица, меня пнули, и раздался голос Евлампия:

— Остап, волоки эту пададь во двор. Там вроде морозец крепчает. Вот и полей его водичкой. Да так, чтобы сухого места не осталось.

Не успел я ничего сообразить, как подчиненный Савина схватил меня за ноги и поволок.

— Эй-эй! — поняв, что притворством не спастись, я решил немедленно прийти в сознание. Дернув ногами, вырвал их из рук, Остапа, и попытался встать. Однако со связанными руками и ногами сделать это оказалось затруднительно. Через мгновение, получив сапогом по ребрам, я был прижат бандитской ногой к полу.

— Очнулся, говорун, — констатировал факт бандитский генерал.

— Да отдам я вам это золото, — поспешил я заверить Евлампия. — Нешто оно мне дороже жизни?

— Ай, не верю. Мыслю, опять что-либо учудишь, бисов сын.

— Ежели пытать не будете, не учужу. Говорю же, боюсь я боли. Как только больно мне делают, так сразу хочется поубивать всех вокруг.

— Погодь, Остап, — распорядился Савин, бандит снял с меня ногу и я смог отстранить лицо от грязного пола и посмотреть в сторону Евлампия. Тот сидел на лавке и задумчиво смотрел на меня.

— Ну, и где то золотишко?

— Прикопано в снегу, недалеко от того места, где вы устроили засаду на княжеский обоз. Пока нового снега не навалило, могу легко найти. Только мне нужны гарантии.

— А вот такой гарантии не хочешь? — с металлическим шелестом сабля покинула ножны, и кончик клинка тускло блеснул перед моим носом.

— Да не вопрос, — я постарался изобразить ухмылку, хоть внутри все сжалось от страха, — без головы я наверняка буду менее разговорчив, и молча отведу тебя к кладу.

— Чего хочешь? — Савин все же убрал саблю.

— Жизнь, естественно, — и видя презрительную ухмылку бородача, добавил: — и Алену Митрофановну отпустить.

О том, жива ли девушка, и что с ней сделали бандиты, я старался не думать.

— Ежели золото найдешь, отпущу обоих, — после недолгой паузы заявил Савин и бросил подручному: — Покарауль этого пройдоху.

— От мэне не сбегит, пан генерал, — заверил Остап и, ухватив меня за шиворот, отволол в угол помещения и для вразумления еще раз врезал ногой в бок. — Ось тут сиди, вражина.

Я согнулся от удара и завалился на бок. Влепил он мне действительно крепко, но на самом деле я упал, чтобы накрыть блеснувший в сметеном к стене мусоре осколок зеленого

бутылочного стекла. Повозившись и постолав для вида, уселся так, чтобы мусор оказался скрыт от посторонних глаз, а связанные за спиной руки нащупали стекло. Осколок оказался достаточно острым, и я, захватив его пальцами правой руки, тут же порезал ребро левой ладони. Пытаться разрезать стеклом связанные за спиной руки дело и так-то под стать только какому-нибудь Копперфильду, а тут еще и перетянутые веревкой кисти затекли. Но по немногу, получив еще несколько порезов, я приноровился — прижав стекло к бревну сруба, начал елозить по нему веревкой.

Не знаю, как Алену, а меня, понятно, в живых никто оставлять не собирался. Да и девушку, если она знает об участии Залесского во всем этом беспределе, тоже. Жива ли она еще? Может как раз в этот момент бандиты насилуют ее, прежде чем убить.

Наконец путы на руках, мокрых от сочащейся из порезов крови, ослабли и спали. Разминая кисти, я размышлял над тем, как на виду у охранника развязать ноги.

В это время бандит достал из-за пазухи сложенный цветастый платок и принялся его разглядывать.

— О це гарный платочек, — бубнил он, — Ось туточки юшка мабудь отмоеся, и буде Роське добрый подарочек.

Продолжая разглядывать трофей, мужик вытянул перед собой руки, отгородившись от меня, словно занавеской. Воспользовавшись моментом, я потянулся было к путам на ногах, но понял, что вряд ли бандит долго будет держать перед собой платок. И тогда, сев на ноги, я с силой оттолкнулся и прыгнул вперед. Сбив татя на лавку, с замахом из-за головы врезал ему двумя кулаками в лоб, отчего тот ударился затылком о дубовую столешницу. Глухо звякнула лежавшая тут же обнаженная сабля. Растолковав звяк, как намек, я схватил ее и полоснул хрипящего мужика по горлу.

В глазах потемнело то ли от вида хлынувшей из перерезанного горла крови, то ли от того, что моей отбитой голове были противопоказаны столь резкие движения и тем более прыжки. Едва не потеряв сознание, я упал на коленки и какое-то время так и стоял, приходя в себя. Первое, что увидел, когда зрение прояснилось, собственные окровавленные руки. Не сразу дошло, что это моя же кровь от порезов бутылочным стеклом.

Поднявшись и стараясь не смотреть на запрокинувший голову труп и лежавший на его коленях заливаемый кровью платок, я прислушался. Вроде бы, на шум никто не спешил. Я осмотрелся. В помещении две двери. Одна, судя по снежным следам у порога, ведет на улицу. К ней и поспешил, как только перерезал путы на ногах, но, услышав приближающиеся голоса и скрип снега, отпрянул и ринулся к противоположной двери. Но и за ней слышались голоса.

Я затравленно осмотрелся вокруг — спрятаться негде. В отчаянии поднял взгляд кверху и увидел лаз под крышу. Собственно, назвать эту щель лазом можно было только находясь в столь отчаянном положении. Потолок в помещении был под наклоном, вероятно доски нашивались прямо на стропила, и вдоль всей внутренней стены под потолком тянулась щель не более четверти метра шириной, выходящая, как оказалось, на чердак дома.

Встав на лавку, ухватился за балку, забросил поочередно ноги в щель и с большим трудом протиснулся сам. Благо был в легком стрелецком кафтане, который мне выдал оскольский воевода.

Скатившись с верхнего бревна простенка в густую паутину, я утешил себя мыслью о том, что зимой все пауки спят, заныкавшись по щелям, и затих, вспомнив, что нахожусь как раз над теми, чьи голоса слышал за внутренней дверью.

А тут и наружная дверь заскрипела, отворяясь, и сразу прозвучал удивленный возглас:

— Цэ шось такэ? Петро, побачь, це Остап, чи не?

Прогрохотали поспешные шаги, скрипнула дверь подо мной и уже другой голос заорал:

— Пан генерал, цэ шо с Оськой Горобцом такэ? Цэ-ж какая вражина его зарубила?

— Где пленник?! — истошный вопль генерала-ренегата заставил меня вжаться в насыпанную на настил перекрытия сухую землю и затаить дыхание.

— Утек, курва, — ответил кто-то главарю.

— Изловить!

Топот множества ног в направлении выхода, и внизу воцарилась тишина. Я наконец-то смог вдохнуть, но, втянув ноздрями изрядное количество пыли, тут же зажал рукой рот, пытаясь сдержать чих, могущий прозвучать в наступившей тишине слишком громко. Мне это с трудом удалось ценою заложенных ушей и едва не вылетевших барабанных перепонки.

Снова слышались голоса, потянуло холодным сквозняком из открывшейся двери, и я услышал:

— Цэ-ж вин ежели до Оскола побег, хлопцы мабуть и догонют. А ежели нет? Тут же на пятьсот шагов вокруг все истоптано, пан генерал.

Далее последовали долгие и витиеватые излияния из уст Евлампия Савина, в коих поминалась судьба-злодейка, князя-москвиты и никчемное отребье, годное лишь просить милостыню на паперти, а не именоваться казаками и ходить в лихие набеги на клятых москалей. А я тем временем молил Бога, чтобы ни у кого из бандитов не возникло желание проверить, способен ли нормальный человек протиснуться в узкую щель под потолком. Выплеснув накипевшее, генерал распорядился немедленно покинуть усадьбу, ибо, ежели беглец, то есть я, все же доберется до крепости, то надо как можно дальше оторваться от возможной погони.

— Полоняников порубать, чи шо? — спросил кто-то.

— Я тя самого порубаю! — взъярился Савин. — с собой погоним. Продадим османам, хоть какой-то навар получим. И не дай Боже, кто девку пальцем тронет!

В доме вновь поднялась суeta, а я, дрожа от холода, размышлял над полученной информацией. Слава Богу, Алена жива и невредима. Сопровождающие нас мужики тоже все ли? Но мне-то что делать? Дождаться, когда бандиты уйдут и, если не околею тут окончательно, бежать в Оскол? В лучшем случае доберусь туда к ночи. Погоня, если воевода ее организует, выедет не ранее утра. Плюс, пока домчатся до усадьбы. По любому у банды будет минимум полтора суток форы. То есть, Алену наверняка ждет османское рабство. А ежели Савин за своими бандитами не уследит, то чего и похуже. Ну, и что я могу сделать? Спрыгнуть и всех поубивать? Не смешно.

Дверь наружу теперь не закрывалась, и меня все сильнее трясло от пронзительно-ледяного сквозняка. Во дворе ржали кони, перекрикивались люди. Кто-то говорил, что надо подождать отправившихся в погоню хлопцев. Но Евлампий послал его куда подальше вместе с теми хлопцами и приказал выступать.

И вот все звуки стихли и я наконец-то расслабился. Дрожь тут же передалась челюстям, и они звонко застучали зубами.

Не в силах больше терпеть холод, я с трудом протиснулся в обратном направлении. Окоченевшие руки соскользнули с балки, но падение оказалось удачным — обошлось без травм. Содрогаясь всем телом, я поспешил внутрь дома в поисках тепла. Обнаружил печку и прильнул к ней, пытаясь впитать исходящее тепло. Увидел торчащий с лежанки край

овчиной шкуры, стянул и завернулся в нее. После чего прошел и закрыл обе двери — комната была проходная. Вернувшись, снова прижался к печке, продолжая сотрясаться от не желающего покидать мои внутренности холода. Эх, сейчас бы кружечку простого кипяточка...

Неожиданные шаги за дверью оборвали мысль о кипятке, сменив ее другой — об отправленной за мной погоне. Наверняка это они вернулись.

Дверь заскрипела, открываясь. Паника мгновенно выгнала из меня холод, заставив его выступить липким потом.

В следующее мгновение через порог шагнул стрелец Федька. Парень обнимал себя за плечи и трясся от холода так же, как пару минут назад трясся я. Его взгляд быстро окинул комнату и наткнулся на меня. Стрелец испуганно шарахнулся назад, но уперся во входящего следом Данилу. Тот тоже заметил меня и удивленно взметнул брови.

— Дмитрий? — дрожащим от холода голосом спросил он. — Так ты не утек?

— Я-а? Да я в жизни ни от кого не убегал!

— Дык, э-э... а... — попытался выразить мысль Данила, припадая к печке.

Федька забрался наверх и простучал оттуда зубами:

— По-по-подбросьте па-па-палешков.

— Охренел, чувак?! — осознание того, что я не одинок, придало мне уверенности, и потому решил сразу определиться с субординацией. — Нешто я тебе прислуга?!

Юный стрелец дернулся было соскочить с печи, но я остановил его повелительным жестом.

— Сиди уже. Данила подкинет. Да и недосуг нам тут долго греться. С минуты на минуту должны бандиты нагрянуть.

Услышав про бандитов, парни встрепонулись и опасливо покосились на дверь. Я в двух словах рассказал об отправившейся за мной погоней. Оказалось, они о погоне знали, но не подумали, что те, не догнав меня, вернутся в усадьбу.

А тут со двора послышался стук копыт по утопанному снегу и конское ржание. Федьку сдуло с печи, и мы суетливо заметались по комнате. Данила сунулся под печь, заставив меня удивиться, что такой здоровый мужик пытается протиснуться в такую маленькую дырку. Но он всего лишь извлек оттуда топор и переместился к двери, приготовившись снести голову первому вошедшему. Видя такую решимость ямщика, я устыдился своей панической суетливости. Подхватив небольшую, но увесистую лавочку и занеся ее над головой, встал с другой стороны двери. Вот и стрелец вооружился какой-то кочергой, притих за спиной данилы.

А из соседнего помещения уже неслись перемежающиеся с матерщиной удивленные возгласы по поводу отсутствия подельников. Дверь рывком распахнулась, пропуская двоих решительно ворвавшихся хлопцев. Дух, бум, — дулетом шарахнули по прикрытым войлочными шапками головам обух топора и дубовая лавочка. Тюк, — на всякий случай добавил кочергой слишком медленно падающему бандиту Федька.

Данил бросился в двери. Я за ним. Больше в доме никого не встретили. Выскочив на улицу, увидели третьего бандита. Он стоял к нам спиной и справлял малую нужду в оставленные во дворе сани.

Хрясь! — врубился в затылок зассанца брошенный ямщиком топор. Бандит молча завалился на мокрую солому.

— Ну, ты, блин, Чингачгук, — оценил я Данилин бросок.

Топчущиеся тут же лошади никак не отреагировали на смертельный инцидент. Судя по тому, что кобылы было три, Данила упокоил последнего гостя. А ямщик вместе со стрельцом уже подхватили животных за поводья и отвели к коновязи.

Кроме трех лошадей, итогом засады стали три сабли, два пистолета, ружье и разные боеприпасы к ним, в которых я ничего не соображал. Ружье, естественно, досталось Федьке. Пистолеты пытались навязать мне, но я вручил их Даниле, заявив, что ему они нужнее. Удивленно-вопросительный взгляд проигнорировал, отправившись в дом, искать полушубок, который мне презентовал в дорогу воевода.

Еще через несколько минут мы вновь собрались у печки. Пронырливый Федька притащил откуда-то мешок с вяленой рыбой. Оставалось только мечтать о пиве.

Под рыбку парни поведали мне о том, как перед рассветом вместе вышли из дома. Даниле приснился кошмарный сон, и он вышел проверить лошадей, дабы развеяться. А Федьку погнала малая нужда. И вот, зайдя за поленицу и занимаясь мокрым делом, стрелец увидел многочисленные темные фигуры, вынырнувшие из предрассветного сумрака и метнувшиеся в дом. Затаив дыхание, парень вдоль стенки прокрался в конюшню, где рассказал о налетчиках Даниле. Тот уже и сам расслышал грохот и голоса доносящиеся из дома. Да и во двор въехали несколько всадников, и чей-то властный голос приказал обыскать всю усадьбу.

Поняв, что в конюшне их непременно обнаружат, парни выскользнули за поленицу и хотели выбраться со двора. Однако вокруг уже было слишком много народу, и с каждой минутой становилось все светлее. Тогда стрелец протиснулся под сторожку, которая была приподнята от земли на нескольких каменных столбах. Кое как за ним протиснулся Данила. Они проползли за фундамент печки. Здесь валялись прелые тряпки, клочки собачьей шерсти и обглоданные кости. Вероятно когда-то, в более благополучные для усадьбы времена, под сторожкой обитали местные дворняги.

Так в бывшем собачьем логове ямщик со стрельцом и пролежали несколько часов, пока бандиты не покинули усадьбу. Из доносящихся обрывков разговоров поняли, что всех взяли сонными, а потому живыми, и теперь собирались забрать с собой в качестве живых трофеев, дабы продать в османское рабство. Их не искали, а значит товарищи не сообщили бандитам об отсутствии еще двух человек. Слышали парни и о моем бегстве, и об отправленной погоне. А вот о присутствии боярина Залесского ничего не знали. Вероятно, тот особо здесь не расхаживал, убедился, что меня повязали, и сразу уехал.

Я в свою очередь тоже рассказал о своем освобождении. Мол, владею восточным искусством ниндзюцу, позволяющим делаться незаметным, находясь среди врагов. Не ну, я же действительно оставался в доме, и при этом меня никто не видел...

— Мыслю я, в крепость пусть Федор один отправляется, — заявил Данила, когда пришло время решать, что делать дальше, — а я, Дмитрий, с тобой отправлюсь.

— Э... — отвесил я челюсть, ошарашенный заявлением. — Куда ты со мной отправишься?

— В погоню за людокрадами, — насупился парень, показывая, что его решение окончательное и бесповоротное. — Не могу я без брата вернуться. Что я его жинке и деткам скажу? Хоть убей меня, Дмитрий, а я все одно с тобой пойду. Нешто тебе помощь не потребуется?

М-да... Я задумчиво смотрел на набычившегося ямщика и пытался вспомнить, когда это я мог хотя бы намекнуть, что собираюсь отправляться в погоню за бандитами? Неужели я

так сильно похож на идиота, или вообще на какого-нибудь Рембо, чтобы в одиночку гоняться за целой бандой?

С другой стороны, Данила прав, если ждать погони из крепости, то найти банду Евлампия Савина будет крайне сложно. Земли южнее Оскола, как я понял, хоть и считаются частью Российской империи, но по факту являются дикими, мало контролируемыми территориями, в коих очень легко затеряться. Ну, и еще одна мыслишка подтачивала мою совесть. Ведь это на меня навел бандитов Залесский. А значит, из-за меня попали в беду угоняемые в рабство люди. Сиди я в крепости, катила бы сейчас Алена Митрофановна спокойно в возке, любуясь бескрайними Российскими просторами. Правда, меня бы тогда подловили за каким-нибудь углом, или ночью придушили тихонечко. Впрочем, я и тут чудом спасся. Если бы не жадность Савина до золота...

— Ладно, — хлопнул я себя по колену, поднимаясь с лавки, — время дорого. Ты, стрелец-молодец, не медля скачи в Оскол. Пусть воевода шлет отряд вслед за бандитами. Я конечно и сам с ними справлюсь, но мало ли что. Вдруг ногу подверну на бегу. Да хватит тебе грызть эту рыбину! Данила, выдели ему лошадь.

Когда Федька, лихо вскочив в седло, унесся, я обратился к ямщику:

— Ну, ежели решил пойти со мной, то на тебе обеспечение предприятия.

— Э-э?

— Забота о лошадях и провизии, — пояснил я.

— А чего тут заботиться-то? Овес в седельных сумках есть. Нам из провизии только рыба, — развел руками Данила и нетерпеливо добавил: — поспешать надо, Дмитрий.

— Тише едешь — морда шире, — нравоучительно поднял я палец и, кряхтя, полез в седло.

С лошадьми я был на «вы», но мало-мальские понятия об управлении этим транспортным средством имел. Опять же, благодаря одной из бывших подруг. Ее родственники держали небольшой конный клуб, где за приличные деньги желающие совершали конные прогулки по огороженному парку. Девушка несколько раз приглашала меня покататься на халаву. Потому лошадей я не боялся и мог уверенно держаться в седле при беге рысью, или, как этот бег называла подруга, при свободном аллюре.

Ориентироваться в направлениях я, сугубо городской житель, не мог и, как только выехали за ворота, пропустил вперед Данилу. Слава Богу, после оттепели на протоптанных участках снег замерз малопроездными колдобинами, а по нехоженным местам был достаточно глубок, чтобы пуститься в галоп, не то он наверняка поскакал бы со всей дури, чего я очень даже опасался, все же сомневаясь в собственных кавалерийских способностях. Но, надеюсь, по тем же причинам не могли быстро двигаться и бандиты. К тому же, большой караван всегда движется медленнее.

В лесу дорога сузилась до широкой тропы, и стало понятно, что банда ренегатов движется исключительно верхом, не обременяя себя санными. Впрочем, судя по тому, сколько этих бандитов полегло во время схватки с обозом Светлейшего, лошадей у выживших должно быть с избытком. Данила подтвердил, что слышал многочисленное ржание за пределами двора, когда прятался под сторожкой.

Многочисленные подковы стесали с лесной тропы все неровности, сделав ее более проходимой, и напарник не упустил возможности ускорить темп. Когда доскакали до реки, я чувствовал себя мешком, набитым перемешанными потрохами. Возможно сказывались недавние туманы, коими меня ласкали подручные генерала и боярина Залесского. Потому я

приказным тоном заставил Данилу сбавить скорость, аргументируя тем, что если беглецам вздумается устроить привал, то они услышат топот наших коней издали, а выскочить вдвоем на поджидающую нас вооруженную банду как минимум глупо. А значит ехать надо сторожко, дабы первыми засечь противника. Парень с трудом, но подчинился, хоть и частенько непроизвольно понукал свою лошадь.

Дотемна мы так никого и не догнали. Лишь уже ближе к полуночи, сделав изрядную петлю по полям и подлескам, снова вернулись к реке. Теперь след людокрадов вел по льду вниз по течению.

— Тю-у-у, — с досадой протянул спутник и в сердцах сплюнул на лед.

— Чего ты?

— Да то ж они крепость огибали. Эх, догадаться бы, надо было со стрельцом в Оскол скакать. Давно б уже людокрадов догнали. Да не вдвоем. Небось, воевода отрядил бы казаков. Э-эх...

Я столь досадливое открытие воспринял довольно равнодушно, ибо вымотан был до предела и едва не вываливался из седла.

На автопилоте я собирал сушняк для костра, пока Данила управлялся с лошадьми. Потом ямщик разбудил меня, предложив кружку кипятка, сухарь и вяленую рыбину. Но я отказался и снова провалился в сон под ласковое потрескивание пожираемых огнем дров. Потом меня в очередной раз били. Потом связали и куда-то поволокли. Чей-то надсадный голос кричал, что порубит нечестивцев за сына Ваньку. Другие голоса его успокаивали, говоря, мол, никуда ироды от расправы не денутся, надо только им для начала развязать языки. Потом меня бросили на солому, и я смутно осознал, что лежу в санях рядом с каким-то скарбом. В дороге я периодически то ли терял сознание, то ли просто проваливался в дрему из-за не только физического, но и морального истощения.

Пришел в себя, когда меня снова куда-то волокли, но открывать глаза не хотел, пытаюсь таким образом отгородиться от кошмарной реальности.

Скрипнула дверь. Обдало теплом помещения. Меня снова бросили, но теперь вместо соломы я ударился о жесткие доски пола.

— Дмитрий Станиславович? — знакомый голос заставил разлепить веки. Надо мной склонился выпучивший от удивления глаза, воевода крепости Оскол.

* * *

Сутки напролет я отсыпался, отъедался и приводил в порядок свою изрядно пошатнувшуюся психику. А после баньки, натянув чистое нательное белье, я и вовсе окончательно пришел в себя. Побеседовал с воеводой, рассказав о нападении бандитов, но пока умолчав о присутствии с ними боярина Залесского. Узнал о неожиданном столкновении охраняемого десятком казаков обоза с бандитами. Благо те не стали ввязываться в рубку, а, ошеломив казаков неожиданным наскоком, унеслись прочь. В результате столкновения погиб молодой казак, доселе ни разу не бывавший в сече. Это его отец, приказной казак Григорий Нечаев, рвался ночью порубить нас с Данилой. Почему нас? Потому что, спеша в крепость и наткнувшись на нас, приняли за отставших бандитов. Самое смешное, все обозные возницы знали Данилу, но в темноте не разглядели его лицо. А подать голос нам не дали налетевшие казаки. Спасибо десятнику, который не дал обезумевшему от

горя Григорию нашинковать нас в винегрет.

Впрочем, осознание всей этой информации пришло позже. Весь день, после того, как меня узнал и освободил воевода, я старательно отгонял все мысли, кроме одной, уверяющей, будто все злоключения закончились.

Когда разбудили ранним утром и сообщили, что пора отправляться в дорогу, я старательно пытался вспомнить все вчерашние разговоры. Однако ничего в голове не прояснилось. Куда мне вновь предстоит ехать? Наверняка в столицу.

— Примерь одежду, Дмитрий Станиславович, — воевода протянул мне короткую шубейку из белой дубленой кожи. Такие полушубки я видел в фильмах про Великую отечественную у советских командиров. К полушубку, который оказался впору, я получил мохнатую овчинную шапку. После чего хозяин крепости протянул ножны со слегка изогнутым клинком. — И сабельку прими. А пистолы у сотника спросишь.

— У какого сотника? — не понял я.

— Михайло Волобуева отрядил я во главе полусотни тебе в сопровождение, Дмитрий Станиславович, — пояснил воевода.

Я лишь хмыкнул, подумав о заднем уме Афанасия Егоровича. Отряди он казачков ранее, глядишь, и не случилось бы беды, не угоняли бы сейчас Алену с сопровождающими нас парнями в рабство. Оно конечно я сам от большого сопровождения отказался, Но, кто я такой? А воевода он на то и воевода.

— Ну, коли одежда ладна, пора и в путь, — Афанасий Егорыч первым выходит из дома, впуслав внутрь морозный воздух.

Снаружи еще царят предутренние сумерки. Зябко передернув плечами, испытываю сильное желание вернуться в тепло, раздеться и забраться под пуховое одеяло. В усмешку на мои мысли утренний морозец чувствительно щипает кончик носа.

Возле крыльца нас ожидают несколько всадников. Неожиданно легко для своего грузного тела воевода вскакивает в седло и выжидательно смотрит сверху. Понимаю, что свободная лошадь предназначена мне. Он что, думает, что я тыщу верст в седле скакать буду? Да я ж себе последние мозги отобью! Однако, протестуя в душе, все же взбираюсь в седло. Кавалькада трогается.

— Дубль два, — комментирую вторую попытку покинуть крепость.

Воевода вопросительно оборачивается на мое восклицание, но делаю вид, что всматриваюсь куда-то в сумрак.

Первое смутное подозрение шевельнулось, когда я заметил, что мы направляемся не к тем воротам. У башни, которую осматривал в первый день, когда встал после ранения, былолюдно и, я бы даже сказал, лошадно. Несколько десятков казаков в мохнатых шапках и с ружьями за спиной, горячили коней.

— Михайло, — окликнул воевода.

К нам подскакал казак в таком же, как на мне светлом полушубке, и принялся докладывать о готовности.

— Здрав будь, боярин Дмитрий, — отвлекло меня приветствие еще одного подъехавшего всадника.

С удивлением таращусь на Данилу. Ямщик разве что одет не как все казаки. На нем стеганый кафтан и войлочная шапка. Но за плечами ружье, а на боку сабля.

— А ты чего это верхом? — спросил я, забыв ответить на приветствие.

— Нешто я б в погоню на санях отправился? — удивился тот.

— Очень уж просился хлопец с тобой в погоню за людокрадами, — словно оправдываясь, пояснил присутствие Данилы воевода. — Ну, да пусть будет при тебе, Дмитрий Станиславович.

— В погоню? — только и смог вымолвить я. Осознание того, что меня отправляют в погоню за бандитами, заставило все остальные вопросы застрять в глотке.

— Я должен освободить брата, — истолковал, как сомнения, мой остановившийся на нем взгляд ямщик.

Лишь когда миновали мост через реку Оскол и ехали через Стрелецкую слободу, ко мне вернулся дар речи, и я попытался наводящими вопросами прояснить обстановку у ехавшего рядом воеводы. Как я уже понял, мы отправляемся в погоню за бандитами. Воевода выехал нас проводить. После нескольких осторожных попыток узнать, с какого перепугу с казачьим отрядом отправили меня, выяснилось, что отправили-то не меня с казаками, а их придали мне в помощь. О-бал-деть! Нет ну, может я вчера и выпил пару бокальчиков вина, но пьяным точно не был. И точно помню, что не только не высказывал, но даже и не испытывал желания отправиться в погоню за кем бы то ни было. Оно конечно мне искренне жаль Алену Митрофановну. Но кто она мне такая, чтобы ради нее бросаться на верную смерть? Да у меня таких Ален было... Я им кто, Рэмбо, что ли? Я обычный мелкий предприниматель, разложенный сумасшедшим алкоголием на нуклоны. Меня вообще нет! Это вообще не я!

— Удачи тебе, Дмитрий Станиславович, — оборвал вихрь моего мысленного негодования голос Афанасия Егоровича. — Эх, скинуть бы годков десяток, да не было б на моих плечах заботы о крепости, составил бы я тебе компанию. До чего ж иной раз душа тоскует по лихим походам! Но ты, друг Дмитрий Станиславович зазря головой не рискуй. Мне за тебя перед Светлейшим ответ держать. Ежели уйдут тати на турецкую сторону, значит судьба такая у Алены Митрофановны. Ты туда не суйся. Я и сотнику дал наказ не пущать тебя, ежели что. Не то и девицу не спасешь, и сам голову сложишь.

— Нешто ты, Афанасий Егорыч, думаешь, что я турок испугаюсь? — строго воззрился я на воеводу и вопреки своим мыслям продолжил: — А как же я потом буду в глаза Светлейшему Князю смотреть, когда он узнает, что дочь боярина Жукова, которую он лично, рискуя жизнью, освобождал из лап бандитов, по моей вине вновь к тем бандитам попала?

Обалдев от собственных пафосных слов, я с подозрением пытался вспомнить вкус компота, которым запивал расстегаи во время спешного завтрака. Может, вместе с сухофруктами в него какую-нибудь веселую травку положили?

— Да понимаю я тебя, Дмитрий Станиславович, — смущенно потупился воевода. — Иначе и не пустил бы вовсе. Но и ты пойми, ежели что, Петр Александрович с меня же голову снимет.

— Не волнуйся, Афанасий Егорыч, — я задорно подмигнул воеводе, — как говорят у нас в монастыре, все будет пучком!

— Энто как? — удивленно поднял тот брови.

Я произнес поговорку целиком. Сотник и бывшие рядом казаки сдержанно хохотнули.

— Ну, коли так, то не буду более задерживать, — кивнул воевода. — Пусть воинская удача сопутствует тебе!

Дальнейшие дни слились в одну бесконечную скачку с периодической сменой лошадей на заводных. На ночлег останавливались только в сумерках, а с утренней зорькой вновь пускались в дорогу. Казаки в пути вели себя так, будто выехали на веселую прогулку, а не на опасное предприятие. Они ухитрялись без перерыва переговариваться и шутить, умолкая

лишь во сне и в галопе. Угрюмо молчали только Данила и тот казак, чей сын погиб при столкновении с бандитами. Во время первой ночевки Григорий Нечаев подходил извинялся за то, что рвался убить нас с Данилой, приняв за врагов. Несмотря на все еще ноющие после тумачов ребра, я понял его и простил.

Сотник Михайло Волобуев пытался заводить со мной беседы, но на скаку мне было не до того, а как слезал с лошади, так, наскоро поев, засыпал.

В этот раз заночевали с комфортом в оказавшемся на пути крупном поселении с небольшой крепостью в центре. Следы людокрадов вели вокруг. Мы же решили рискнуть и не идти по следу, а срезать путь через селение, заодно и переночевать.

Утром как обычно выехали едва забрезжил рассвет. Сотник заранее пустил вперед дозор, дабы обнаружить след беглецов. И вскоре в расположенной в трех верстах от поселения дубраве дозорные обнаружили недавно оставленную стоянку. По еще тлеющим углям в кострищах определили, что бандиты опережают нас максимум на час. Последовала короткая остановка — кто-то сменил лошадь на заводную, кто-то подтянул сбрую — и полусотня ринулась в погоню. Пока не в галоп, но аллюром.

То ли я уже стал сносным наездником, то ли так действовал азарт, но седло больше не колотило по отбитому задку. Я вообще забыл обо всех неудобствах, вместе с остальными всматриваясь вдаль, где вот-вот должны показаться беглецы.

Мы почти поднялись на поросшую редколесьем вершину пологого холма, когда заметили скачущего навстречу всадника. То оказался казак из посланного вперед дозора. Он едва держался в седле, припав к лошадиной шее, а из его правого плеча торчало древко стрелы.

— Крымчаки, — прохрипел он, остановив лошадь, — много. Сотни три, а то и более.

— Окстись, Гриня, откуда здесь зимой крымчакам взяться? — удивленно воскликнул сотник, гарцуя на разгоряченном жеребце.

— То ты, Михайло, у ентот стрелы спроси, — раненый казак покосился на свое плечо.

— Точно крымчаки! — воскликнул один из казаков, привстав на стремянах и вглядываясь в сторону вершины холма, где из-за деревьев уже вылетали один за другим дико визжащие всадники.

Казаки подняли ружья и пистолы. Я тоже поднял один из врученных мне пистолетов. А крымчаки все выезжали и выезжали из-за деревьев. Вот уже целая лавина несется на нас по склону.

— Хлопцы! Стреляем, и тикать! — скомандовал сотник, первым разряжая пистолеты в накатывающих врагов.

Поддавшись общей панике, я тоже выстрелил, никуда особо не целясь, отбросил пистолет и, ничего не видя в пороховом дыму, принялся разворачивать лошадь. Рядом прозвучали еще несколько выстрелов. Один грохнул прямо у морды моей лошади. Та дико заржала и взвилась на дыбы, выбрасывая меня из седла. Хвала Богу, шмякнулся оземь удачно, ничего себе не сломав. Единственной мыслью после падения было, что меня сейчас затопчут. Потому сразу вскочил на ноги, но тут же вновь был сбит наскочившей лошадей.

— Дмитрий! Живой?

Узнаю голос Данилы. Парень помогает мне забраться в седло, придерживаемой им лошади, и следом сам вскакивает на другую. Лошадей не надо погонять. Испуганные животные берут с места в карьер. И в этот миг какая-то сила выдергивает меня из седла.

На этот раз падение выбивает воздух из легких. На какое-то время темная пелена

застилает сознание, и я ничего не вижу и не слышу.

Когда сознание проясняется, вокруг стучат сотни копыт, обдавая меня комьями грязного снега. Пытаюсь встать, но обнаруживаю, что руки плотно притянуты к туловищу. Однако ноги свободны. Повернувшись на бок, поднимаюсь на колени. И вновь та же сила, что выдернула из седла, рывком валит меня на землю и, все ускоряясь, тащит по земле. Теперь все мои усилия направлены на то, чтобы стараться скользить на спине, но все же несколько раз, наткнувшись на кочки, переворачиваюсь и обдираю лицо о жесткий ледяной наст, искрошенный конскими копытами.

Наконец адская гонка заканчивается, и я, едва дыша из-за отбитых боков, расслаблено замираю на снегу. Благо на мне плотный полушубок. Иначе сомневаюсь, что отделался бы только ушибами.

— Урус, вставай!

Несколько раз пнув по и так отбитым бокам, меня за шкуру вздергивают на ноги. Передо мной классический татарин в лисьей шапке и стеганном халате. На поясе кривая сабля. Ростом на полголовы выше меня. Он стягивает мои кисти веревкой, привязанной другим концом к луке седла топчущейся рядом лошади. Только после этого татарин ослабляет и снимает с меня петлю аркана. Взлетев в седло, он дико визжит, словно сел на заботливо подставленный кем-то гвоздь. Однако, вопреки моим опасениям, не пускает лошадь в галоп, а удовлетворяется легкой рысью. Впрочем, мне удастся пробежать не более пары сотен метров, после чего благополучно падаю и скольжу по насту. Но теперь хотябы можно поднять лицо, когда меня переворачивает на живот.

Снова остановка. Снова тумачи. Снова меня поднимают за шкуру и что-то втолковывают на нерусской белиберде.

И вот я снова бегу, подвязанный к общей грозди пленников, подгоняемый окриками и ударами нагаек. Рядом семенит кто-то смутно знакомый. Пытаюсь всмотреться в его бородатое лицо, разукрашенное синяками и кровоподтеками, но едва не падаю, споткнувшись о подвернувшуюся кочку. Крепкий полушубок в очередной раз смягчает обрушившийся на спину тонирующий удар нагайки.

— Что, говорун, убег из огня да в полымя? — щербато щерится сосед.

Я снова спотыкаюсь, узнав в бегущем рядом пленнике бандитского генерала Евлампия Савина.

Нас гнали как скот несколько часов к ряду. По пути я пытался рассмотреть пленников. Рядом, судя по серым кафтанам, бежали подручные Евлампия, ставшие вдруг сами татарской добычей. Сей факт, хоть и не укладывался в моей голове, но грел душу злорадством, придающим сил. Оглянувшись, заметил сзади пленников в другой одежде, но как следует не разглядел, ибо споткнулся и заработал сразу два чувствительных удара нагайкой, отбивших охоту раздражать погонщиков.

Вот один из бегущих впереди бандитов упал и не сделал попытки подняться, а так и потащился по снегу, путаясь под ногами у бегущих следом, вынуждая их спотыкаться и в свою очередь падать. Едущий рядом татарин что-то заорал. Колонна резко остановилась. От неожиданной остановки пленники натыкались друг на друга. Образовалась куча-мала. Однако засвистевшие нагайки быстро навели порядок, заставив пленников подняться на ноги. Я, как и мои соседи, стоял согнувшись, и надсадно дыша. Дыхание после длительного забега скребло по гортани словно наждаком.

Спешившийся татарин подошел к так и оставшемуся лежать бедолаге, накиннул ему на шею петлю, кинжалом отсек стягивающую руки веревку и поволок хрипящего и цепляющегося руками за петлю пленника к лошади. Привязав веревку к луке и вскочив в седло, он с визгом и гиканьем проскакал полсотни метров, волоча за собой бывшего бандита. Когда руки у того безвольно повисли, крымчак отрезал веревку от седла, оставив мертвое тело валяться на снегу.

Колонна тем временем двинулась, ускоряясь, пока снова не перешла на бег. Гнали нас почти до вечера, сделав еще всего лишь две короткие остановки, чтобы показательно казнить очередного выбившегося из сил. Я уже готов был стать следующим, приняв сию участь, как избавление от творившегося кошмара, когда колонна вновь остановилась, и на сей раз пленникам позволили повалиться на снег.

Не знаю сколько времени прошло, прежде чем я восстановил дыхание и стал воспринимать окружающую действительность. К этому времени уже опустились сумерки. Пытаясь согреться, люди жались друг к другу, сбившись в отдельные кучки.

Потирая стертые до крови запястья — я даже и не заметил, когда мне освободили руки — попытался рассмотреть ближайших соседей. В одном узнал Евлампия.

— Слышь, Иудушка, тебя-то сюда за что? — толкнул локтем ренегата.

На меня тут же зашикали соседи, боязливо косясь в сторону ближайшего костра, от которого слышалась возбужденная татарская речь. Кто-то даже пнул исподтишка.

— Тише ты, аспид говорливый! — прошипел Евлампий, вернув мне удар локтем. — Али по татарским нагайкам заскучал?

— Придушить цёго злыдня, и уся недолга, — предложил один из бандитов, но генерал срезал инициативу грозным цыканьем и объяснением, что крымчаки наверняка обидятся за порчу их имущества.

Решив не накалять обстановку, я затих и стал прислушиваться к тихому разговору, а вскоре и сам втянулся в него, задавая разные вопросы. Оказалось, многие подручные из шайки Савина понимали татарскую речь. Они прислушивались к разговорам у костра и передавали содержимое остальным.

В общем, из обрывков информации и собственных доводов я сложил примерную

картину происходящего. Получалось, что на пиру у крымского хана один из его сыновей поспорил с остальными братьями, что совершит стремительный набег на Русь зимой и приведет, полон в количестве, равному числу его воинов. Разгоряченный насмешками братьев, принц покинул пир и призвал в набег три сотни самых лучших своих нукеров, повелев явиться налегке, взяв лишь оружие, заводных лошадей и немного овса для них в седельных суммах.

Когда пиршественный хмель развеялся, и туманившая разум злость на братьев улеглась, давать обратный ход было уже поздно, ибо это значило покрыть себя славой труса.

Нападать столь малым количеством на более-менее крупные поселения было бы верхом безумия. Но после недавней войны в порубежных районах мелких сел и хуторов почти не осталось. Те же немногие, что сохранились или отстроились за последний год, имели крепостные стены, которые сходу не взять. Впрочем, в один хуторок крымчакам удалось ворваться, застав жителей врасплох. Со следующим вышла осечка, и при осаде, хоть она и была недолгой, потеряли больше воинов, чем взяли пленников. В ярости принц поклялся, что придумает страшную казнь всему полону зразу, как только продемонстрирует его братьям.

Зато утро порадовало татар неожиданно легкой добычей. Более полусотни всадников сами прискакали к ним в руки. Правда, это оказались подданные османского султана казаки-перебежчики, а их предводитель предъявил соответствующую грамоту. Но что крымскому принцу какой-то там османский султан, который вряд ли узнает, где и как сгинули верные ему урусы? Да и верные ли? Если они однажды предали свою родину, разве не предадут они так же султана? Значит принц поступит во благо сюзерена крымского хана, срубив головы этим нечестивцам. Разумеется, после того, как продемонстрирует, полон братьям.

Когда я высказал Евлампия Савину свои соображения о предназначенной ему судьбе, тот посмотрел на меня так, что стало понятно, он сам давно пришел к аналогичному выводу. Я бы с удовольствием позлорадствовал, не находясь сам в такой же ситуации.

— А чего это ты, говорун, тут пригрелся? — прищурил вдруг глаз генерал. — Чего к своим не ползешь?

Ошарашенный вопросом, я так и застыл с отвисшей челюстью. Мне до сих пор и в голову не пришло, поинтересоваться судьбой пленников, захваченных бандитами в усадьбе убитого ими боярина Жуковского. После остановки колонны я как упал на снег среди тех, рядом с кем бежал в связке, так тут и остался, не подумав, что где-то среди остальных пленников должны находиться гвардеец Савелий, стрелец и брат Данилы Владимир, ради спасения которого ямщик отправился в опасное предприятие. Жив ли он сам? А Алена? Чтс с ней? И словно в ответ на мой мысленный вопрос от одного из костров донесся женский крик, сопровождаемый грубым мужским хохотом. Прислушиваюсь к женским причитаниям. Нет, голос низкий, явно не Алены.

— Где мои товарищи? — спрашиваю у Евлампия.

— Где ж им быть? Здесь все, — кивает он на темные кучки остальных пленников.

Насколько я мог видеть, когда ночная тьма еще не стуслилась окончательно, рядом, судя по серым кафтанам, были только подручные Савина. Значит Савелий где-то дальше.

— Погодь, говорун, — остановил меня шепот Евлампия, когда я собрался переползти к соседней кучке людей, — Ежели мои казачки шум поднимут, ты со своими нас поддержи. Может, и удастся убечь. А ежели нет, так лучше так голову сложить, чем когда зарежут как овцу.

— Ну, — задумчиво протянул я, — это тебя зарежут как овцу, чтобы с грамоткой твоей османской не засветиться. А меня резать вроде как не за что. — Не дожидаясь ответа бандитского генерала, я перекатился к другой компании.

— Шось такэ? Сонно спросил мужик, к спине которого я прислонился, прислушиваясь, как отреагировали на мое перемещение пирующие у костров татары.

Никакой реакции не последовало, и я перекатился дальше.

— Цэ хто скачет, як блоха? — озадачились моими перемещениями тут.

Не удовлетворив любопытства вопрошающего, я двинулся дальше.

— Тебе чего, хлопец? Никак лихо шукаешь?

А вот это уже, судя по разномастной одежке, люди не из банды Савина. Да и лица бородатые в отличие от бритых рож казачков-ренегатов.

— Своих ищу, — сообщил кучерявому русоволосому бородачу.

— Дмитрий, ты што ли? — послышался шепот со стороны. Голос явно знакомый, однако я не смог сообразить, кому он принадлежит. Ясно только, что никому из тех, кого я ищу.

Двигаюсь на голос и внимательно всматриваюсь в заросшее неопрятной всклокоченной бородой худое лицо с темным фингалом под левым глазом. Мы явно встречались с этим бомжеватого вида мужиком. Но где и когда?

— Нешто не признал? — щербато ухмыляется тот, и только тут я узнаю пропавшего без вести Алексашку. Ё-мое, видно досталось бедолаге не слабо!

— Жив, боярин? — тянет меня кто-то за рукав, и я снова удивляюсь, обнаружив рядом Данилу.

— И ты здесь?

— Лошадь подо мной пала, — виноватым тоном сообщает тот.

Все мы тут, боярин, — слышу из недоступной отсветам костров темноты голос гвардейского старшины Савелия.

— И Алена?

— Бабы отдельно. Енто товар дорогой, его на лошадях везут, — сообщает Меньшиков. Заметив мой тревожный взгляд в сторону доносящихся от костров женских вскриков, поясняет: — То крымчаки початых баб пользуют. Алену Митрофановну не тронут, ибо цена за порченный товар в десятки раз ниже.

Один из сидящих рядом мужиков начинает яростно рычать. Соседи тут же затыкают ему рот и наваливаются, что-то шепча в попытках успокоить.

— У них всех старых баб, кои ценность не представляют, да детей малых, кои пути не перенесут, порубали, — опять проясняет мое недоумение княжеский денщик.

М-да... Смотрю на успокаивающих взбесившегося мужика соседей и не могу разобраться в собственных чувствах к ним. Это ж какое миропонимание у этих здоровых бородачей, если после того, как убили их матерей детей и жен, они покорно плетутся в рабство? А что бы я сделал на их месте?

Решив оставить на потом расспросы Меньшикова, сам коротко поведал товарищам, что узнал о причинах татарского набега, о планах Савина и его предложении поддержать попытку прорыва из плена.

— Мыслю я, не по пути нам с Евлампиевскими татями, — поскреб ногтями заросшую бородой щеку Алексашка. — Ежели с хуторскими считать, нас десятков семь наберется. Даже ежели все разом поднимемся, то с голыми руками три сотни крымчаков никак не

одолеем. Оно, может, двум-трем и удастся конем завладеть да ускакать прочь. Токма всех остальных посекут татары. А ежели чудо произойдет, и одолеем татар, то опять же останемся меньшим числом супротив татей продажных. А на хуторских надежи никакой. Не воины они. Токма для обороны за крепостными стенами годны.

— И что делать? — спросил я, продолжая разглядывать исхудавшее лицо княжеского денщика. Грязные растрепанные волосы, всклокоченная борода и пылающие отсветами костров глаза придавали ему дьявольский облик.

— Мыслю, не нужно спешить, Димитрий, — продолжил шептать Алексашка. — Ежели то, что ты узнал о крымском принце верно, татарам необходимо добавить к полону еще две сотни душ. Ежели среди них мужички крепкие будут, тогда на крайний случай, можно будет и с татарами потягаться, и с татями. Но то на крайний случай. Казачки-то, что с тобой были, ушли от татар. Надо полагать, тревогу подняли и погоню за крымчаками снарядили. Не зря нас нонче гнали весь день. Полагаю, и завтра вдоль порубежья аки табун рысаков нестись будем.

— Невеселая перспектива, — хмыкнул я. — Тот, кто переживет еще один день такого забега, устанет так, что ни на что не будет способен.

— Отчего же? — удивился моему заявлению молчавший доселе Савелий. — Беги и беги себе налегке. Вот мы бывалочи на марше, да с полной выкладкой пуда в полтора, да без отдыха и сразу на османа... Ох и рвали его от злости...

— Полз бы ты, Димитрий, к Евлампию, — сквозь навалившуюся дрему доносится голос Меньшикова. — Эй, Димитрий. Уснул либо?

— А? Чего?

— Да тише ты, — Алексашка тревожно глянул в сторону костров и снова зашептал: — Я чего говорю-то, уболтал бы ты Евлампия, чтобы нынче бечь не надумали. Скажи, мол, то да се. Ну, да ты ж языком молоть горазд. А?

Мне не хотелось никуда ползти, не хотелось ни с кем разговаривать. Хотелось свернуться калачиком прямо так, на затоптанном грязном снегу и забыться до утра, желая лишь одного, чтобы это утро не наступало как можно дольше. Однако какая-то сила заставила встать на четвереньки и перебежками вернуться к генералу. Тот тоже не спал и встретил меня так, будто бы ждал.

— Ну? — прищурил он вопросительно глаз.

— Короче так, пацаны, — привалился я к чьей-то спине, — сегодня шухер отменяется. Ферштейн, чи нихт?

— Чого вин гутарит? — подает голос один из бандитов.

— По-русски изъясняйся, говорун, — хмурится Евлампий.

Сажусь по-турецки и, авторитетно жестикулируя распальцовкой, привожу аргументы, почему нельзя пытаться убежать сегодня. Разумеется о надежде на организованную оскольскими казаками погоню не говорю, ибо в этом случае для Евлампия с подручными, как говорится, хрен редьки не слаще. Говорю в основном о необходимости дожидаться, когда полон по планам крымчаков увеличится втрое, и лишь тогда сколотить надежную боевую команду, с которой не грех будет устроить татарам локальный апокалипсис. Сделав короткую паузу, но не дождавшись, когда кто-нибудь спросит, мол, что такое локальный апокалипсис, завершаю речь заявлением, что если братва надумает устроить шухер нынче ночью, то никто их не поддержит.

С последним словом меня покинули последние силы, и я уснул, вновь привалившись к

чьей-то спине. Савин вроде бы что-то говорил и даже пытался меня растолкать, но моему организму не было до него абсолютно никакого дела.

* * *

Бег. Грубая веревка стерла кожу на запястьях до крови. Хриплое дыхание соседей. Желание упасть и умереть.словно в усмешку над таким желанием, всплывающие в сознании слова Савелия о марш-броске с полной выкладкой. Даже и думать не хочу, сколько шагов пробежал бы, если сейчас на меня навьючить полтора пуда груза... Мысли отвлекают и успокаивают. Вспоминаю науку родного дядьки и начинаю дышать в такт бега — на два шага вдох, на два шага выдох... Колонна резко останавливается, и мы падаем, натыкаясь друг на друга. Наверное, крымчаки казнят очередного бедолагу, не выдержавшего забега. Лучше бы не останавливались. Теперь подняться и снова бежать невыносимо трудно...

Зимний день короток, но нас гнали и в темноте. Гнали, пока не послышались возбужденные голоса, и вокруг возникла какая-то суета. Колонна остановилась, полон, сбили в кучу, сняв веревочные петли с рук. Через несколько минут к нам втолкнули новых пленников. Я даже сквозь невероятную усталость удивился тому, что это были только женщины и подростки. До сих пор женщин, как особо ценный товар, везли на лошадях, коих хватало с лихвой. Неужели набрали полонянок с излишком?

Однако все оказалось гораздо хуже. Ситуацию растолковал Алексашка, успевший расспросить подростков. С бабами разговаривать было бесполезно, ибо все они либо были, либо наоборот находились в ступоре, сквозь который невозможно было пробиться. В общем, налетели крымчаки на очередное селение, застав обитателей врасплох. Вот только оказалось то селение не владением какого-нибудь порубежного помещика, а свободным казачьим хутором. И ладно если бы, застав врасплох, татары порубили взрослых казачков. Но они-то не за головами пришли, а за полонем. А полон на сей раз зубастым оказался. Опомнились хуторяне, да устроили гостям смертельную мясорубку. В итоге, взяв менее двух десятков баб и детей, крымчаки потеряли полсотни убитыми и тяжело ранеными. Раненых сам татарский принц и добил, пообещав по возвращению вырезать и их детей, дабы не поганить род неумелыми воинами, неспособными большим числом одолеть горстку русских.

Алексашка замолчал и посмотрел мне за спину с таким выражением, будто увидел смертельного врага. Так оно и оказалось, к нам подобрался бандитский генерал.

— Плохо дело, хлопцы, — заявил он.

— Тамбовские волки тебе хлопцы, — определил я степень дружелюбности наших отношений. — что случилось? Неушто запор?

— Слушай, что скажу, говорун, — поморщился Евлампий. — Наказал я хлопцам, кои по-татарски разумеют, слушать о чем крымчаки говорят. Мыслью, порежут нас, говорун, нынче, аки скот.

— Обоснуй.

Из собранных подручными Савина сведений следовало, что ближники принца конкретно присели тому на уши, уговаривая порубить, полон и во все конские лопатки улепетывать домой. А уж они-то подтвердят и перед ханом, и перед остальными его сыновьями, что он взял полоня в два раза больше против обещанного, но потерял его в отчаянной рубке с многотысячным русским полком. И в этом нет ничего позорного, ибо

разменял жизни немногим более полусотни своих воинов на жизни тысячи урусов. И каждый воин, побывавший в героическом набеге, подтвердит сей подвиг, если не захочет, чтобы его род вырезали под корень.

Неожиданно гомон среди окружающих нас крымчаков стих. Проследив, куда направлены их взоры, я увидел группу приближающихся татар, выделяющихся среди прочих не только богатым одеянием, но и особой статью. Возглавлял группу высокий юноша с едва пробившимся пушком на верхней губе и на высоко задранном подбородке. Не иначе принц? Сколько же ему лет? Максимум шестнадцать. Поверх длиннополого стеганого халата надета кираса, сверкающий вид которой заставляет сомневаться, что ее владелец участвовал в смертельных рубках. На голове так же сверкающий шлем, который то ли отделан меховой опушкой, то ли просто одет поверх шапки. Выдвинутая вперед нижняя челюсть, плотно сжатые губы и сведенные к переносице брови наверняка должны придавать лицу воинственную свирепость. На поясе у юноши с одного бока болтается сабля в инкрустированных драгоценными камнями ножнах, с другого бока кинжал, не многим уступающий в размерах сабле.

Глава крымчаков подходит ближе и останавливается, хмуро осматривая полон. Повисает еще большая тишина. Даже бабы перестают выть и лишь тихонько всхлипывают. Судя по тому, что разведал Евлампий Савин, сейчас решается наша судьба.

Я никогда не считал себя отморозком. Просто в критические моменты вдруг начинал совершать такие поступки, о которых в здравом уме не мог бы даже помыслить. Вот и сейчас поднимаюсь и иду к татарскому принцу. Он удивленно вскидывает брови, глядя на наглеца. Меня тут же сбивают с ног. Успеваю заметить блеск занесенной сабли и непроизвольно зажмуриваю глаза и втягиваю голову в плечи. Но слышится каркающая команда, меня хватают за шкуру, волокут и бросают под ноги принцу.

— Говори, урус, — с презрением в голосе бросает один из ближников принца.

— Я не урус, — заявляю, поднявшись на четвереньки, — я сын чукотского короля. За меня заплатят большой выкуп.

Татары заговорили на своем. В их голосах слышалась заинтересованность.

— Я не слышал о таком королевстве, урус? — шагнул ко мне принц, решивший общаться лично.

— Я тоже, — сообщаю недоверчивому крымчаку, дергаю его за ноги, кубарем накатываюсь на рухнувшее навзничь тело, выхватив кинжал и прижав его к горлу юного воина степей. На миг встречаюсь взглядом с широко открытыми глазами, отражающими одновременно испуг, обиду и растерянность. А вокруг шелест покидающих ножны клинков сливается в смертельный шепот.

— Всем отойти! — кричу, опрокидываясь на спину, но продолжая прижимать лезвие к горлу опешившего принца. Из-под врезавшегося в кожу лезвия стекает капля крови. Косясь на готовые обрушиться на меня сабли нукеров, ору поверженному в ухо: — Прикажи отойти своим собакам! Иначе я успею отрезать твою голову, прежде чем отрубят мою!

— Ан-нан кит! — сорвавшись на мальчишеский фальцет, дрожащим голосом выкрикнул тот.

— Какой еще аннан? Прикажи отойти, иначе зарежу!

— Аннан кит! — снова заверещал татарин, и окружающие нас нукеры отступают на шаг.

— Аннан кит! — теперь уже ору я. — Иначе хан отрежет вам яйца за то, что не уберегли

его сына!

Крымский принц выдает какую-то скороговорку, и крымчаки, шипя что-то злое сквозь зубы, отступают еще на пару шагов.

— Чего ты хочешь, урус? — косясь на кинжал у собственной шеи, спрашивает принц.

— Выкуп, естественно. Ты чего думаешь, я ради развлечения заманивал тебя в эту ловушку? — мелю, что в голову приходит, пытаюсь сообразить, как выпутаться из сложившейся ситуации.

— В какую ловушку? — не понимает крымчак.

— Ты что, до сих пор не понял, что это мои люди подстроили так, чтобы ты дал слово отправиться в безрассудный набег? По глазам вижу, что не понял. Пожалуй, твой отец не даст большой выкуп за такого тупого барана.

Не стоило мне говорить последних слов. Ханский сын дернулся так, что чуть сам не перерезал себе горло. А его нукеры дернулись к нам, держа наготове сабли.

— Аннан кит! — только и смог заорать я. Интересно, что это значит? Надо будет потом узнать у знатоков татарского. Если конечно это потом будет.

— Ты лжёшь, урус! В окружении отца не может быть твоих людей!

— Моих не может, — согласился я, — а вот человечек Светлейшего Князя присутствует.

— Кто он?

— Не знаю. Мое дело поймать тебя, что я и сделал. Но ты сам подумай, кто подбил тебя на эту самоубийственную авантюру?

Крымчак не ответил. Глаза его сузились, выдавая работу мысли.

— Ну что, — я похлопал его по щеке, — теперь еще сильнее захотелось вернуться домой?

— Говори, что хочешь, урус?

— Короче так...

* * *

— Дмитрий, скажи, пусть не тычет ружьем мне в спину. Я теперь не уйду от вас, даже если отпустишь, — крымчак зло сощурил глаза. — Не уйду, пока Светлейший князь не назовет имя собаки, которая завелась возле моего отца.

— Нешто сам не догадываешься?

— Догадываюсь. Но хочу, чтобы князь подтвердил.

— О чем он говорит? — удивляется Меньшиков.

Делаю Алексашке неопределенный знак рукой, мол, погоди, и говорю пленнику:

— Я тебе верю, Девлет. Но допускаю, что самые верные твои нукеры, убоявшись ханского гнева, могут следовать за нами, в надежде освободить своего господина. А пара нацеленных в твою спину ружьишек убережет их от опрометчивого шага.

Мы ехали всю ночь, желая как можно быстрее прибыть в ближайшую порубежную крепость. Погода резко потеплела. В воздухе висела сырая промозглая мгла. Под копытами лошадей чавкал подтаявший снег.

Большинство освобожденных полонян дремали прямо в седлах. Лишь пятеро знакомых с воинским делом мужиков под командой гвардейского старшины вместе со стрельцом и братьями ямщиками не спускали глаз с крымского принца и связанного Евлампия Савина.

Остальную банду я благодушно отдал крымчакам в качестве утешительного приза. Не знаю, какая участь их ждет, надеюсь достойная свершенных деяний. Евлампий бы мне тоже на фиг не нужен, но Алексашка захотел непременно доставить его пред княжьи очи.

Данила с Владимиром и в правду поверили, что если меня разозлить, то я в одиночку могу зашугать сотню-другую татей. Теперь они обращались ко мне подчеркнуто почтительно и величали либо по имени-отчеству, либо боярином.

А вот Алексашка с Савелием, уже однажды освобождавшиеся подобным образом из бандитского плена, отнеслись к произошедшему, как к должному, и даже спасибо не сказали. Обидно, слюшай, да!

Зато Алена на этот раз оказалась не в пример многословна. Она искренне меня благодарила, обзывала ангелом-хранителем, дважды вырвавшим ее из лап татей. Не, а чо, я такой! Когда хорошенькая девчонка смотрит на меня такими глазами... Да я, может быть даже и еще раз ее спас бы... Не дай Бог, конечно. Хоть Он, говорят, и любит троицу. Сейчас Алена Митрофановна едет среди баб, над коими взяла шефство.

Больше книг на сайте - Knigolub.net